

СУРА

ЖУРНАЛ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, КУЛЬТУРЫ И ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

6 (130)

НОЯБРЬ - ДЕКАБРЬ

Слово «кризис», написанное по-китайски, состоит из двух иероглифов: один означает «опасность», другой — «благоприятная возможность».

Джон Кеннеди

В НОМЕРЕ:

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

Роман РЯБОВ. Немного о зиме. Стихи	3
Николай БУЯНОВ. Умная Эльза. Кинороман. Окончание. Начало в № 5 за 2015 г.	10
Евгений ЮШИН. Птица времени. Стихи	86
Дана ЛОБУЗНАЯ. Маленькая моя страна. Рассказ	91
Марина АНАШКЕВИЧ. Росы Вселенной. Стихи	99
Владимир ЛАЗАРЕВ. Дыханьем Родины живем. Стихи	103
Екатерина ЗОЛОТОВА. Потерянная песня. Рассказ	107
Владилен ФЕДОСЕЕВ. Я — из Пензы. Стихи	117
Ольга ТОКАРЕВА. Я только лист на древе жизни. Стихи	123
Нина БОГДАШКИНА. У родного села. Стихи	127

ПОД ЛЕРМОНТОВСКОЙ ЗВЕЗДОЙ

Александр КНЯЗЕВ. Краткий обзор литературы. К 200-летию со дня рождения М.Ю. Лермонтова	131
--	-----

ПАМЯТЬ

Екатерина КОЗЫРЕВА. «Чую радуницу Божью». С.А. Есенин через 120 лет	143
Николай КУЛЕНКО. Мой Коля Рубцов. К юбилею поэта	149
Николай ЧЕТВЕРТКОВ. Лучший художник-иллюстратор России. К 125-летию со дня рождения Н.В. Кузьмина	155
Вячеслав НЕФЁДОВ. «Практическое соприкосновение с жизнью». К 130-летию со дня смерти А.И. Пальма	163

ДЕБЮТ

Анна БОРОВАЯ. Менуэт по-харьковски. Эссе	168
--	-----

ЧИТАЕМ ВСЕЙ СЕМЬЕЙ

Александр МАРЫНОВ. Пензяки о литературе. Афоризмы, изречения, размышления	171
--	-----

КРИТИКА. РЕЦЕНЗИИ. ОБЗОРЫ

Эдуард АНАШКИН. «...А сердце в Читу, все в Читу, все в Читу возвращается». К 50-летию совещания молодых писателей Сибири и Дальнего Востока ...	180
Алла НИКОЛАЕВА. Симпозиум в Константиново. К 120-летию со дня рождения Сергея Есенина	202

КЛУБ «ПОЮЩИЕ ПОЭТЫ»

Песни Сергея КОРОБОВА	205
-----------------------------	-----

ПЕСЕННАЯ ПЕНЗА

Роман ДАВЫДОВ. «Молю прощенья у любви»	210
Содержание журнала «Сура» за 2015 год	213
Об авторах	218

Роман РЯБОВ

**НЕМНОГО
О ЗИМЕ**

Стихи

* * *

Здравствуй, келья моя.
Монастырь мой заброшенный, здравствуй.
Это старый жилец, промотавший великое царство,
Возвращается в стены твои в полусгнившей одежде
И так страшно устал, что стели хоть прокрустово ложе.
Я такие дорожки топтал! Рассказать — не согласишься.
Оказалось потом, что кругами ходил. Словно ветошь
Оставляю теперь я ошибки свои на пороге
И берусь за перо, чтобы снова подумать о Боге.
Я всегда так молился, рифмуя далекое с близким.
Вспоминая друзей по следам вековой переписки,
Я надеюсь еще раз услышать хоть слово о чуде.
Мне сегодня светло. Пусть не так гениально, как Будде.
Вот и кресло мое. Вот и лампа настольная. Книжки.
Вот и первые опыты духа: распятыя, вериги.
За окном в тоге ходит зима. И шуршание хлопьев
По стеклу в благодатном покое отшельника топит.
Это время похоже на порцию вечности, пробу
Удаления плоти задолго до выноса гроба.
Здравствуй, келья моя, долгожданная тихая пристань.
Я сижу в тишине с мемуарами идеалиста.

* * *

Сосны с веток сыплют снежной пылью.
В тесных связях крон редееет сумрак.
Лишь на миг стволы вздымают крылья,
Глядя на сквозную верхотуру.

Мне ли, мне ли мыслить перья?
Следом — слово, словом — небо?
По находкам и потерям
Я бегу, как пес по следу.

Сыплют сосны снежной пылью с веток,
До крыльца тропу стараясь спрятать.
Вряд ли нынче будет верной меткой
Хвои пук, торчащий словно лапоть.

Чей я, Боже? Нужный, лишний?
В царстве зимнем сердцем кто я?
Как на паперти — мальчишке
Нет ни дела, ни покоя.

Снежной пылью сосны с веток сыплют.
Снова двор готовится к изданию.
Стены комнат забывая в ссылке,
Окна отражают мирозданье.

Строки старых публикаций:
Больше спеси, чем скрижалей;
Проку нет от декораций,
Коли тоще содержанье.

Снежной пылью с веток сыплют сосны.
Изредка, но щедро. Большеруко.
Парочки теней простоволосых
От ворот уходят переулком.

Остаются волны жизни:
Белый свет, скользнувший краем,
Топит лестницу в эскизах,
В духе личность растворяя.

Сосны сыплют с веток пылью снежной.
Ходит голубь важным пошехонцем.
Из-за крыши с узелком надежды
Истиной выглядывает солнце.

* * *

В старых районах дорожек и троп
Больше, в отличие от новостроек,

Бережно выстроен каждый сугроб,
Каждый подъезд — с орденами героя.

Солнечный день, заключив договор
С тишью заснеженной, с липой сторукой,
Светлым уютом наполнив весь двор,
Водит периметром деда и внука.

Первый — с лопатой (фанерный квадрат
выгнулся, выставив штемпель почтовый).
Окнам на зависть и паре ребят —
Новый совок и ведро у второго.

Каждый — работник, и всякий — стратег,
Тут ни свое, ни чужое — не ноша;
Искрами, россыпью падает снег,
Брошенный с давней замашкой наотмашь.

Эхо с проспекта доносит едва
Снегоуборочной техники говор.
Дед закурил. И стоит у ствола
Липы, огромной, как сказочный город.

Сидя на корточках так, что берет
Страх за пальто и надежность застежек,
Внук озадачен гурьбой воробьев,
Не замечая случайных прохожих.

Пусть кропотлива работа добра,
Пусть и лопата — из прошлого века.
Толпам дорогу творят трактора —
Тропку торит человек человеку.

* * *

Это время глухой обороны.
Это волны и топь отопления.
Православие рамы оконной
И святой тесноты восхваление.

Малодушие снежного взноса
В перемирие и равноправие;

Это тихие души с начесом
Осторожного существования.

Вдохновенье вечерних приходов,
Альвеол и аорт трудолюбие,
И беседы, входящие в моду
По причине тепла многолюдного.

Этот снег, задержавшийся на ночь
По делам поцелуев свидетелем,
Забываясь в падении навзничь,
Заболтался о личном бессмертии.

В ожидании слякотных бедствий
Эти сумерки сжались в бессилии,
Как желанье попятиться в детство
До саней или ламп керосиновых.

Полногрудая белая мякоть,
Доводящая тропами прошлого
До того, что захочется плакать
От надежд на охалки хорошего.

И течение суток ближайших,
Разлетевшись из варезек комьями,
Вдруг докажет асфальтовой фальши,
Что единство веками намолено.

* * *

Часы и старинный комод,
Волна аромата конфетного...
Как странно кончается год —
Хлопушками и статуэтками.

А все начиналось с листа
Площадок и скверов заснеженных,
Где нехотя дух восставал
В заигранной роли мятежника.

Он пробовал свой монолог,
Считая ступени у булочных;
Восторгами сыпал в пролог,
Когда уставал богохульничать.

И брал он у Даля взаймы,
Себя разбросав за перчатками,
И берег спасал от зимы —
Воробышка слова печатного.

Смеялся над мелочью треб,
Стращал свою рукопись топками
И был аскетически слеп,
Окутавшись паром над толпами.

Вот так заполняя тетрадь
Горой ежедневного вымысла,
Я должен был что-то понять,
Какую-то истину вынести

И вымести мусор забот
Упругостью нового веника...
Как странно кончается год,
Начавшийся не с понедельника...

Я должен был что-то забыть
И вычеркнуть все нарочитое.
И, может, чуть больше любить,
Чем книжные чувства вычитывать...

* * *

Завесил снег передний план
И шепчет тексты древних песен,
Зима, как белый великан,
Лежит в полях, лесах, предместьях.
И, глядя в сказочную глушь,
На сон заснеженного сада,
Легко в себе находишь клады,
Смахнув действительности чушь.

В округе — царственный покой,
Везде просвечивает святость,
И это чудо день-деньской
Нельзя от глаз и сердца спрятать.
Нет слов на лист перенести,
В раздумье комнату исшаркав,
Отяжелевших веток арки
И все сплетения житий.

С чего начать подобный труд,
Какую прическу представить,
Пока не гнет хлопот хомут
И, словно кот, мурлычет память?
Мол, не на небе — на земле,
Не помирали — жили-были
Три пары чьих-то сильных крыльев
В узорах белых на стекле.

Мол, так навек решил Господь,
Что в тишине работа духа
Верней одежд прикроет плоть,
Сопроводив полетом пуха.
Что все на свете — скорлупа,
Что тайна истины — в почине;
И за порогом разом сгинет
Непроторенная тропа.

Как чародействует хитро
Судьба, раскладывая карты,
Плывет, вальсирует перо,
Придумываемая бакенбарды.
И как, не закрывая рта
Под оком Альфы и Омеги,
С припевом «идут белы снега»
Растет сугробов глухота.

* * *

Не читается. И не пишется.
Не с душой ли что? Или с мышцами?
Тело выжато тряпкой — досуха.
Место дикое. Время посоха.
Год к концу идет тихим пьяницей.
Слово Господу. Дело — к памяти.
Или, так храня суть от клаузул,
Не судьба ль моя держит паузу?
Иль не я просил кельи с кладами?
Так чего ж еще сердцу надобно?
Книги — толпами, чашей — древности,
Не протиснуться современности.
Поле пройдено и прополото,
Немота моя вся — из золота,

Хоть грядущее — не из мрамора...
Мне на все углы хватит ауры,
Мне на все века хватит имени,
Если вынесу, если вымолю...
И последнюю маску — в крошево,
Коль трагедией перекошена.

* * *

Ты только взгляни на снега и метель,
На это великое чудо природы,
Где тучи по небу идут хороводом
И город ребенком зарылся в постель.

Во славу зимы заметают-пуржит,
В покой и безмолвие мир погружая;
Философ доволен своим урожаем,
И светел в избе занесенной мужик.

И дремлет в снегах государство былин,
В соборах и церковках теплятся свечи;
И, дымку бессмертья накинув на плечи,
Хозяйка снимает лопаточкой блин.

Взгляни — какова эта вьюжная страсть,
Подумай — какие готовятся краски!
Любая эпоха кончается сказкой,
А значит, ни небу, ни нам не пропасть.

Николай БУЯНОВ

УМНАЯ ЭЛЬЗА

Кинороман*

Тот же кабинет, тот же призрак на экране видеодвойки — чем дольше смотреть на него, тем яснее проступает дешевая подделка: фигура выглядит плоско и безжизненно, точно вырезанная из бумаги. Над лицом злоумышленник вообще посчитал лишним заморачиваться: вместо него в кадре безгубая и безносовая маска.

— Это и правда сделал не Женя, — сказала Эльза. — У нас дома, в Катиной комнате, висят несколько его работ — знаете, такие большие фотографии, похожие на рекламные...

— Постеры, — подсказал следователь.

— Да, да. Они великолепные: в них есть вдохновение, оригинальность, сюжет... Женя настоящий профессионал — конечно, насколько я могу судить.

— Его никто не подозревает, — отмахнулся Колчин. И добавил после паузы: — Видите ли, Эльза Германовна, вся их компания, включая вашу внучку (только не вставляйте на дыбы)... слишком *обыкновенная*. Да, спортивные, возможно, неглупые, но их интересы, коли разобраться, лежат где-то в области гормонов, не выше. А эту комбинацию выстроил человек другой породы, с иным жизненным опытом. И направлена она против такого же, как он сам. Кража камеры, фотомонтаж, разрытая могила... Очень похоже на поляну, заваленную валежником. Стоит убрать с нее все лишнее — и преступник останется торчать, как сухой пенек.

— А что здесь можно убрать? — заинтересованно спросила Эльза. — И что оставить?

— Давайте подумаем, — Колчин порылся в ящике, выложил на стол лист бумаги и нарисовал сверху жирную единицу. — На ваш взгляд, трудно постороннему пройти ночью на аэродром?

* Окончание. Начало в № 5 за 2015 г.

Эльза мысленно воспроизвела тамошнюю систему охраны: шлагбаум, ограждение, будка на въезде — и подумала, что сама взялась бы проникнуть и в ангар с парашютами, и даже в хозяйский трейлер незамеченной, будь у нее темная одежда и кое-что из специальной экипировки.

— Идем дальше, — ниже единицы на бумаге появилась двойка. — Кто мог нацепить рыжий парик, комбинезон и помазать перед вдовцом?

Эльза пожала плечами.

— Вы сами сказали: все длинноногие, спортивные, с подходящей фигурой...

— Согласен. Точно так же *любой* мог перетянуть шпильку (для этого не обязательно быть парашютистом, достаточно залезть в Интернет и прочитать устройство ранца) — это три, использовать для этого кенгутовые хирургические нити (ваш сын тоже вне подозрений по причине инвалидности) — четыре, осквернить могилу... Одного случайный человек сделать не мог: *нарисовать на памятник*е чашу. Что было выгравировано на вашем медальоне?

Эльза помолчала, собираясь с мыслями.

— «Верни чашу Пантелеймону, найди, куда перст укажет, и опусти взор, воспарив...» Примерно так.

— Пантелеймон, — повторил следователь. — Покровитель больных и мучеников. Когда речь заходит о ком-нибудь из святых, что первое приходит на ум?

— Икона.

— Верно, икона. У вас есть такая на примете?

— Увы, — Эльза виновато покачала головой. Взгляд ее снова вернулся к экрану, она помолчала и неожиданно выдала:

— Есть еще кое-что, чего посторонний сделать не смог бы. Поменять местами ранцы на поле. Здесь подозрительнее других выглядит Ирина Сырникова. Не потому, что Аглая Федоровна отстранила ее от прыжков, — просто ведет себя как-то чересчур вызывающе.

— Катю вы пока намерены оставить в стороне? — понимающе спросил следователь. — Хотя именно она первая высказала мысль... Ладно, продолжайте.

— Остается Аля Морозова — но я совершенно не вижу у нее мотива. Собственно, мы даже пообщаться не успели. Нет, думаю, она к этой истории непричастна.

— Как знать, — протянул Колчин. Отомкнул сейф, покопался на полке и выложил перед собеседницей картонную папку. — Почитайте.

Эльза послушно развязала тесемки. И подумала, что фотограф, работавший на месте происшествия, обладал недюжинным талантом и тягой к свободному творчеству — настолько мастерски была выстроена композиция и подобрано освещение. Мертвая девушка на снимках легко могла бы рекламировать и эксклюзивные японские часы, и фирменные шмотки из магазина «Спортмас-

тер». Шикарные черные волосы в потеках воды, кровавая полоса вдоль горла и зеленая травинка, прилипшая к белой коже на виске, — все это выглядело почти гламурно, точно на развороте модного журнала. Следующая серия была групповой: как Эльза догадалась, прежний состав «аистят», пока еще туда не влилась ее внучка. Две красавицы-близняшки, Ирина Сырникова и Светочка Аникеева. Вся королевская рать.

— Вот эта девушка, — медленно сказала Эльза, — очень похожа на Алю Морозову. — Сестра?

— Сестра, — подтвердил следователь, заглядывая посетительнице через плечо. — Наиля Морозова, найдена мертвой три года назад, восемнадцатого мая, возле пруда по дороге на аэродром. Орудие убийства обнаружено не было, но предположительно это нож-стропорез. Случайная свидетельница утверждала, что девушка была в компании с неким человеком в куртке с капюшоном и старом вылинявшем комбинезоне — впрочем, как выяснилось, у нее было зрение минус пять, а очки в то утро она забыла дома.

— Первый состав «аистят», — пробормотала Эльза. — А ведь Аля могла затаять зло: Катя пришла на место ее сестры...

— Ваша внучка влилась в основной состав спустя полтора года после убийства, — возразил Колчин. — Тут ее не в чем обвинить.

Эльза с сомнением покачала головой.

— Это мы так думаем.

Она надеялась застать подружек в институте, но заблудилась среди студенческих кампусов и безнадежно запуталась в учебном расписании, которое, как оказалось, совершенно не соответствует действительности. Когда же наконец она отыскала нужную аудиторию, лекции уже кончились, и единственный припозднившийся студент-сокурсник, выслушав вопрос, равнодушно пожал плечами: «На аэродром уехали. У них вроде сегодня тренировка».

Тренировки, однако, не было: по крайней мере, вся летная техника мирно дремала на земле подле ангаров. День клонился к вечеру, легкий ветерок лениво играл с пылью на бетонной полосе, и Ирина Сырникова, по обыкновению в майке без рукавов и пятнистых брюках (но на этот раз без газонокосилки), поливала из шланга клумбы.

— А где все? — поинтересовалась Эльза.

— Кто где. Джонни вашу Катюку катает на своей тарактелке, Лаперуз со Светкой минут двадцать назад пошли в столовую бутерброды хавать, Палыч в город отбыл, деньги из спонсоров выбивать. А вам кто нужен?

— Аля Морозова, — Эльза помолчала. — Почему вы не сказали, что девушка, которую убили в лесу, Алина сестра?

— А вы не спрашивали, — без малейшего удивления отозвалась собеседница. — Да и преступника все равно не нашли — может, это вообще был какой-нибудь пришлый маньяк.

— В старом летном комбинезоне и со стропорезом?
— Откуда вы знаете?
— Следователь просветил.
— И что вы хотите? Выяснить, не ваша ли внучка ее по горлу полоснула, чтобы занять место в команде? Молчу, молчу, — она подняла руки, заметив в глазах Эльзы недобрый огонек. И повторила выводы Колчина: — Палыч с Аглаей почти полгода нового кандидата в четверку искали, пока Катька не подвернулась. Так что с этой стороны все чисто.
— Аля за ворота не выходила?
Ирина снисходительно усмехнулась.
— Я не сторож брату моему... Не помню, откуда это.
— *Пофигисты*, — в сердцах проговорила Эльза чуждое для нее слово. — А если на вашем аэродроме произойдет еще одно убийство? По-прежнему будешь своей газонокосилкой стрекотать, клумбочки поливать?
Ирина швырнула шланг в траву.
— Нет, вы меня достали. Как оно, по-вашему, произойдет? Я же говорю, менты все полеты запретили!

Неглубокая ложбинка почти на границе аэродрома. Три тонкие молодые березки на бугорке и раскидистый куст бузины — любимое место отдыха «аистят» в ожидании вызова к вертолету. Бузина создает ощущение некой уютной уединенности: тебя за ней не видно, зато вся территория как на ладони. Девушка с восточной черной косой — Аля Морозова — сосредоточенно наблюдает за Эльзой и Ириной Сырниковой. Сзади осторожно подходит некто в темной курточке с накинутым капюшоном и трогает девушку за рукав: «Пошли отсюда, нечего светиться». Оба, пригнувшись, как разведчики, спешат к опушке леса.

— Нет, ну что ей надо? — с неудовольствием пробормотала Аля, быстро шагая по тропинке. — Сидела бы дома, вязала носки... А вдруг станет известно, что это я поменяла ранцы?

— Никто ничего не докажет. И, между прочим, ты спасла от смерти ее внучку.

— Получается, что так, — Аля чуточку помедлила. — Я ведь Катю поначалу возненавидела, представляешь? Но я тогда не знала *всего*... А когда узнала, стало жутко... И сейчас жутко.

— Не волнуйся. Мы просто в нужный момент переключим внимание следствия на другой объект.

— Это как?

— Ну, если у ребенка нужно отобрать игрушку, а ты знаешь, что он расплчется, — как ты поступишь? Дашь ему новую.

Аля с сомнением прикусила губу.

— Милиции-то новую игрушку не подбросишь...

— Фу, им-то как раз проще простого. Вот со старой перечницей придется повозиться.

Послышался негромкий щелчок. Девушка посмотрела на спутника, и ее глаза удивленно расширились.

— Камера... Так вот куда она исчезла! А ее ищут-ищут... Ты что, снимать меня хочешь? Зачем?

Собеседник рассмеялся и поймал спутницу в объектив.

— А это и есть новая игрушка. Гляди-ка, вон наш пруд... Повернись чуть-чуть к нему, сделай вид, что пейзажем любуешься.

Титры на экране: «Полустанок Белая Грива, 30 км от Архангельска, октябрь 1951 г.».

Промозглое серое утро. «Бабьим летом», которое обычно устанавливается в эту пору, сейчас и не пахнет: лиственные деревья стоят черные и нагие, если так пойдет дальше, скоро выпадет снег. Крошечный полустанок: несколько кривобоких домиков, будка путевого обходчика и железнодорожная насыпь, участок которой размыли недавно прошедшие дожди. Перед поврежденным участком стоит эшелон: старенький трофейный паровоз ТР и шестнадцать «столыпинских» вагонов с зэчками разного возраста. Старшей, Степаниде Прохоровой, «Степке-поллитровке», далеко за шестьдесят. Младшей, Айше Малуевой по кличке Чурка, в прошлом месяце стукнуло пятнадцать. Девчонку не отпускает от себя рослая широкоплечая Танька Нардым, получившая кличку, видимо, по названию последнего места отсидки. Вдоль вагонов не торопясь идет Эльза Дорман — в форменной пилотке и шинели с синими капитанскими петлицами. За ней с трудом поспевает путевого обходчик. Он однорукий: левый пустой рукав заткнул за пояс.

Обходчик. Не извольте беспокоиться, гражд... то есть товарищ начальник. Я из сторожки телефонировал в управление, обещали выслать бригаду. Тут километрах в пяти лагерь для заключенных. Правда, подождать придется: пока наряд выпишут, то се...

Эльза. Руку-то где потеряли?

Обходчик. Под Курском. Я там в противотанковом батальоне был, а фрицы аккурат в первый раз «тигров» на нас выпустили... Ага, едут, кажись. Два грузовика с бригадой и начальство на легковушке. Теперь дело пойдет, при Дьяченко-то они работают как заведенные.

Эльза. При ком?

Обходчик. Начальника лагеря зовут Семен Андреевич Дьяченко. Он старший майор.

Он появляется из заляпанной грязью «эмки» — высокий, худощавый, в серой шинели и начищенных сапогах. Две полторки осторожно объезжают его по расхлябанной грунтовке, останавливаются, и оттуда выгружаются зэки в ватных фуфайках. Эльза спокойно стоит на насыпи, подняв воротник кожанки

и сунув руки в карманы. Странно, но она нисколько не удивлена. И не взволнована: сердце бьется абсолютно ровно.

Дьяченко (подходя к Эльзе и, кажется, не узнавая ее). Вы здесь старшая? Эльза. Так точно. Капитан Дорман, начальник охраны эшелона.

Дьяченко. Рад знакомству, барышня. Что за груз везем?

Эльза. Этап на Пушлахту.

Дьяченко. Бабы, значит. Я бы на вашем месте выставил двойное оцепление, и чтоб из зэчек никто к окошкам не подходил...

Вдруг замирает, будто пораженный громом. Медленно протягивает руку и трогает Эльзу за плечо. Умная, неужели ты?

Двое медленно, точно влюбленная парочка, идут вдоль насыпи. Там споро разворачиваются ремонтные работы: слышен стук кирки, скрежет сразу нескольких лопат и повизгивание громоздких груженых тачек.

Дьяченко. А ты такая же красивая, как и восемь лет назад... Или девять? Я тут совсем счет времени потерял. И даже на фамилию не среагировал, вот же черт...

Эльза. Потому что искали меня среди живых. А нужно было искать среди мертвых. Вы ведь давно меня похоронили, верно?

Череда быстро сменяющихся кадров. Утоптаный снег на плацу, колючая проволока и строй молоденьких девушек в больших, не по размеру, ватниках. Пропавшая без вести Верочка-Ластик. Лисичка, застреленная снайпером на ничейной полосе под Гданьском. Белка, схваченная во время диверсии на военных складах в Сливовицах и замученная гестапо. Ромашка, убитая взрывом при штурме аэродрома в Бреслау, — гарнизон к тому времени выбросил белый флаг, и только рота СС еще удерживала взлетную полосу, дожидаясь, пока последний самолет не вывезет из города гауляйтера. Оса — мудрая, рассудительная, взявшая на себя роль старшей сестры при девчонках-соплюшках... Она так и не доехала до фронта: их поезд попал под бомбежку на маленькой станции Игнач недалеко от польской границы. Ни среди живых, ни среди мертвых ее не обнаружили...

Дьяченко. Ладно, чего тут мерзнуть. Хавроньев! В дом веди, да поживее, к тебе тут два больших начальника.

Хавроньев — тот самый старик-обходчик — суетливо ведет гостей в столожку. Внутри тесно и не прибрано: сразу видно, дом без хозяйки. Да и без хозяина. Не дом, а некое временное пристанище длиною в жизнь. Дьяченко по-хозяйски усаживается за колченогий стол, замечает бутылку с мутноватой жидкостью и презрительно дергает подбородком: «Ты это дерьмо убери подальше. Сбегай-ка до моей «эмки», найди Архипова и скажи, пусть тащит сюда вещмешок. Да осторожнее, не дай бог разобьет чего-нибудь».

Эльза. Как-то вы с ним... Все же фронтовик, руку потерял на Курской дуге...

Дьяченко. На какой дуге? зерно он на станции воровал. Завидел патруль, полез под вагон, а поезд возьми да тронься... Архипов! Где тебя черти носят?

На пороге появляется высокий худой мужчина в телогрейке и сапогах. Привычным, вбитым в кровь движением сдергивает с бритой головы ушанку, ставит на стол вещмешок. Запавшие глаза равнодушно скользят по Эльзе и, не задержавшись, уходят в сторону.

Дьяченко (свинчивает крышку у бутылки с хорошей водкой). Свободен. Ну, со свиданьем, Умная.

Эльза (молча пьет и кивает в сторону двери). Кто это был?

Дьяченко. Архипов? В «шарашке» работает — это отдельный барак для ученых, у них там и лаборатория, и еще много чего. Я его иногда беру шофером на «эмку» — хочется пообщаться с интеллигентным человеком. У меня основной контингент кто? Быдло уголовное... (дергает уголок рта). А меня ведь тогда, после нападения десанта, едва не арестовали. Отвалялся два месяца в госпитале (ранение оказалось серьезным: кость была задета, уже и гангрена начиналась). Школу за это время расформировали как «засвеченную», меня чуть ли не в предательстве обвинили. Нашлись покровители, организовали перевод в систему МВД, в Управление северных лагерей. Так что одни мы с тобой остались, Умная. Ты да я. Хотя вру. Не вдвоем — втроем. Дружок здесь твой, старшина Федотыч. Конвоем командует.

Эльза (с искренней радостью). Федотыч? Жив?

Дьяченко (с хмельной задумчивостью). Ну... А я ведь вспоминал тебя. Как мы танцевали вальс под Новый год. Да... Зацепила ты меня, Умная. Как тебе это удалось...

Эльза. А как же Верочка?

Дьяченко (равнодушно). Что Верочка? Или ты всерьез поверила, будто она была беременна? На фронт девочке не хотелось, вот и сочинила слезливую историю. Надеюсь, что я ее оставлю при школе.

Эльза (поднимаясь из-за стола). Душно здесь. Пойду на воздух.

Выходит на крыльцо, глядяваясь в туман. Вдалеке, метрах в пятидесяти, эски из ремонтной бригады восстанавливают пути. Слышатся звуки губной гармошки, по которым Эльза тут же узнает старшину: марш из «Веселых ребят» ему всегда особенно удавался...

Она осторожно двигается не на голоса, а в противоположном направлении. Заворачивает за угол — и нос к носу сталкивается с недавним знакомцем, Дьяченковским шофером. Прижимается к его груди и всхлипывает едва не в полный голос: «Игорь... Игоречек, родной...»

Игорь (дрогнувшим голосом). Здравствуй, сестренка.

Смена кадра. Размытый участок насыпи, множество работающих людей в арестантских бушлатах. Лысоватый щуплый зэк лет пятидесяти сидит на бревне и смолит свернутую сигарку. Молодой парень, почти мальчишка, «за-

пряженный» в неподъемную для его комплекции тачку, недовольно косится на приятеля.

Мальчишка. Помог бы, Грыжа, чем зад отмораживать.

Грыжа. Ты, Чинарик, оглядывайся, на кого твякаешь. Ты мамкину грудь сосал, когда я уже в законе был. Так что мне с тобой в падлу сидеть рядом, не то что кайлом махать.

Чинарик с трудом катит тачку вдоль насыпи. Напротив вагона с зарешеченными окнами на секунду останавливается, смотрит вверх — и неожиданно натывается на ответный взгляд: глаза кажутся громадными, будто нездешними. Парнишка торопливо выгружает щебенку и пускается в обратный путь.

Чинарик. Слышь, Грыжа... А в тех вагонах — бабы. Я одну в окошке засек. Она на меня глянула и спряталась. Да ты не сомневайся, у меня глаз наметан.

Грыжа (лениво щелкает мальчишку по носу). Наметан... Женилка еще не доросла.

Чинарик. Да я не о том. Братва-то голодная, сколько времени без баб. Только шепни — такая буча подымется. Вертухаи отвлекутся, а лес — вот он, рядом.

Грыжа (растягивая безгубый рот, что с определенным допущением можно назвать улыбкой). Далеко пойдешь, парень. Ладно, шустри, только по-тихому. Выберемся на волю — замолвлю за тебя словечко кое перед кем.

Смена кадра. Угол сторожки, за которым двое: кроме них сейчас во всем мире не существует больше ничего и никого.

Эльза. А почему Архипов?

Игорь Дорман. Шестнадцатый барак, «шарашка» за отдельной колючкой, для ученых. Мы там все — Ивановы, Петровы да Сидоровы.

Эльза (обнимает брата покрепче, словно опасаясь, что тот растает в тумане). Тебе что-нибудь известно о папе?

Игорь. Папу расстреляли в сорок четвертом, почти сразу после ареста. Я тоже все время ждал. Каждую ночь ложился на нары и думал, что вот сегодня за мной придут.

Эльза. Следователь говорил, что вы отказались выполнять какое-то важное задание. Что это было за задание?

Игорь (после паузы). Мы работали над одним химическим препаратом. Он мог управляемо воздействовать на иммунную систему человека. К примеру, повысить ее работоспособность до небывалых высот. Или понизить до нуля, фактически отключить. Если бы нам удалось завершить нашу работу — это был бы настоящий переворот.

Эльза. Что же помешало?

Игорь. Основу препарата составлял очень редкий минерал, местные жители называют его Пелагеин камень. Вроде бы лет пятьсот назад этот камень впервые нашла игуменья Пелагея, настоятельница монастыря... А в 18-м веке

его месторождение искал наш с тобой предок, Иоганн Дорман. Мы изготовили образцы, начали проводить тесты на мышах. Потом на собаках. Потом на людях — добровольцах. Все шло хорошо, но в последних сериях вдруг обнаружили... некоторые побочные эффекты. Папа велел прекратить испытания. Его обвинили в саботаже. Кто-то из коллег написал донос.

Эльза. И ничего нельзя было предпринять?

Игорь. Ну почему. Папа мог указать в отчете, что испытания прошли гладко и препарат готов для запуска в серию. Но он отказался. Ты же его знаешь... Мне пора. Хватятся еще.

Эльза (умоляюще). Подожди...

Железнодорожная насыпь. Мерное постукивание кирок и лопат внезапно разрывает то ли крик, то ли хрип: «Бей!!!»

Все приходит в движение. Пара молодых солдатиков падают сразу: они не успели повоевать, оттого и звериного чувства опасности у них не было — как у бывших фронтовиков или опытных охранников, которых жизнь приучила сначала нажимать на курок, а потом кричать: «Стой, буду стрелять!». Кто-то из эзков кидается на Федотыча. Старшина без большого напряжения перекидывает противника через себя, встречает следующего нападающего коленом в пах и прикладом в висок. И передергивает затвор ППШ. Слышен загрохотный крик: «Братва, там бабы в вагонах! Гульнем напоследок!!!» «Не смей!» — кричит старшина, посылая очередь поверх голов. И с ледяной тоской наблюдая, как озверевшая толпа сминает охрану.

Обходчик Хавроньев (подбегая к Эльзе). Беда, гражданин начальник. Зэки бучу подняли, с охраной сцепились. Сейчас перебьют всех.

Эльза. Телефон в сторожке есть?

Телефон — старый, допотопный (точнее, довоенный) — обнаруживается на стене в сторожке, возле подслеповатого окна. Эльза подбегает к нему и крутит ручку. Дежурный? Говорит капитан Дорман, начальник караула эшелона Л-119. Соедините с оперчастью, живее, у нас внештатная ситуация...

В дверях возникает бледный, как полотно, Хавроньев. Делает неуверенный шаг — и падает, из его спины торчит узкое граненое лезвие. Лопухий зэк в расхристанном арестантском бушлате отталкивает мертвое тело и входит в комнату. Пистолет в руке Эльзы нисколько не пугает его.

Зэк. Кинь шпалер-то. Все одно всех не положишь.

Эльза и вправду медлит: для нее арестанты остаются своими, русскими, пусть те и находятся по другую сторону колючки. Промедление оказывается роковым: женщину бьют по лицу и сбивают с ног. Сверху наваливается сразу несколько человек. Кто-то зажимает ей рот, рвет на груди гимнастерку, с угрюмой яростью прижимает колени к полу... Слышен иступленный шепот: «Брыкайся, лярва, я норовистых ой как люблю...»

И сознание гаснет.

Женщин-зэчек, кому особенно везет, выносит из эшелона людской волной. Айша Малыева по кличке Чурка выпадает наружу, переползает через переплетение тел и в испуге прячется под вагоном. Поворачивает голову — и с размаху натывается на испуганные полубезумные глаза: надо думать, не менее безумные, чем у нее самой. Глаза принадлежат мальчишке.

Чурка. Ты кто?

Чинарик. А ты?

Чурка. Чурка.

Чинарик. Ладно. Жить хочешь — ползи за мной.

Сильные руки вытягивают обоих из-под колес.

Грыжа (зло). Тебя где носило, тля? И кого на хвосте приволок?

Чинарик. Это Чурка.

Грыжа. Вижу, что не Таис Афинская. Вот что, сосунки. Сейчас по моей команде рвем к лесу. И так, чтобы пятки сверкали, ясно?

Лес только из окна вагона казался близким и притягательным. На деле же Чурке всерьез кажется, что она никогда не добежит до него. Сзади слышен топот и тяжелое дыхание: в рывок ушли Танька Нардым и старуха Степанида. Впереди всех бежит Чинарик, от него чуть отстают бритоголовый зэк по кличке Грыжа.

Позади вразной трещат винтовочные выстрелы. Бритоголовый вдруг дергается, но продолжает бежать, скособочась и схватившись рукой за правый бок.

Под ногами внезапно чавкает. Чурка в запале делает шаг и вдруг проваливается почти по живот. В испуге рвется назад, на сухое место. Оглядывается и обнаруживает, что они на краю болота.

Грыжа (сползая спиной по тощему замшелому деревцу). Все. Похоже, отбегался.

Чинарик (задирая подол рубашки). Погоди, не умирай, сейчас перевяжу...

Грыжа. Не мельтеши. Все одно хана, они мне в печень засадили, гады... Хотел я тебя, парень, в люди вывести — не успел. Нагнись-ка поближе, что скажу...

Чинарик присаживается на корточки. Некоторое время слушает. Потом осторожно закрывает старому зэку глаза. Выпрямляется, подходит к молодому деревцу, еще не вошедшему в силу, ломает и примеривает к руке. Объявляет остальным: «Грыжа сказал, тут тропа есть на ту сторону. Готовьте жерди».

Смена кадра. Избушка путевого обходчика.

Внутри следы недавнего погрома: разбитое окно, перевернутый колченогий стол, сорванная со стены самодельная полка и целая россыпь черепков на полу. Наводить порядок здесь больше никому, да и незачем. Единственная уцелевшая мебель — это железная кровать с продавленной сеткой, на кото-

рой, укрытая шинелью, лежит Эльза. Она старается не шевелиться: тело болит так, что даже заплакать нет сил.

Старшина Федотыч (входя в комнату). Зачищают. Беглых в основном переловили, но шестерых не досчитались.

Эльза (из-под шинели). Привет, Федотыч.

Старшина (присаживается на край кровати). Вот и свиделись, Умная. Досталось, да? Ничего, ты сильная, выдюжишь.

Эльза. Кто в побег ушел?

Старшина. Трое твоих, из эшелона, трое наших. Одного я подстрелил у кромки леса, но, видно, не до конца.

Незнакомый Эльзе военный. Подстрелили — значит, кровь капала. Кровавый след — самый верный.

Эльза с трудом поворачивает голову. Внешность у мужчины самая обыкновенная: невысокий, сухощавый, одетый в потрепанную солдатскую телогрейку, вылинявшую пилотку и короткие яловые сапоги. Автомат у локтя — так, что чуть шевельни рукой и палец сам ляжет на спусковой крючок. Приклад обмотан буро-зеленой маскировочной тканью. Мужчина коротко кивает Эльзе: «Капитан Фирсов, командир спецбригады», и ей становится ясно, кто перед ней.

«Волкодав», «охотник за черепами», специалист по полевому розыску.

Майор Дьяченко (с досадой). Шофера моего, Архипова, найти не могут. Неужели тоже в тайгу рванул? Непохоже. Такие больше письма наркому строчат: невиновен, мол, предан делу партии, готов искупить и доказать... Ничего. Поймаем — разберемся.

Поднимается с табурета, по пути к двери достает пистолет из кобуры и проверяет обойму.

Эльза. Стойте. Я с вами.

Фирсов. Товарищ капитан, мы не на прогулку собираемся. А вы сейчас и с кровати вряд ли встанете.

Эльза молча откидывает шинель и встает, ухитрившись даже не опереться о спинку кровати. Трое сбежавших — из моего эшелона. Я хочу вернуть их живыми. А ваших «волкодавов» я знаю: они сначала стреляют, потом спрашивают, кто таков.

Фирсов. Ну, если так... Хватит пяти минут на сборы?

Несколько часов спустя. Сумеречная стыллая тайга, сквозь которую невесомыми тенями скользят люди в комбинезонах-«лохмашках», с обмотанными, как у капитана Фирсова, прикладами автоматов. Две молчаливые немецкие овчарки тянут вперед, уткнувшись носом в землю. У овчарок густая и ухоженная шерсть, упругие мышцы и незлые глаза профессиональных убийц. Возле замшелого дерева на краю болота они неожиданно останавливаются и глухо ворчат: так они поступают при обнаружении важного, но неопасного объекта. К примеру, мертвеца.

Капитан Фирсов (прикладывая палец к сонной артерии мертвого Грыжи). Готов. Живучий народ эти эзки: с двумя дырками в печени, и вон куда ушлепал.

Один из бойцов, подчиненных Фирсова. Товарищ капитан, там деревце сломано. И еще одно... Может, они носилки собирались для него делать?

Фирсов. Нет. Он уже умер, когда остальные отсюда ушли.

Дьяченко (недоверчиво). Почему вы так решили?

Фирсов. Один из них ему глаза закрыл: палец отпечатался на верхнем веке. Думаю, они жерди делали, тропу искать. Вопрос, нашли ли... (вытаскивает карту из планшета). Одинцов, бери отделение, обогни болото с юго-востока. Я — с севера. Встречаемся вот в этой точке. Потом возвращаемся. Товарищ капитан, а вы отдышитесь и догоняйте. Только в болото не суйтесь.

Эльза остается одна. Сумерки незаметно перетекли в ночь, невнятные звуки заполняют лес, и луна чертит на прошлепинах воды, среди обманчиво ровного ковра ряски, кривоватую дорожку.

Прямо посреди болота, метрах в тридцати от берега, Эльза видит женщину.

Это происходит так неожиданно, что Эльзе не приходит в голову ни позвать кого-нибудь, ни даже вынуть из кобуры пистолет. Женщина на болоте поднимает руку. И Эльза, как зачарованная, делает шаг в болото. И через несколько шагов проваливается едва ли не по макушку.

Она пытается найти хоть какую-нибудь опору, но трясина ледяным обручем давит на грудь и засасывает все глубже и глубже. Лишь в последний миг в ладонь Эльзе упирается корявая палка. И она хватает ее, не веря в спасение.

Смена кадра. Крошечный островок среди топей, почерневшая избушка с подслеповатыми окошками, внутри полумрак, из-за угла сложенной из камней печки смотрят настороженные глаза. Эльза узнает Таньку Нардым, Степку-Поллитровку и девочку Айшу по кличке Чурка. Рядом с ними молодой парень из эсков-ремонтников — все, кто ушли в рывок. В противоположном углу, на грубо сколоченной лавке, закутанная в телогрейку девочка лет четырех-пяти.

Хозяйка избушки уверенно входит в комнату, ставит в угол ружье-двустволку и тихонько говорит Эльзе: «Не бойся, Уменьш, тебя никто не тронет».

Эльза. Ластик... Господи, ты жива...

Серый рассвет. Клочки тумана над болотом, но в избушке относительно тепло: в печке потрескивают дрова. Две давние подруги за столом, у окошка, — Верочка-Ластик рассказывает историю своего спасения.

Она невероятна, почти фантастична. Спасти после падения шансов не было: ни высокое дерево, на которое упала девушка, ни сугроб в рост человека соперничать со смертью не могли — их хватило, лишь чтобы отсрочить ее на

пару минут и сделать более мучительной. Тела Верочка не чувствовала. И не могла ни вздохнуть, ни крикнуть, хотя слышала голоса неподалеку.

Ее подобрали монахини, жившие до войны в монастыре — там, где потом была организована школа для диверсантов. Когда монахинь выселили, они ушли в лес и построили скит — там Верочка лежала почти полгода, пока сестры выхаживали ее.

Эльза. Как им это удалось? С такими травмами, как были у тебя, люди не встают по много лет. Или совсем не встают...

Верочка. Трудно сказать. Они владеют каким-то особым секретом, который передается из поколения в поколение. Я только однажды случайно услышала название: Пелагеин камень. Там, где его месторождение, растет особый лен: сестры делали из него ткань и оборачивали меня — говорили, что кости срastутся быстрее. Я не верила. А они действительно срослись.

Эльза. Чудеса...

Верочка (с мягкой улыбкой). Да разве чудеса только в этом? Аюшка, подика сюда.

Девочка — та, которая сидела на лавке, — доверчиво подошла. Ластик взъерошила ей волосы и посмотрела на подругу: догадается — не догадается?

Эльза (сквозь ком в горле). Неужели дочка?! Не может быть. А почему назвала так странно?

Верочка. Да это она сама переименовала. Говорит плохо и ножку подволакивает... Это пустяки. Знаешь, когда она впервые толкнулась в животе — там, в ските... Я сначала не поняла. Матушка Пелагея, настоятельница, пощупала мой живот и говорит: будет ребенок. Я ей: «Какой ребенок? Вы же сами меня из леса приволокли полудохлую. Мне не то что рожать...» А матушка: «Значит, так Богу угодно».

Эльза. Не страшно одной?

Верочка. Если одной — чего ж страшного? Да я и не одна: мы вдвоем с Аюшкой.

Эльза (кивает на беглых). А эти как здесь очутились?

Верочка. Как и ты — заблудились в болоте. Я случайно на них наткнулась. Привела сюда, обогрела, дала еды. Днем провожу на ту сторону болот, там тоже есть тропа.

Эльза. Ластик, это беглые ээки. Я должна их вернуть.

Внезапно утреннюю тишину разрывает металлический голос, идущий от края болота: «Эй, в доме! Вы окружены! Выходите по одному, с поднятыми руками. Сдадитесь — гарантирую жизнь. Иначе разнесем к чертям вашу избушку на курьих ножках!»

Чурка отчаянно всхлипывает. Мальчишка в арестантском бушлате протягивает ее к себе, и она утыкается ему в плечо, как в самую надежную защиту...

Степка-Поллитровка. Дождались, мать-перемать... Танька, ружье! А ты, гражданка начальница, сейчас выйдешь наружу, скажешь своим, чтобы убралась. Или мы твою подружку вместе с дочкой начнем на ремни резать.

Эльза сжимает зубы. Немо прикидывает дистанцию: до зэчки метра полтора, можно запросто обезвредить ее одним молниеносным прыжком (японская техника «хики-тэ», «заряженный арбалет») — слишком хорошо, на совесть и на страх Эльзу учили в свое время.

Если бы не Аюшка...

Эльза. Хорошо. Но одно условие: Ластик идет со мной. Иначе мне не поверят. И запомни: никто не должен пострадать.

Чурка (с робкой надеждой). А нас точно пощадят, если сдадимся? Мы ведь никого не убили...

Узкая тропинка от избушки к краю островка, где в тумане, за ломким камышом, залегли фирсовские «володавы» — Эльза и Верочка почти физически ощущают, как их разглядывают в перекрестья прицелов. Одна надежда — на белую косынку в поднятой руке Ластика.

Они проходят больше половины пути, когда сзади гремит выстрел. У кого-то в избушке — у Степки или у Таньки Нардым — не выдерживают нервы. Нечто громадное, страшное толкает Эльзу в спину. Земля стремительно несется навстречу, пули густо летят уже с обеих сторон, и, перед тем как потерять сознание, Эльза с ужасом видит, как рядом замертво падает Ластик.

Степка-Поллитровка (глядя, как Танька Нардым перезаряжает ружье). Сдурела? Положат же всех!

Танька (отчаянно). Все одно хана. А с этой сукой мне на том свете веселее будет. Получите, сволочи! Ненавижу вас. Господи, как же я вас ненавижу!!!

Глаза Верочки спокойны и самую малость удивлены. Из уголка губ к подбородку тянется тоненькая струйка крови. Пуля — неизвестно, какой из противоположных сторон выпущенная, — пробила Ластикую висок. Подбегает майор Дьяченко и, не обращая внимания на Верочку, присаживается на корточки перед Эльзой. Прижимает палец к сонной артерии и с облегчением машет рукой, подзывая санитаров. Рядом останавливается капитан Фирсов.

Фирсов. Жива?

Дьяченко. Жива. Капитан, делай что хочешь, в доску расшибись, но ее срочно надо в госпиталь.

Фирсов (уверенно). Доставим. А вторая кто? Из ваших?

Дьяченко (глядя в мертвое лицо Верочки). Понятия не имею.

Смена кадра. Ясный, словно в насмешку, день. Свет проникает в избушку на островке через сотни пробоин, рождая на полу замысловатую игру солнечных зайчиков. Бой давно угас, вначале по комнате еще грохотали чужие сапо-

ги, слышались мужские голоса и непонятные щелчки (фотограф снимал для отчета трупы беглецов), но вскоре смолкли и они. Никто из непрошенных гостей не заметил, что печка, по наитию сложенная из битого кирпича, имеет одну особенность: небольшую полость в задней стенке. Обычно она использовалась для хранения кухонной утвари, но частенько служила и для игры в прятки — маленькая Аюшка обожала эту игру. Убедившись, что вокруг тихо, девочка покидает свое укрытие. Подбирает с пола раздавленную картофелину, глотает ее, не жуя, и осторожно выползает на улицу. Жмурит глазенки от яркого света и неуверенно зовет: «Мама!»

Иное время, иная обстановка — уже знакомая зрителю, поэтому титры на экране отсутствуют.

Помещение лаборатории, постель больного Никиты. Неподвижные, будто отлитые из воска фигуры: капитан Измestьев, Иоганн Дорман и их сиятельство граф Брюс. Длинный стол заставлен колбами, ретортами, в некоторых происходят некие реакции под воздействием спиртовых горелок: грандиозная работа близка к завершению.

Близка — но не завершена.

— Приготовьте раствор, — отрывисто приказал граф. — Жировой, из расчета согласно моей рецептуре.

— Ваше сиятельство, — негромко возразил Иоганн. — Осмелюсь напомнить: мы не успели испытать ваш метод даже на крысах. Может быть, все же попробовать традиционную рецептуру?

— Старинная рецептура годится разве что для лечения коклюша, — граф Брюс рывком притянул помощника к себе и шепотом прокричал в лицо: — Мы имеем дело с *полным прекращением сердечной активности*, Иоганн. Фактически то, что я собираюсь сделать, — даже не врачевание, а *воскрешение*. Как пророк Илия вернул к жизни сына вдовы, как Иисус воскресил Лазаря, четыре дня пролежавшего мертвым в пещере. Этот славный юноша уже стоит по другую сторону Стикса. И либо я вытащу его здесь и сейчас, либо этого не сделает никто и никогда. Начинайте вводить эликсир.

Дождавшись, пока помощник отойдет к столу выполнять указание, Яков Вилимович обернулся к Измestьеву.

— Капитан, у меня и к вам будет несколько важных поручений.

— Все, что угодно, ваше сиятельство, — твердо повторил тот.

— Я видел у вас в часовне, возле Привратной башни, икону святого Пантелеймона, покровителя больных и страждущих. Прикажите доставить ее сюда.

— Будет исполнено.

— Еще: есть ли у вас на примете хороший мастер-краснодеревщик и ювелир? Необходимо исполнить несложный заказ, но так, чтобы об этом никто не прознал, даже самые близкие. *Особенно близкие*, вы поняли меня?

— Так точно, — Измestьев откашлялся. — Доставят нынче же.

Смена кадра. Те же декорации, но, судя по тому, что всех трех участников событий сморил-таки сон, прошло минимум несколько суток. В узкое окошко под самым потолком проникает полоска света: она ласково и немного робко освещает лик святого Пантелеймона на полке в красном углу, за крошечной масляной лампадой. Некий неясный шорох за натянутой занавеской, осторожный вздох, и кто-то негромко зовет: «Батюшка...»

Троих, мирно прикорнувших за столом среди пробирок, этот возглас смыл с места, точно девятая волна во время шторма. Все трое оказались у постели больного через секунду, много через полторы.

— Никитушка, сынок, — прорыдал Алексей Иллатьевич, не сдерживаясь. — Как ты, а? Как себя чувствуешь?

— Не знаю... — поручик попробовал приподняться на подушках, но рухнул обратно. — Где я?

— В лазарете, — успокаивающе произнес граф. — Помнишь хоть, что с тобой произошло?

Никита болезненно поморщился.

— Дыра какая-то под землей. Девка страшная, вся переломанная, ко мне руки тянет... Горло хочет перегрызть.

— Нету той девки, — улыбнулись их сиятельство. — Сгинула, и не вспоминай.

— Похлебать бы чего-нибудь жиденького, — слабым голосом попросил поручик. — Киселька там или куриного бульона...

— Это мы сейчас, — по-бабьи засуетился Алексей Иллатьевич. — Это мы мигом... Новгородцев! Где тебя черти носят?..

Кадр наплывом. Невозможно понять, происходят ли действия в реалии, почти за три века до описываемых событий, или воображение больного, уже многие сутки находящегося без сознания, играет с ним злую шутку.

Жители рыбацкой деревни — мужики и бабы разного возраста, одетые в рваньё, страшно исхудавшие (рыба как по сговору ушла из устья Двины, а дичь — из окрестного леса), — тащат за руки за ноги избитую в кровь девицу, дочь местного шамана. Та не сопротивляется: оба глаза подбиты и ничего не видят, кости переломаны, из ноздрей, рта, ушей обильно течет кровь. Ее, точно грудку тряпья, швыряют у входа в пещеру, отходят и принимаются кидать в тело камни. Она еще издает стоны, но они с каждым ударом становятся все глуше. Последний то ли возглас, то ли всхлип едва слышен: «ПРОКЛЯНУ...» Все отшатаваются: над пещерой возникает некое зловонное желтое свечение, которое, впрочем, гаснет через несколько минут. Теперь дорога людям сюда заказана на многие поколения.

Лицо мертвой шаманки меж тем волшебным образом оборачивается крысиной мордочкой. Видно, что зверек сидит в крошечном вольере, отгороженном от другого, побольше, сеточной перегородкой. Вот крыса осторожно

пробует сетку на зуб. В образовавшуюся прореху тут же с любопытством просовывается головка крысы-альбиноса. Несколько секунд два зверька обнюхивают друг друга, знакомясь. Затем серая без предупреждения резко щелкает челюстями — и голова менее агрессивной белошерстной соседки отделяется от туловища.

Свидетелей этому нет.

— Учитель, — спросил Иоганн, не отрываясь от пера, — могу я узнать, что делал тот узкоглазый краснодеревщик со святым Пантелеймоном? На минуту мне почудилось, что что-то богопротивное, — я даже хотел вмешаться...

— Он из племени зытяков, — спокойно отозвался граф. — Я попросил капитана привести его, потому что он ни слова не понимает по-русски. Пришлось объясняться знаками, и он отлично меня понял. По поводу же богохульства... Вы бы ужаснулись, узнав, какие вещи приписывает мне молва. Но, несмотря на это, уверяю вас, моя жизнь гораздо более праведная, чем у многих, кто ежедневно отбивает поклоны в церкви. Что же касается ювелира... — граф улыбнулся и выложил на стол маленькую вещицу из серебра на тонкой цепочке. — Извольте-ка взглянуть.

Иоганн оторвался от записей, подошел... Вещица представляла из себя пластину в форме чаши, размером с четверть ладони. Посередине красовалась выбитая готическим шрифтом надпись на латыни:

Верни чашу Пантелеймону, найди, куда перст укажет, и опусти взор, воспарив.

— Что это означает?

— Узнаете в свое время. Тем более что эта вещь принадлежит вам.

— Мне?

— Вам. И вы примете на себя обещание передать ее вашим детям, чтобы те в свою очередь передали своим, и так далее, из поколения в поколение. Ибо этот медальон — самое ценное, что мы увезем из этих мест.

Иоганн покачал головой.

— Я не понимаю, учитель.

— Поймете, — мягко сказал граф, — со временем.

Время настоящее.

Березовая рощица в окрестностях аэродрома; тропинка, ведущая к шоссе, справа от нее неглубокий пруд и поляна, на которой можно хоть в волейбол поиграть, хоть поставить палатку и сварганить уху на костре, — правда, никто уже давно не проверял, водится ли в пруду рыба. Ближайший к берегу участок поляны обнесен полосатой лентой, натянутой меж деревьев. Вход за периметр посторонним воспрещен, поэтому посторонние, то бишь обитатели аэродрома, тихонько толкуются снаружи. Внутри только мертвое тело, фотограф, медицинский эксперт, следователь Колчин и Эльза — последняя сидит возле дерева, обхватив колени подрагивающими ладонями.

— Что ж, — негромко проговорил Николай Николаевич, — сообщницу, которая поменяла парашюты, похоже, мы нашли. К сожалению, слишком поздно.

— А вы уверены, что это она? — спросила Эльза.

— «Аистята» ваши раскололись. Все разом: Сырникова, Аникеева, Лапруз. Каждый видел, как Алия Морозова поменяла местами ранцы. Видел — и промолчал.

— Но это же не означает, что именно Аля испортила Катин парашют. Это мог сделать сам убийца, то есть организатор, — Эльза в отчаянии обхватила голову руками. — Не понимаю. Если Катюша была намечена жертвой — получается, что Аля действовала ему вопреки? Нарушила приказ?

— И была наказана. Вы это хотите сказать? — Колчин вздохнул, поддернул брючины и присел рядом с собеседницей. — Но ведь пошла с ним без малейшего опасения. И в момент убийства спокойно повернулась к нему спиной.

— Вы думаете, Наилю тоже...

— Во всяком случае, оба убийства совершены будто под копирку — вплоть до позы у трупов и выражения на лицах. Если учесть, что сестры были близняшками, картина вырисовывается почти мистическая.

— Николаич, — окликнул следователя пожилой оперативник.

Колчин пробормотал: «простите», отошел, пошептался с минуту, подошел снова — на этот раз с небольшим прозрачным пакетиком в руке. Эльза знала, что такие пакетики используются для найденных на месте преступления улик.

— Любопытно, — проговорил Колчин. — Мы с самого начала называли убийцу «он». А между тем это вполне могла быть *она*. Взгляните.

В пакетике лежала черная бархатная ленточка для волос с застежкой в форме стрекозы. Такими стрекозами был под завязку нашпигован любой отдел бижутерии — наряду с божьими коровками, скарабеями, жуками-оленьями и прочей этимологической радостью.

— Ее нашли возле тропинки — упала в траву и затерялась. Однако вряд ли она пролежала там неделю: вчера ночью прошел дождь, а выглядит она довольно свежо. Если она принадлежит кому-то из *аэродромных* — то хозяйку установим быстро: достаточно взять у каждой образцы волос.

— Действительно просто, — Эльза задумчиво посмотрела на собеседника. — Скажите, а алиби «аистят» вы уже проверили?

Колчин невесело усмехнулся.

— Вот с алиби как раз проблемы. Будто в американском триллере: перед очередным убийством подозреваемые как нарочно разбредаются кто куда.

Импровизированная «штаб-квартира» следователя в одном из аэродромных домиков на колесах. Откидной столик с кипой протоколов, откидная скамейка, на которой сменяют друг друга местные обитатели — кто-то встрево-

жен, кто-то откровенно испуган, кто-то прячется за напускной бравадой или показным спокойствием.

Светлана Аникеева.

Меня Сержик привез, после лекции в институте. Я пообедать не успела — мы в столовую и зарулили, ту, которая при аэродроме... Сержику кто-то позвонил, тот взял и исчез. Ну, я по территории побродила, просто от нечего делать. С Ирккой Сырниковой пообщалась, та траву из шланга поливала. Вот работенка, да? Поливай траву — коси траву, поливай — коси... Вы извините, это я от нервов трещу. Алечку видела, она на тренажере крутилась. Подходить не стала, просто помахала рукой, а та — мне, вот и все. Мы к ней вообще особо не лезли: вон какую трагедию пришлось пережить. Ее же как раз Наиля привела на аэродром. И парашют укладывать учила, и даже, говорят, при перворазном прыжке из вертолета вытолкала — сама Алька вроде забоялась, а кто заботится в первый раз — тот уже никогда не прыгнет, проверено... Кому понадобилось убивать их, ума не приложу. Одну за другой... Может, маньяк какой-нибудь?

Ленточка? Точно не моя: я волосы в хвост не собираю, только в пучок. И гигиенично, и шею открывает, у меня шея красивая, это все говорят. По-моему, я похожую видела у Аглаи Федоровны... А может, ошибаюсь...

Сергей Докучаев по прозвищу Лаперуз.

Еще раз повторяю: я к этой истории никаким боком. Дядя Витя меня вообще своим преемником считал. Говорил: мол, выйду на пенсию — будет кому хозяйство оставить. В столовую? Да, заходили со Светкой. Аглая ей, дуре, сколько раз внушала: меньше на картошку налегай, не в шоу толстухек работаешь... А мне как раз сестра позвонила, я у нее денег хотел занять на ремонт машины — масло потекло. Ну, вышел наружу, поговорил, захожу назад — Светки и след простыл. Честно говоря, я особо не расстроился. Пришел на аэродром, толкнулся в трейлер к дяде Вите — никого. Ирка сказала: он в городе, переговоры ведет со спонсорами. Альку видел, поздоровался, перекинулся парой слов. Она девчонка была неплохая, только чересчур тихая, к такой на хромой козе не подъедешь. А может, на нее какой-нибудь отморозок запал? Не наш, пришлый? Она ему от ворот поворот, а тот ее ножиком по горлу...

Ленточка? Вроде Катькина, она шатенка, черный бархат к таким волосам здорово подходит... А где вы ее нашли? На тропинке? Может, Катька и потеряла — смотрите, застежка совсем ослабла.

Ирина Сырникова.

Мы с Наилей хорошими подругами были. Настоящими. Когда ее убили, я чуть с катушек не слетела. Решила: я не я буду, если того уroda не найду, который ее по горлу... На ментуру надежда нулевая, они в какого-то бомжа вцепились с перочинным ножиком, лишь бы поскорее дело закрыть. А тут стропорез,

дураку понятно. Я поэтому и к пруду каждый день ходила в одиночку, вроде купаться, на самом деле только волосы мочила. Девки наши решили, будто я нарочно бравирую. А я бы справилась. Как-никак четыре года в секции карате отпахала, мне что стропорез, что дворницкий лом — ноль опасности. Не верите — выпустите против меня любого из ваших оперов. Я ведь как рассчитывала: встречу у пруда, заговорю, спровоцирую как-нибудь, чтобы уж без ошибки... Он хвост распушит — эти маньяки поганые любят своими подвигами хвастаться, особенно если повернуты на какой-нибудь лабуде вроде Ницше с Фрейдом... А как бы он стропорез вытащил — тут обе клешни бы ему и оторвала по самые яйца. А что осталось, утопила бы к чертовой матери. А вы... Напихали своих соглядатаев по всей территории, кого техником обрядили, кого охранником, вот умора... А он наплевал на вас, ясно?! Убил у всех под носом — Катькина бабка на что маразматичка, и та раньше прочухала, что Альке угрожает опасность... Как я с вами разговариваю? А как заслуживаете.

Ленточка? Понятия не имею. Мне без надобности, у меня волосы короткие. Между прочим, ее можно и на запястье носить, просто как украшение.

Виктор Павлович Каюров, старший тренер спортивного клуба.

Ленточка? У моей Аглаюшки была похожая — с полгода назад. Потом потерялась. Аглая всегда волосы по плечам распускала или закалывала на затылке, если под шлем. У нее они шикарные были, цвета опавшей листвы...

Я ведь любил ее. Как школьник, до обморока, с первой встречи. Не представляю, как теперь буду ее девчонок тренировать — это ведь они Аглае подсунули чужой ранец. Вы утверждаете, будто они не знали, для них это была просто шутка... Но кто-то же *знал!* Кто-то перетянул эту чертову шпильку в Катином парашюте! Зачем? Чтобы потом с ним прыгнула Аглая? Но она могла почувствовать, даже при том, что ранцы однотипные: лямки сидят чуточку не так, то, се... Просто переволновалась, пока мы презентацию готовили, вот и не обратила внимания. Нет, слишком сложно. Не мог убийца *настолько* все просчитать. И настолько ненавидеть не мог, Аглая в жизни никому зла не сделала... Нет, в момент убийства Али меня на аэродроме не было. Сидел в клубном ресторане — у нас, кроме летного хозяйства, еще клубный ресторан недалеко от центра, тоже называется «Аист. RU». У меня намечалась встреча со спонсорами из Гамбурга. Те, правда, опоздали почти на час: говорят, застряли в пробке, потом еще полчаса извинялись: мы, дескать, пунктуальная нация, но ваши дороги, ваши водители, не говоря уж о гаишниках... Я понимаю, на что вы намекаете: за это время я мог выйти через черный ход, добраться до аэродрома, убить и вернуться обратно... Только мотива не вижу. Ну да мотив — дело наживное. Как у нас говорили в некие веселые времена: был бы человек, а статья найдется... Извините. Стророрез? Есть, конечно, у нас у каждого обязательно. Я знаю, что Алю тоже убили стророрезом. Поэтому и не думаю, что убийца наш, аэродромный: чересчур уж явный след. А значит, наверняка ложный...

— Кстати, я хотел побеседовать с вашей внучкой, — ворчливо заметил следователь, — но не сумел связаться: абонент недоступен. И на аэродроме ее нет...

Эльза нахмурилась. Покопалась в сумочке, вынула мобильник (внучкин подарок к прошлому дню рождения: минимум прибабасов, зато большие удобные кнопки для набора), отошла за деревья и набрала домашний номер. Трубку взял Эдуард.

— Ну? — осведомился он не слишком приветливо.

— Эдик, Катя не появлялась? — торопливо спросила Эльза.

— Нет еще. Где вас обеих черти носят?

— Катюша, наверно, с Женей — ну, который заезжает за ней на мотороллере. А я на аэродроме. Здесь еще одно убийство.

Эдуард на том конце отчетливо помертвел.

— Кто?

— Аля Морозова, ее подружка по команде. И, знаешь... — Эльза помедлила. — По-моему, Катя под подозрением. Следователь нашел ее ленточку для волос недалеко от места происшествия.

— Какую еще...

— Черную, бархатную, со стрекозой. Послушай, я не могу до нее дозвониться, но, если она объявится, пусть сразу позвонит мне, *сразу!* Иначе...

— Да понял я, — досадливо отозвался Эдуард. — Ладно, буду вызывать каждые десять минут. Но уж и ты... Я понимаю, что я инвалид, толку от меня немного. И все равно, держи меня в курсе.

Эльза с трудом проглотила ком в горле. Сказала «хорошо» и дала отбой.

Эдуард, лежа на животе, на кожаном диване, с трудом дотянулся до тумбочки и положил трубку. Ольга Ивина, продолжая делать массаж, поинтересовалась:

— Что-то случилось? Ты вдруг стал напряженным.

— Случилось, — он неприязненно отстранил ее руки. — Оказывается, твой приятель, Разбившийся Парашютист, весьма деятельная натура. Хотелось бы мне поглядеть, как на него наручники наденут.

Тем же вечером.

Клубный ресторан «Аист. RU»: небольшой уютный зал, стилизованный то ли под самолетный салон бизнес-класса, то ли под внутренности дирижабля. Круглые иллюминаторы вместо окон, мягкие кожаные кресла, явно списанные из командирских кабин, таблички: «Не курить» и «Пристегнуть привязные ремни» на разных языках, масса фотографий на стенах: дирижабли, воздушные шары с пассажирскими корзинами, самолеты всех типов и времен, от бипланов Первой мировой до новейших истребителей-невидимок класса «Игла-90». Официантки в летных шлемах, кожаных регланах и перчатках-крагах. Одна из них подходит к угловому столику и ставит перед двумя посетителями заказ:

юноше кофе капучино («я все же за рулем, хоть и мотороллера»), его спутнице с красивыми каштановыми волосами — большую дымящуюся кружку грога. Девушка тут же обхватывает кружку ладонями, будто на улице посреди мая вдруг разыгралась лютая стужа.

— А про ленточку ты откуда узнала? — спросил Джонни.

— От Светки Аникеевой. Я позвонила, хотела спросить, какие планы на завтра, а она: «Ой, Катюша, тут такое творится, Алю кто-то зарезал, а рядом твою ленточку со стрекозой нашли, в луже крови, и стропорез, ее кто-то стропорезом по горлу полоснул, случайно, не ты?»

— Ты не могла, — серьезно возразил Женя. — Мы все время были вместе.

— Не все время. Ты уезжал на заправку, вспомни. А я по опушке гуляла, пока тебя ждала, так что алиби у меня никакого.

Женя заметно приуныл.

— Значит, и у меня тоже. Заправка была пустая, я сунул деньги в окошко, бак залил и отчалил. Даже не заметил, есть ли у них там камера перед входом, — он нерешительно помолчал. — Слушай, надо вернуться на аэродром, раз нас ищут. Позвони Эльзе Германовне, узнай обстановку...

— Да как ты не понимаешь, — с досадой сказала Катя. — Агляя разбилась с *моим* парашютом, шпилька была затянута нитками, которые *мой* папка использует для своих чучел, *мою* ленточку для волос нашли рядом с телом Альки — без следов крови, правда, но это мало что меняет.

— А ты уверена, что это твоя ленточка?

Катя вздохнула.

— Знаешь, почему-то уверена. Я ее действительно потеряла где-то на аэродроме, там защелка ослабла... Я потеряла, а убийца подобрал и подбросил. И наверняка милиция скоро узнает, что ты учил меня делать видеомонтаж. Только ученица из меня аховая. Всего-то и хватило, чтобы фигурку парашютиста в кадр вставить.

— Да ладно, — отмахнулся Джонни. — Хочешь, я скажу следователю, что это я сделал? И камеру у меня никто не крал — фиг кто обратное докажет.

— Не нужно, — с тоскливой обреченностью сказала Катя. — Если уж он решил меня подставить...

— Кто?

— Убийца, — она помолчала. — Нет, на аэродром нельзя. И бабушке я звонить не буду, ее телефон наверняка на прослушке. Мне бы сейчас спрятаться понадежнее...

— Спрятаться? — Женя хмыкнул. — С ума сошла. И куда ты собралась, в Антарктиду?

— Да нет, хотелось бы поближе. Спрятаться, переждать, поразмыслить как следует и вычислить этого гада... Или гадину.

Джонни с сомнением покачал головой.

— Не знаю. По-моему, такое только в кино бывает.

— Джонни, — с тихим отчаянием сказала Катя, склонившись вперед, к собеседнику, — помоги мне. Ты говорил, что неплохо ко мне относишься...

— Да я... — Джонни мучительно покраснел и расстегнул ворот ковбойки. — Я для тебя что угодно, ты же знаешь... Только как?! Я живу в обычной «двушке», с мамой и отчимом. Что я им скажу? «Познакомьтесь, это Катя, моя любимая девушка, она немножко поживет у нас, только об этом никому, ее милиция разыскивает за убийство...»

— Три убийства, — ровным голосом поправила Катя. — Аглаю и Наилу тоже проще всего повесить на меня... Да, ты прав, маме с отчимом это объяснить трудно. Я пойду, не провожай.

Пока Катя шла к выходу, Джонни упрямо сидел на месте, уставившись взглядом в столешницу и размешивая несуществующий сахар в сильно остывшем кофе. Затем, будто спохватившись, рванул следом, едва не свалив по дороге барную стойку. Догнал — уже на улице — и поспешно схватил за локоть.

— Катя, ну постой. Да подожди же ты!

Она не вырывалась. Просто стояла посреди тротуара, пока спутник переводил дыхание.

— Скажи, — наконец проговорил тот, — ты уже обращалась к кому-нибудь за помощью? Я имею в виду из «аистят». Или ко мне первому?

— К Светке, — ответила она. — И к Лаперузу. До Ирины не дозвонилась, у нее телефон в отключке.

— И что?

Катя пожала плечами.

— У Светки в общаге комендант строгий, комнаты обходит чуть ли не каждый час.

— Ну, это если ей верить...

— Ну да. Она вообще в диком трансе: следователь взял с нее подписку о невыезде. Лаперуз... — она запнулась. — Лаперуз сказал, что ему надо готовиться к Европе и чтобы я не нагружала его лишним проблемами.

— Интересно, как он поедет в свою Европу, — проворчал Евгений, подходя к своему железному «пони». — Или со Светки подписку взяли, а с него нет? Вообще, может, оно и к лучшему. В ментовке работают не лаптем сделанные, сразу станут искать по родным-знакомым-близким. А я... Я ведь тоже *близкий*, верно? — он с затаенной надеждой посмотрел на девушку, не дождался ответа и вынес вердикт: — К Виктору Палычу надо идти. Может, не прогонит.

Катя слегка растерялась.

— А почему к нему?

— А он взрослый, — исчерпывающе объяснил Джонни. — И адекватный — значит, к нему придут в последнюю очередь. Конечно, придут все равно, но время можно выиграть.

Она протянула руку и легонько коснулась его щеки. Щека была мягкой и чуточку кололась: похоже, ее обладатель не брился пару суток.

— Не подозревала, что ты такой... друг, — медленно проговорила она.

— Так ведь я на самом деле тебя люблю, — буркнул он с нежной сердитостью. — Хоть ты и дура.

Виктор Палыч открыл сразу. Посторонился, запер входную дверь и взглядом указал направление на кухню. Молча и споро вскипятил чайник, разлил пахучую заварку по чашкам, выставил на стол печенье, конфеты и сгущенное молоко. Признаться, Катя представляла себе жилище недавнего вдовца не таким *ухаженым*. Однако кухня почти пугала своей стерильностью: тарелки стояли на полках строго по ранжиру, ножи на подставке сверкали подобно самурайским клинкам, в чайник вполне можно было смотреться во время утреннего макияжа — она вдруг поймала себя на мысли, что Палыч таким способом читит память Аглаи.

Тот выслушал гостей, по-прежнему не вставив ни слова поперек. Подумал и покачал головой.

— Да, ребята... Либо вы на самом деле не при делах, либо классные актеры, тогда я снимаю шляпу... Значит, хочешь сама вычислить гниду? — он покряхтел и искоса взглянул на Джонни. — Ты, парень, пока погуляй во дворе, я скоро выйду, пошепчемся. Катюш, располагайся. Спать будешь на диване в гостиной, чистое белье я дам. Ни в магазин, никуда не выходить, я принесу что надо. К окнам не приближаться, свет без меня не включать, если только торшер. Никому не звонить — бабушке твоей я сам сообщу. Иначе вычислит адресок, прибежит, а за ней может быть хвост... Короче, сиди как мышь под венником, — голос Виктора Палыча смягчился. — Запомни главное, девонька: чтобы победить, зачастую нужно переждать, перетерпеть, не совершить промаха. А это потруднее, чем с трех тысяч приземлить свою задницу точно на табуретку.

— А вы? — спросила Катя.

— Тоже кое-чем займусь. Есть одна мыслишка... Переночую в трейлере, на аэродроме. Не волнуйся, я и без того бываю там чаще, чем здесь. И еще, — он испытующе посмотрел на нее. — Только как на духу. Ты своему парню абсолютно доверяешь?

— Да, — ответила она без паузы.

— Ну и хорошо.

И растворился в прихожей, скрежетнув замком на входной двери. «Свет ему не зажигай, — сердито подумала Катя. — Что же теперь, в темноте сидеть?» Потянулась к выключателю, но тут же отдернула руку, сообразив, что тренер прав. Как давеча выразился Верный Рыцарь, искать будут по родным-знакомым-близким... «Да нет, — поправила она себя. — Не будут искать.

Уже ищут».

Она бесцельно послонялась по квартире, залезла с ногами в глубокое кресло и включила торшер (этого хозяин ей вроде не запретил). *Это тебе не приземлить задницу точно на табуретку.*

«Точно на табуретку. Где-то я уже слышала подобное...»

Обычный городской дворик в поздних майских сумерках. Множество светящихся окон, за каждым из которых своя неповторимая жизнь; мирно дремлющие качели; песочница под грибком-мухомором; поставленный на прикол личный транспорт жильцов — от непристойно дорогого «Линкольна-навигатора» до раритетного ушастого «Запорожца», между ними Джонни и втиснул свой мотороллер.

Подошел Виктор Палыч. Джонни посмотрел на него и спросил:

— Как вы думаете, убийца пришлый или кто-то из наших, с аэродрома?

— Не знаю. Очень надеюсь, что с аэродрома.

— Почему?

— Залетный пришел и ушел — его вычислить почти невозможно, — Виктор Палыч вытащил сигарету и чиркнул зажигалкой. — Значит, трое: Лаперуз, Ирина Сырникова и Светочка Аникеева. Вру: есть еще ее сестра Ольга Ивина. Она вхожа в дом (как я понял, лечит Катиного отца от последствий церебрального паралича), могла украсть у самой себя хирургические нити и все время быть в курсе событий — через брата. Стало быть, четверо. Ты знаешь, что делать.

— Знаю, — отозвался Женя. Нацепил шлем и нажал педаль газа. — Вы только того... За Катей приглядите.

Вдовец кивнул.

— За это будь спокоен.

Следующее утро.

Институтский городок, один из учебных корпусов — тот самый, с циркулем и линейкой над входом. Двери беспрестанно хлопают, студенты кто стайками, кто по одному спешат на занятия: первокурсники — самую малость нервозно (надо успеть найти нужную аудиторию и отметить у старосты), пятые курсы — со степенным спокойствием олимпийских богов. Ирина Сырникова занимает промежуточное положение между первыми и вторыми, то есть вообще не идет на лекцию. Она восседает на парапете у крыльца, с поповой холщовой сумкой на коленях, прищуренные рысьи глаза наблюдают, как на стоянку въезжает Женя Ильченко на своем мотороллере.

— Привет, — буркнул он, проходя мимо.

— И тебе не хворать. А благоверную, что, по дороге из седла вытряхнуло?

— Шуточки твои... Эльза Германовна сказала: она к друзьям уехала до конца недели. Только, по-моему, это липа.

— Да? — в голосе Ирины забрезжил интерес. — А что не липа?

— Не знаю. Сначала испорченный парашют, потом ленточка для волос... Я бы голову дал на отсечение: Катька в бега подалась. Или у кого-то прячется от ментов — боится, что могут арестовать.

— Странно, что до сих пор не арестовали, — задумчиво проговорила Ирина. — Вот интересно, если прячется — то у кого? Кандидатов четверо: ты, я, Светка и Лаперуз. Себя я исключаю, тебя — пока не решила... Ну?

— Точно, что не у Светки, — уверенно сказал Джонни. — Та, как подписку о невыезде получила, трясется как осиновый лист. Думаю, у Лаперуза. Он по Кате давно сохнет, а тут такой шанс себя проявить. И потом, он вроде в Европу собрался. Может, и Катьку прихватит в чемодане.

— А ты что же? Не жалко любимую отпускать?

— А меня не спрашивали, — раздраженно отозвался Евгений. — Я для нее плюшевый медвежонок. Подружка мужского рода, которой только и можно, что поплакаться в жилетку — на большее не тяну-с. Ну и пусть катится. Кстати, вот он, твой Лаперуз. Ладно, пообщайтесь, а я пошел, мне еще конспект надо приготовить, — и проворно растворился в толпе.

Подошел Сергей, нацелился поцеловать девушку в макушку, но та отстранилась. И произнесла нараспев:

— Представляешь, Сержик, я тут слышала: ты Катьку у себя в квартире от милиции прячешь...

Тот икнул от неожиданности.

— От кого слышала?

— Да так... Сорока на хвосте принесла.

Лаперуз хлопнул себя по бедрам.

— Джонни! Ах ты, маленький гадкий хоббит... Ну, поймаю — ноги выдерну и в уши вставлю. Еще что он наплел?

— Ничего. А вот я кое-что вспомнила. Это же я Катькину ленточку подобрала на аэродроме. Положила на столик возле трейлера, потом мимо прошел ты — и ленточка исчезла...

— Да на кой она мне?

— Как «на кой»? Катьку подставить. А потом типа спасти по-рыцарски, — Ирина прищурилась. — А может, *просто подставить?*

В глазах Сергея мелькнула нешуточная угроза.

— Ты вот что, подруга. Ляпнешь что-то подобное следователю...

— И что будет? А, дай угадаю: ноги мне выдернешь и в уши вставишь, — девушка легко рассмеялась. — Сержик, а давай попробуем, прямо сейчас. Я бы с таким удовольствием пару приемов карате продемонстрировала... Между прочим, не я одна заметила, как ты ленточку прикарманил. Подтвердят в случае чего...

— Господи, — простонал Лаперуз, оглядываясь по сторонам, не подслушивает ли кто. — Как же вы меня достали... Я к первенству Европы готовлюсь! Пусть я одноклеточное, но я сберегаю себя для большого спорта, как... как Га-

гарин для космоса! Его, может, тоже считали примитивным: приказали лететь, он и полетел... Только это *его* имя в истории осталось, про остальных забыли. А тут нестати эта мышиная возня...

Ирина удивленно подняла бровь.

— Возня? Сержик, милый, очнись! Катку обвиняют в трех убийствах — ты это называешь мышиной возней?!

— Убийства, — проговорил Лаперуз без малейшего раскаяния, — это убийства, а возня — это возня. Пускай следователь считает, что это... как в детективах говорится... звенья одной цепи. А я тебе скажу: нет тут никакой связи. Ни-ка-кой. Просто нас кто-то очень умело за нос водит, — он оглянулся на машину. — Черт, а масло-то как текло, так и течет. Сеструха «бабок» на ремонт обещала подкинуть еще на прошлой неделе, а сама... — он вынул мобильник и с нешуточной яростью потыкал в кнопки: — «Алло! Алло!» Занято, — сказал он растерянно. — Базарит с кем-то, нашла время...

На лекцию Джонни опоздал. Посмотрел на часы, уселся на подоконник и приготовился к долгому ожиданию. В положенное время двери аудитории отворились, выпускная наружу жаждущих свободы, среди них молодой человек узрел искомое. Приблизился и живо изобразил на лице радость от якобы случайной встречи.

— Светик! А мне сказали, будто ты в общаге сидишь и носа наружу не показываешь...

— Из общаги я давно съехала, — Светочка Аникеева по-бабьи вздохнула. — Ох, Джонни, что творится-то. С меня какую-то страшную бумагу взяли в прокуратуре, я до сих пор трясусь.

— А Кате сказала, будто у вас комендант строгий...

— А что я должна была сказать? Катка ни много ни мало попросила, чтобы я ее спрятала от милиции. А я, знаешь ли, не боец невидимого фронта. Где она хоть? Я не в плане донести — просто из человеческого участия. Ну, может, ей еда нужна...

— Ага, — кивнул Джонни. — А еще накладные усы, патроны к «калашникову» и вертолет до пакистанской границы. Вообще-то мне не докладывали, но я кое-что слышал краем уха... Мы вчера зашли в «Аист», я отлучился на минутку, возвращаюсь — Катя говорит с кем-то по мобильнику. Я подозреваю, с Виктором Палычем.

— С дядей Витей? — непритворно удивилась Светочка. — И что?

— Она спросила: в трейлере? А ключи где оставите? Под правым колесом? Потом меня заметила и отключилась.

— Выходит, дядя Витя ее в своем трейлере прячет? Дела... Ну что ж, она девочка взрослая, сама впуталась — сама и выпутается. Если только...

— Что?

— Если она и вправду невиновна.

Ольга Ивина в кабинете Эдика несколько раз сказала «алло», глупо дунула в трубку и произнесла:

— Странно. Минуту назад кто-то позвонил (номер не определился, а голос вроде знакомый, но какой-то измененный), сказал, что Катя у своей подруги Светы в общежитии. Я этой Свете тут же перезвонила, она в недоумении: и Катю не видела, и с общаги давно съехала к какой-то бабке. Помогает ей по хозяйству, а бабкин внук за ней ухлестывает — правда, внуку всего девять... Кстати, сама Света уверена, что Катю прячет ее тренер по парашютам. Ты что-нибудь понимаешь?

— Понимаю.

Эдуард толкнул колеса, подкатил к книжной полке и вынул пухлый томик — не старый, но сделанный под старину, с вензелем на обложке.

— Брусилов, «Искусство прорыва», я раз десять перечитывал. Незадолго до наступления ему доложили, что у него в штабе кто-то сливает немцам информацию. Необходимо было его вычислить, а времени в обрез. Брусилов заготовил несколько донесений — текст одинаковый, только места прорыва названы разные. Раздал курьерам и послал разведку на передний край. Узнал, на каком участке немцы окапываются интенсивнее всего, и нашел иуду. Похоже, Катя занялась тем же самым: назвала всем разные места, где якобы прячется, и теперь ждет, — он с ненавистью стукнул кулаком по подлокотнику. — А я, отец, прилип жопой к этому гробу на колесах... Между прочим, знаешь, кому я обязан этим гробом? Собственной матушке. Она в пятьдесят первом везла в эшелоне эзков на этап. На одной станции эки подняли бунт, смяли охрану, кто-то рванул в лес, а кто-то решил покуражиться напоследок. Зажали маму в будке обходчика, ну и... воспользовались численным преимуществом. А через девять месяцев родился я. Сын полка, так сказать.

Время настоящее. Поздний вечер, квартира Виктора Павловича Каюрова.

Катя томится здесь в добровольном заточении уже сутки. Шторы на окнах плотно задвинуты. Из осветительных приборов включен только торшер в углу.

Катя проснулась в большом кресле, куда накануне забралась с ногами, прихватив с собой чашку с кофе и вазочку с конфетами. Все было съедено и выпито: неделя такого существования, с неудовольствием подумала «пленница», и разваливать «этажерку» я стану не хуже Светочки Аникеевой. Хотя — какая, к чертям, «этажерка»? Не сегодня-завтра эту квартиру накроют, а вычислить за это время преступника... Да я даже не представляю, с чего начать. Бабушка — вот кто бы сейчас помог, она спец в таких делах, в отличие от внучки. Впрочем, она и помогает, не сидит же сложа руки.

Ты абсолютно доверяешь своему парню?

Да.

Зайди на «Аист.RU». Но этого не может быть. Мы его выдумали, понимаешь? Кого, милая? Разбившегося Парашютиста.

А бабулька твоя ничего, грамотно приземлилась, даже зубной протез не потеряла. Признайся, вчера со скамейки прыгали ради репетиции?

Думай, думай, ДУМАЙ!!!

Я? Да я на спор с трехсот метров собственную задницу на табуретку усажу! Ой, Сержик, ну что за срамное выражение: с трехсот метров. Ты сначала с метра усади.

Тупая фраза из тупого фильма «про нас», на скорую руку сварганенного в Голливуде, Лаперуз и название упоминал. Какие-то боги, какие-то черти... Да зачем это тебе?!

Как истинное дитя своего века, Катя решала проблему недостатка информации просто, проще некуда. Компьютер отыскался в спальне. Про богов, чертей и демиургов Яндекс вывалил страниц пятьсот, но едва Катя ввела фразу насчет задницы и трехсот метров — тут же выдал нужное: «Боги войны» (оригинальное название «The gods of war»), военная драма, в ролях Рейчел Вайс, душка Джуд Лоу и Харрисон Форд в роли майора Петрова, командира десантной бригады имени товарища Лаврентия Берии, саундтрек, песню Аквила, можно скачать без регистрации на сайте «крутыепесни.com».

Желаете посмотреть фильм онлайн?

Да. Правда, толком не знаю, зачем.

Джуд Лоу оказался мелким штабным писарем, но мечтал стать десанником и заняться настоящим делом. И стал-таки, завоевав своим упорством сердце радистки Рейчел Вайс (сержанта Марии Толстой — в фильме по-русски она изъясняется хуже всех).

Катя обнаружила искомое на пятьдесят восьмой минуте: счастливчик Джуд, только что принятый в бригаду Петрова, стоит на фоне осеннего леса, почему-то вытянувшись в стойке смирно. Фантазией режиссера он облачен в мешковатый серый комбинезон и летный шлем.

Так вот ты какой, Разбившийся Парашютист...

Следующая папка называлась незамысловато: «Досье». Катя попыталась открыть ее, но комп неожиданно попросил ввести пароль. «Аист.RU» — ввела Катя по наитию.

Пароль неверный. У вас осталось шесть попыток, после чего система заблокирует вас как потенциального агрессора. Скажите, какие изыски...

«Парашют».

Пароль неверный. У вас осталось...

«Аглая».

Пароль неверный. У вас...

«Катя Дорман».

Пароль неверный.

«Убийство».

Пароль неверный.

«абыгдщухыймиркалядство123459».

Пароль неверный. У вас осталась одна попытка, после чего...

Катя прошла в ванную. Не раздеваясь, окатила лицо и шею ледяной водой, потом крутым кипятком, потом снова холодной. Лужи остались на полу... Плевать. Теперь на все можно было наплевать. Она вернулась к компьютеру.

«Пелагеин камень».

Пароль верный. Добро пожаловать, пользователь. Желаете открыть папку для просмотра? Распечатать? Отправить по e-mail? Кликните мышкой на нужный пункт.

Велик был соблазн отправить папку по мейлу, но Катя сдержалась, выбрав просмотр. Экран распахнулся ей навстречу, и первое, что она увидела, была фотография ее бабушки Эльзы Германовны Дорман в сопровождении текста: дата рождения, из поволжских немцев, отец профессор медицины, расстрелян как вредитель в ноябре 1943 г., брат Игорь Германович, приговорен к 25 годам исправительных работ как член вредительской группы под руководством отца. Далее шла подборка статей разных лет о Пелагеином камне: оказалось, что это минерал с волшебными свойствами, крошечные месторождения которого были найдены в тайге под Архангельском, в районе Двинской губы. Монахини из монастыря Св. Пелагеи владели секретом врачевания безнадежно больных, готовя на основе минерала специальные снадобья. Существует легенда, что изучением его свойств вплотную занимался крупный русский ученый-мистик Яков Брюс во время экспедиции под Архангельск, но неожиданно свернул работы, уничтожил все записи и спешно отбыл в Москву.

Последующие файлы снова возвращались к бабушке Эльзе, ее сыну и Катиному отцу Эдуарду Ивановичу и, собственно, к ней самой — Дорман Екатерине Эдуардовне, кандидату по парашютному многоборью. Фотографии награждений, групповые фото «аистят» в небе и на земле... Катя открыла последний файл. И с размаху наткнулась на снимок мертвой Али Морозовой. Даже на серию снимков: общий план, крупно — рваная рана на горле, крупно — часы на запястье, крупно — бархатная ленточка с застежкой-стрекозой, затерявшаяся в траве...

«Вот ты и решила задачку, — с прохладной отстраненностью подумала «пленница». — Все убийцы, иностранные шпионы, сексуальные маньяки, сколь бы хитроумные комбинации ни прокручивали, сыплются на мелочах. Не надо было заливать, будто презираешь голливудские боевики, а потом бросаться фразами оттуда...»

Девушка механически поднялась с кресла и так же механически принялась за обыск. Она понятия не имела, что конкретно ищет, просто затекшее тело требовало действия. Обыск обещал не затянуться: поначалу Катя осторожничала, потом стала просто вываливать вещи из шкафов и тумбочек на середину комнаты. Добралась до ванной, перебрала по очереди стиральные порошки и средства гигиены, залезла на антресоли — и обнаружила у дальней стенки завернутый в полиэтилен прямоугольный предмет. Катя спустилась на пол, раз-

вернула обертку — и увидела маленькую, но весьма навороченную японскую видеокамеру. Она узнала бы ее из тысячи, точно Штирлиц — чемодан радистки Кати Козловой.

Смена кадра. Ночной аэродром, длинные тени от ангаров с техникой и освещенный изнутри трейлер с фигуркой аиста на борту. Оранжевый свет из окошек падает на траву, перемешиваясь с лунным, слышна музыка из какого-то фильма: внутри работает телевизор. За трейлером пристально наблюдает человек в темной курточке с капюшоном: он расположился за углом ближайшего ангара, в его тени, и почти сливается с окружающим ландшафтом, хотя до средневекового ниндзя ему далековато.

Ожидание затягивается. Из будки выходит охранник, лениво затягивается сигаретой, включает фонарь и отправляется делать обход территории. Обход делается каждый час: это непреложный закон, и охранник не собирается нарушать его, он профессионален и дорожит своим местом.

Воспользовавшись тем, что к нему повернулись спиной, человек в капюшоне отделяется от ангара, на цыпочках подбегает к трейлеру и, вытянув шею, заглядывает сначала в одно окошко, затем в другое, над дверью. Некоторое время стоит озадаченный. На его губах появляется злая усмешка, и он так же, на цыпочках, устремляется к березовому лесочку на границе аэродрома. Кажется, его нагло обманули: трейлер пуст.

Ресторан «Аист.RU», той же ночью.

Время закрытия, оба зала пусты. Две уборщицы моют полы, и молодой бармен протирает бокалы.

Виктор Палыч прошел к стойке. Бармен, увидев начальство, приветливо улыбнулся.

— Припозднились, шеф. Мы уж и посетителей выгнали, и кассу сдали.

— И себе кое-какую мелочишку на карман не забыли, — в тон ему отозвался Палыч, пристраивая зад на высокую табуретку.

Бармен не слишком уверенно возмущился.

— Виктор Палыч, как можно?

— Шучу. Скажи-ка, комнаты наверху свободны? Никто из ваших не развлекается?

Две комнаты на втором этаже, куда из зала вела винтовая лестница, предназначались для частных встреч. Обстановку там сочинял дизайнер с мировым именем — несколько лет назад его пригласила Аглая. Виктор Палыч, посмотрев смету, крикнул, но вскоре оценил дальновидность супруги. Оба помещения были обустроены так, что с легкостью, буквально за несколько минут, превращались из делового кабинета в шикарнейший двухспальный номер и обратно. Виктор Палыч, как владелец довольно большого бизнеса, понимал: и то и другое совершенно необходимо для наведения мостов с потенциальными партнерами.

Иногда комнатами пользовались работники ресторана — дядя Витя смотрел на это сквозь пальцы, требуя лишь, чтобы его ставили в известность.

Бармен кинул взгляд на специальный крючок.

— Ключи на месте. Да я бы вас известил.

— Гм... А если кто-нибудь без твоего ведома?

— Что вы! Мне моя работа еще не надоела.

— Проверим, — буркнул Палыч под нос.

Коридор на втором этаже был погружен во тьму, но, благодаря широкому окну в его торце, тьма вовсе не была непроглядной. Виктор Палыч мягко двинулся вдоль стены, достиг двух дверей-близняшек, осторожно коснулся ручки первой, затем соседней и обнаружил, что та не заперта. «Эх, искать Виталику новую работу», — подумал он о бармене. Резко толкнул дверь, вошел внутрь и щелкнул выключателем.

Комната сейчас находилась в ипостаси делового кабинета. На кожаном диване у стены, под одеялом, лежала свернутая валиком кожанка — с большой натяжкой она походила на спящего человека. Виктор Палыч увидел склоненную над диваном фигуру в темном капюшоне (что там в руке, хлороформ?) и, не давая ночному гостю опомниться, схватил за загривок и швырнул на пол. Капюшон слетел с головы, гость испуганно пискнул и попытался натянуть его обратно. Однако передумал и остался лежать неподвижно, лишь подтянул колени к животу.

— Может, все же окажешь сопротивление? — с надеждой спросил Палыч.

— Я бы тебя прямо здесь и порешил. Максимум, что мне могут вменить, — превышение мер самообороны. Большой срок не дадут, а может, и условным отделаюсь... Чем же тебе, тля навозная, моя Аглаюшка не угодила? Или все-таки жертвой намечалась не она? Ты не молчи, не зли меня.

— А смысл? — прошелестело с пола. — Все равно уж теперь...

— Смысл прямой. Расскажешь — обещаю: сдам следователю, еще поживешь. Нет — прямо сейчас башку сверну.

Человек на полу слабо повозился.

— Пелагеин камень...

— Что?

— Пелагеин камень — слышали, небось, название? Слышали. И медальон видели: «Верни чашу Пантелеймону, найди, куда перст укажет...» Иоганн Дорман и граф Брюс зашифровали карту месторождений в медальоне и иконе — а это же миллионы долларов, до сих пор в тайге находили крохи, даже для лабораторных исследований недостаточно...

— А ты-то какое имеешь к этому отношение?

— Может, и никакого, только кто, кроме меня, расчистил бы путь?

— Расчистил путь? — с холодным спокойствием проговорил Виктор Палыч. — Аля Морозова, я полагаю, была твоей сообщницей, она поменяла парашюты на поле...

- Слабое звено, пришлось убрать...
- А Наиля? Она здесь при чем? Зачем было перетягивать шпильку в вытяжном устройстве, подбрасывать в лес Катину заколку для волос, разрывать могилу Аглаи, подделывать видеозапись — зачем?! Просто ради игры? Адrenalинчика захотелось? — он рванул ворот рубашки, чувствуя удушающую ярость. — Ты не человек. И место твое в аду.
- Может, и так. Только это игра не моя.
- А чья же?
- Ваша. Потому что на самом деле убийца — вы.

Архангельск, ранняя осень 1965 г.

Титры на экране — буквы, возникающие в виде бегущей строки, и сопутствующие этому характерные щелчки имитируют допотопную печатную машинку. «Оперативная съемка объекта, обозначенного в донесениях как «Умная». Ответственные: специальная группа наружного наблюдения «Аякс», рук. старш. уполномоченный лейт. Полищук В.А. Применяемые тех. средства: камера скрытого ношения «Точка-58», пленка 9,5 мм, аппаратура «Жук-С» для наблюдения за объектом в ночное время. Наблюдение велось круглосуточно, как в передвижении, так и из стационарного объекта (сапожной будки во дворе дома по месту проживания объекта)».

Старый вокзал на площади Октябрьской, доживающий последние месяцы. Вскоре его сменит новый, современный, с просторным залом ожидания, пунктом телефонной связи и даже рестораном загадочной «повышенной культуры обслуживания» — об этом сообщает большая, на разворот, передовица в газете «Комсомолец Архангельска».

В самом конце перрона, в тесной забегаловке со звучным названием «Жар-птица», попивают пивко трое работяг. За угловым столиком — небольшая компания ребят в стройотрядовских спецовках, один тихонько перебирает струны выдавшей виды гитары. Еще за одним столиком о чем-то приглушенно спорят двое командировочных. За прилавком, точно монумент, высится громадная буфетчица в несвежем кокошнике. Словосочетание «повышенная культура обслуживания» относится к ней примерно так же, как корабельный канат к вышиванию крестиком. Один из работяг за стойкой — маленького роста, в кургузом пиджаке и засаленной кепке — рассеянно глядит в окно, на подходящий московский поезд.

Среди выходящих пассажиров его интересует одна пара: молодая мамаша с сыном. Женщине чуть за тридцать, высокая, ладненькая, в легком пальто из плотной шерсти, газовом шарфике и шляпке с маленькими полями. Мальчик большелобый, с упрямым подбородком, только, пожалуй, излишне серьезный для своих десяти-одиннадцати лет. Он слегка подволакивает ноги при ходьбе — тоненькие, как лапки паука-сенокосца, и заметно искривленные, то ли с рождения, то ли из-за болезни. «Бедный ты бедный, — про себя сочувс-

твует работяга, — ни в футбол с пацанами погонять, ни по деревьям ползать — только наблюдать со скамейки».

Его приятель за стойкой. Что, Михеич, бабенка приглянулась? Так ты того, не тушуйся. Только сперва пару лишних стелек засунь в ботинки.

Михеич (подозрительно). Это еще зачем?

Приятель за стойкой. А чтоб макушкой в ейный подбородок не упираться.

Вся компания довольно гогочет.

Михеич (обиженно). Жеребцы. Сами свое пиво допивайте.

Медленно, вразвалочку, выходит из «стекляшки», неспешно закуривает и заходит в будку телефона-автомата. Набирает номер. Алло. Лейтенант Полищук докладывает... Так точно, на вокзале. Идут к автобусу. Есть продолжать наблюдение. Обижаете, товарищ майор, когда это кто меня засекал?

Рейсовый автобус. На сиденье ближе к окошку — мальчик с искривленными ножками. Это Эдик, сын Эльзы Дорман. Сама она сидит рядом, держа на коленях обшарпанный чемодан.

Эдик. Мам, а я поправлюсь?

Эльза. Конечно. Доктор сказал: все будет хорошо. Нужно только набраться терпения.

Эдик. И в милиции смогу работать, когда вырасту?

Эльза (слегка испуганно). Этого еще не хватало. Становись лучше строителем — вон сколько новых домов строят. Или врачом, как Павел Аристархович.

Эдик. Не. Я тогда буду таксидермистом. Это тот, кто чучела животных делает. У нас в больнице лежал один дядька — он мне рассказывал... И даже специальный ножик подарил перед выпиской. Знаешь, у них такие же инструменты, как у хирургов: всякие там скальпели, пинцеты, зажимы... Ма, а тот доктор, который меня лечил, — он и вправду самый главный во всей стране?

Эльза (чуть подумав). Пожалуй, да, во всей стране.

... Доктор Павел Аристархович (и профессор, и даже член-корреспондент) и в самом деле считался мировым медицинским светилом. У него было старомодное пенсне на черном шелковом шнурке — он долго и сосредоточенно протирает стекла замшевой тряпочкой, прежде чем начать разговор.

Доктор (выйдя из палаты и прикрыв дверь). К сожалению, утешить вас нечем, голубушка. У мальчика ярко выраженный рассеянный склероз с осложнением на позвоночник. Современная медицина здесь бессильна.

Эльза. Склероз... Но Эдику же всего десять...

Доктор (с грустью). А вы полагаете, болезни — это удел стариков? Знаете, природа иногда творит чудеса. Нужно только верить и не терять надежды — это самое главное. Я бы посоветовал вам сходить в церковь. Конечно, это теперь крайне немодно. И все-таки...

Дом — стандартная пятиэтажка на улице Героя Советского Союза Павла Усова — загибается буквой «Г» и огораживает узкий пыльный дворик. Посреди него, под сенью громадного древнего тополя, — детские качели, несколько скамеек и будка сапожника. Из будки доносится стук молотка: сапожник сосредоточенно сражается с чьей-то набойкой. Эльза здороваётся — он отвечает кивком, держа во рту пару гвоздей.

Соседка Эльзы Екатерина Львовна вешает на веревку бельё. Вокруг нее вращается самый настоящий смерч — из черного кота, двух беспородных собак и Екатерининного внука Мишки, лохматого существа в защитной рубашке.

Екатерина (свирепым голосом). А ну геть отседова! Когда ж эти изверги-родители тебя заберут, господи... А, Эльзочка, приехали? Давненько вас не было... Здравствуй, Эдик. Как вырос-то, а?

Мишка тотчас вытягивается из круговорота, радостно хлопает приятеля по плечу, и оба начинают шептаться о чем-то своем — надо думать, очень важном и секретном.

Екатерина Львовна. Ну, что доктор?

Эльза. Как обычно. Ничего конкретного.

Екатерина Львовна. Я слышала, тут в окрестностях живет... ну, вроде как знахарь. Лечит всякими заговорами и травами. К нему Настасья ездила из девятой квартиры — правда, ничего не рассказывает, боится. С ней наш участковый беседу проводил: мол, стыдно вам, как сознательной гражданке, верить во всякую чертовщину. У нас самая передовая в мире медицина, а вы...

«Самая передовая в мире медицина, — подумала Эльза, — посоветовала мне сходить в церковь. Как знать, может, совет и не так уж плох...»

Мишка с Эдиком разглядывают скальпель, который Эдик получил в подарок перед выпиской.

Эдик. Немецкий. Видишь, клеймо на рукоятке.

Мишка (азартно). На что меняемся? Давай на самолет — ну, тот, что мне дядя Слава сделал из фанеры в прошлом году.

Эдик (с хитрецей). Вот еще. Давай на твоего кота.

Мишка (обиженно). Ты за кого меня держишь? Чтобы я живое существо — на железку?.. Ладно, знай мою доброту. Есть у меня одна штукovina, мамин родственник привез с Украины, он там служил в войну... Приходи вечером, сам увидишь. Да, и скальпель не забудь прихватить.

Очередь в продуктовый отдел тянется добрый квартал. Состоит она в основном из баб и ребятишек: мужики предпочитают кучковаться возле винноводочного прилавка. Эльза складывает в авоську вожделенные две бутылки молока, буханку хлеба и пачку макарон и с немалым трудом выбирается из

магазина. И неожиданно ощущает покалывание в области затылка. Это ощущение для нее не ново и означает одно: **за ней следят**.

Она сворачивает в какой-то глухой переулок, где царят выстроенные еще до революции деревянные кварталы, тонущие в пожухлой лебеде и чертополохе. Проскальзывает за угол двухэтажного дома и застывает, прижавшись спиной к водосточной трубе. На всякий случай нащупывает в авоське бутылку с молоком — практически идеальное оружие для рукопашной схватки. И в следующую секунду слышит знакомый голос: «Уменьш, не надо, я не воевать пришла».

Эльза. Покажись.

Высокая худощавая женщина в поношенном плаще и дешевой косынке медленно выходит на открытое место. Руки держит перед собой, ладонями вверх, чтобы Эльза видела, что они пустые.

Эльза (с удивлением). Оса?!

Они сидят рядышком на скамейке — две подруги-соседушки, для полноты образа не хватает лишь кулечка с традиционными жареными семечками. Вокруг тихо — слышно, как стрекозы шуршат крыльями.

Эльза. Я после войны пыталась разыскать кого-нибудь из наших девчонок. Оказалось, в живых уже никого. О тебе сообщили, что ты пропала без вести при бомбежке эшелона.

Оса (медленно). Я не была в том эшелоне. Дезертировала.

Эльза. Как же ты жила все это время?

Оса. Как... Моталась с места на место, нигде подолгу не задерживаясь. Семей не обзавелась, друзьями-знакомыми тоже... Одинокая облезлая волчица.

Эльза. И что ты от меня хочешь? Я же не поп, грехи не имею права отпустить.

Оса (с трудом выдавливая слова). Я умираю, Уменьш. Врач сказал: мне осталось месяца три. От силы четыре.

Полгода назад, в начале весны, я почувствовала боль в груди. Поначалу не придавала значения — думала, перетерплю... А когда обратилась к врачу... Он сделал снимок. Спросил, нет ли у меня родственников. Я сказала: нет, я одна. Тогда он объявил... Верить, я даже обрадовалась. Подумала: вот оно, искупление. А потом вдруг захотелось жить. До слез, до озноба. Тогда я и решила тебя разыскать.

Эльза. Меня? Чем же я могу помочь?

Оса. Тебе известно такое название: Пелагеин камень? Твой отец знал, что где-то в тайге есть большое месторождение. Оно обозначено на одной старинной карте, или рисунке. Но рисунок зашифрован, а ключ к шифру — это твой медальон. Тот, что висел у тебя на шее.

Эльза. Откуда ты все это знаешь?

Оса (с кривоватой улыбкой). Я знаю гораздо больше. К примеру, кто украл его из сейфа Дырихи. Кто убил ее саму. Кто направил на школу немецкий десант. И кто испортил Верочкин парашют.

Эльза (не веря себе). Нет. Это невозможно... Если только...

Оса. Что?

Эльза. Если только ты не «Акустик».

Оса. Я не «Акустик». Я «Эстонец». То есть была «Эстонцем».

Мы в сорок первом попали в оккупацию. Папу расстреляли (подозревали в связях с партизанами), нас с мамой угнали в Германию. Мама вскоре умерла в концлагере, а меня привели в один кабинет... И, как говорится, сделали предложение... Я могла отказаться. Но очень уж не хотелось в газовую камеру.

Эльза. А зачем тебя отправили на «дачу»?

Оса. У немцев там был свой агент, его внедрили еще в начале войны. Потом они заподозрили, что он либо раскрыт и перевербован, либо ведет какую-то свою игру. Я должна была встретиться с ним и выяснить, в чем дело. В случае необходимости — устранить.

Эльза. И ты устранила? Широкие же тебе дали полномочия.

Оса. Послушай. Я в твоих глазах — иуда, предательница, пусть так... *Но я никого не убивала.* Ни Дыриху, ни Ластика. Я только вышла на связь с «Акустиком». Назвала пароль: «У волка в темноте глаза желтые». Он сказал, что разговаривать сейчас опасно, за ним могут следить... А потом, на следующую ночь, Дыриху нашли мертвой. Понимаешь, он тоже искал Пелагеин камень. Немцы занимались его изучением параллельно с... *нашими.* И им тоже нужны были образцы. Только... В общем, он решил не отдавать минерал. И не возвращаться.

Эльза. Почему?

Оса. Потому что шел сорок четвертый год. Многие уже тогда понимали, что немцы войну проиграли.

Эльза. Ну, а зачем тебе я? Медальон у вас. Вы определите место на карте, найдете месторождение... Только что дальше?

Оса. Есть один человек. Он может помочь.

Эльза (не сразу осознав услышанное). Игорь?! Где он? Что с ним?

Оса. Не все сразу, Уменьш. Давай условимся: встречаемся через два дня. В шесть часов вечера, на этом же месте. Только приходи одна.

Спустя два дня.

Тот же двухэтажный домишко времен царя Гороха, только на этот раз Эльза погибает его с противоположной стороны, попутно проверившись, нет ли слежки (впрочем, по части скрытого наблюдения Оса была первая в школе, так что Эльза могла и не заметить подругу). Бросает взгляд на часы: пять минут седьмого. Или Осу что-то задерживает, или она стоит где-то в двух шагах, невидимая и неслышимая, и напряженно наблюдает за улицей. Эльза садится на лавочку и говорит в пространство: «Я одна».

— Эльза Дорман? — слышит она рядом.

Она оборачивается. Незнакомый мужчина небольшого роста, в серой кепке и кургузом пиджаке, которому не помешала бы хорошая чистка. Глаза холодноватые и цепкие, не слишком вязавшиеся с остальным обликом, — по этим глазам Эльза всегда безошибочно определяла бывших коллег...

Мужчина. Лейтенант Полищук. Попрошу вас пройти со мной, есть серьезный разговор.

Эльза (с приветливой улыбкой). Здравствуйте, товарищ лейтенант. Знаете, я тороплюсь домой... Пришлите повестку, завтра я обязательно зайду...

Полищук (отвечая улыбкой на улыбку). Эльза Германовна, меня предупредили, что у вас... гм... не слишком покладистый характер. Но мой начальник велел передать, что вы с ним знакомы. Только сейчас он майор, а тогда был капитаном.

Эльза (осторожно). Куда идти?

Полищук. Недалеко. У меня за углом машина.

Смена кадра.

Официальный кабинет, коих Эльза перевидала как птичница куриных яиц. Стены, неаккуратно вымазанные масляной краской, облезлый подоконник, рассыпавшийся письменный стол, кипа бумаги и настольная лампа под дешевым целлулоидным абажуром.

В настольной лампе регулярно, раз в два дня, перегорает лампочка.

Майор Фирсов (галантно привстал и указал Эльзе на стул напротив себя — будто расстались только вчера). Я так и знал, что мы еще встретимся. Рад, что вы уцелели тогда, возле избушки.

Эльза. Я уцелела одна? Больше никто?

Фирсов. К сожалению. Штурм в тех условиях был единственным решением. Но я хотел поговорить с вами на другую тему. Скажите, в каких отношениях вы были с гражданкой Проничкиной Оксаной Савельевной?

Эльза (с искренним непониманием). С кем?

Мужской голос за спиной. С Проничкиной Оксаной Савельевной. В просторечии — Осой. Вот, полюбуйся: может, это память освежит.

Эльза заставляет себя не оборачиваться — просто ждет, пока майор Дьяченко (нет, не майор, поправляется она, взглянув на звездочки, — полковник) подойдет к столу. И небрежно бросит перед ней пачку фотографий. Фотографии, все как одна, дрянного качества: требуется несколько секунд, чтобы узанать запечатленную на них женщину.

Дьяченко. Она была выловлена из Двины вчера утром, в районе железнодорожного моста. Ей перерезали горло острым изогнутым лезвием, имеющим зазубрины. В воду сбросили уже мертвую. О чем вы говорили с ней в последней встрече? Вы встречались три дня назад, не вздумай отпираться!

Эльза. Вы что, следили за мной?

Дьяченко. За вами обеими. Ты знала, что во время войны она работала на немцев? (*Наклоняется над собеседницей.*) Зачем она поперлась к этому чертовому мосту? Почему так запросто подпустила к себе убийцу? А ведь была первой на вашем курсе, могла любого мужика завалить голыми руками... (*После паузы.*) А сказать, что я еще думаю по этому поводу? Что теперь на очереди — ты. Лично мне Осу не жалко: немецкая подстилка, туда ей и дорога. А вот ты... О сыне подумай, коли о себе не хочешь. Жаль пацана, сиротой вырастет. Да еще калека... Давайте пропуск, гражданка Дорман, я подпишу. Если товарищ майор не возражает.

Фирсов нагоняет ее на улице. Прижимает машину к тротуару и открывает дверцу со стороны пассажира. Дождидается, пока Эльза устроится на сиденье, нажимает на газ и сообщает ровным тоном: «У вашей подруги была злокачественная опухоль. Ей оставалось несколько месяцев. Вы знали об этом?»

Эльза. Знала. Она сказала мне: он еще здесь.

Фирсов. Кто?

Эльза. «Акустик». Он не ушел с немцами. У него осталось здесь незаконченное дело.

Фирсов (тормозит возле арки, перед домом Эльзы). Будьте осторожны. Мы, конечно, примем меры для вашей защиты. Заменяем сапожника в будке на нашего сотрудника, еще одного посадим в квартиру напротив вашей, но все равно...

Эльза (касается ладонью щеки Фирсова. На ощупь щека жесткая, колючая и теплая). Спасибо.

Спустя несколько дней.

Дождь все-таки накрывает ее — на самых подступах к дому. Мелкая изморось превращается в крупные капли, от которых может спасти разве что водолазный костюм, но уж никак не раскладной дамский зонтик. На площадке между первым и вторым этажом Екатерина Львовна громко отчитывает внука: «Бесстыдник! Просила же тебя приглядеть за бельем, пока я в магазине. Так нет, его носит не пойми где...»

Миша (независимо). Подумаешь, конец света: простыня намокла. Опять высохнет.

Эльза подходит к своей двери и вставляет ключ в замочную скважину. И через секунду обнаруживает, что замок не заперт. Этот факт не успеваает встревожить ее как следует, но в квартиру она не входит — проскальзывает плавным движением, готовая к нападению. Тишина и полумрак: за окошком заметно стемнело.

Эльза. Эдик! Эдик, где ты?

*Комната пуста. Ученическая тетрадь на столе с незавершенным рисунком: красноезвездный партизан с автоматом ППШ и полыхающий синим пламенем (и правда почему-то **синим**) фашистский танк.*

Екатерина Львовна (обеспокоенно заглядывая в прихожую). Эльза, дорогая, что случилось?

Эльза. Эдик пропал.

Екатерина Львовна. Что значит «пропал»? Михаил! Поди сюда, не прячься. Ты видел сегодня Эдика?

Миша. Нет.

Екатерина Львовна. Не врешь? Смотри, отцу нажалуюсь, когда приедет...

Эльза сбегает во двор, под косые водяные струи. Пусто, темно, лишь в сапожной будке, притулившейся к тополю-великану, теплится слабый огонек. Не электрическая лампочка, а нечто более скромное: огарок свечи, к примеру. Эльза подбегает к будке и дергает дверь на себя.

Будка открыта. Оплывшая свечка на столе, перед маленьким верстаком, сапожный инструмент и насаженный на болванку женский ботинок (фирсовский сотрудник даром времени не терял). Тут же припомнилась и фамилия: лейтенант Полищук. Бурое пятно на верстаке. Эльза проводит по нему пальцем и принюхивается: лейтенант умер самое большее час-полтора назад. Висок проломлен — так же точно и аккуратно, что и висок Нины Зарубиной по прозвищу Дыриха. На столе Эльза обнаруживает записку, сунутую одним краем под жестянку с гвоздями.

«Для Умной.

Привет, подруга. Вот и выпал случай поговорить по душам. Жду тебя к 10 вечера на дебаркадере напротив острова Шилов. Надеюсь, хвост не притащишь. Иначе получишь своего ублюдка по частям. До скорого».

Екатерина Львовна (заглядывает в дверь и в ужасе отшатывается). О господи...

Эльза. Не входите. Вызовите по телефону милицию и побудьте здесь до ее приезда. Пусть передадут майору Фирсову: убит его сотрудник.

К дебаркадере — плавучей пристани с навешенными вдоль бортов пустыми автомобильными шинами — пришвартован маленький паровой катер. Даже в темноте и с порядочного расстояния катер выглядит очень старым — пожалуй, ненамного моложе дебаркадера. И тот, и другой очень искусно притворяются мертвыми — это совсем нетрудно, когда тучи, собравшиеся над водой, закрывают луну, создавая некую театрально-кладбищенскую атмосферу. И абсолютно невозможно, если полученная записка огнем жжет ладонь.

Вот и выпал случай поговорить по душам, Умная...

Что ж, поговорим...

По расшатанным деревянным ступеням она поднимается на пристань. Дергает дощатую дверь под лампочкой: заперто. И неожиданно слышит какой-то звук с катера.

Чтобы преодолеть трап, требуется не более двух секунд. На палубе грязь и запустение: какие-то незакрепленные бочки вдоль борта, лебедка с оторванным тросом, рулевая рубка с незапертой дверью...

Звук — больше всего похожий на тихое поскуливание, будто щенку придавило задние лапы — доносится из-под крышки люка в кормовой части. Эльза присела, пошарила руками в поисках скобы...

— Эдик, — позвала она. — Сыночек, ты здесь? Отзовись!

А потом ее ударили сзади по голове.

Тьма. Не та, что была раньше, а другая: густая, непроницаемая, абсолютная — можно подумать, что глаза и вовсе ослепли. Но нет, просто ситуация изменилась. Где-то близко толкается в стены вода. Запястья туго стянуты за спиной, и какими-то хитрыми узлами, даже ногтем не подцепишь. Под позвонками нечто твердое и ребристое, больше всего похожее на деревянный трап. Мы в трюме, поняла Эльза. Поэтому темно и вода.

— Мама, — вдруг услышала она рядом с собой.

Эльза (встревоженно). Эдик, где ты? Ты не ранен? С тобой все в порядке?

Эдик. Все в порядке. Только мне страшно.

Эльза. Не бойся, миленький. Мы выберемся отсюда, обещаю...

Бесплотный голос сверху — не поймешь, мужской или женский, сопровождаемый лучом карманного фонарика. Никогда не давай обещаний, которые не сможешь выполнить.

Эльза (задрав голову). Кто вы? Что вам нужно?

Голос из-за фонарика. А ты не догадываешься? Может, зря тебя прозвали Умной?

Смех. Да, пожалуй, этот булькающий звук, исходящий от существа за фонариком, отдаленно напоминает смех. И это дает некоторый шанс, смеяться и стрелять одновременно не так-то легко.

Голос. Сколько раз мне хотелось тебя убить... И каждый раз ты оборачивалась ко мне спиной, будто искушала. Даже сегодня, здесь, на катере... Стоило мне ударить посильнее...

Эльза. Что ж не ударили?

Голос за фонариком. Потому что это было бы слишком легко. Знаешь, Оса, прежде чем сдохнуть, кое-что рассказала мне о твоём сыночке. Например, что он родился через девять месяцев после того, как зэки изнасиловали тебя в очередь...

Эльза. Прекрати! Ладно, я оставила в жизни много врагов. Но Эдик!!! Он уж точно не сделал тебе ничего плохого! За что ты собираешься ему мстить?

Голос за фонариком. А это не месть. Это акт милосердия. Если человек живет только мечтой о мести — какой смысл жить, когда она свершится?

Луч фонарика исчезает. Люк с лязгом захлопывается — и теперь тишина и тьма действительно становятся абсолютной.

Эдик. Мам, мне страшно...

Эльза (шепотом). Тише...

Так и хочется сказать про тишину и темень: как в гробу. Однако в гробу в спину не впиваются ребра ступенек. И никто не колотит в борт снаружи чем-то тяжелым — топором или ломом. Отчего катер отчетливо стонет: он чувствует, что его убивают, хотя и не понимает, за что, ведь он так долго и верно служил людям...

Нечто крохотное и скользкое шмыгает по плечу и исчезает в темноте. Мышь. Мыши покидают тонущий корабль первыми — задолго до того, как тот начинает тонуть. Если так, то эта явно запоздала...

Эдик (неожиданно спокойным голосом). Подожди, не дергайся. Перевернись на живот, мне так не дотянуться...

Она с удивлением подчиняется. И, не удержавшись, дергается от боли.

Эдик (виновато). Ой, прости. Тут темно... Я сейчас.

А в следующую секунду руки оказываются свободными. И вовремя: вода — маслянисто-черная и густая, как нефть — плещется уже на уровне груди.

Эльза изо всех сил упирается в крышку люка: заперто. Или придавлен сверху чем-нибудь тяжелым, хрен редьки не слаще. «Держись за лестницу», — велела она Эдику, а сама нырнула, шаря вокруг руками в поисках подходящего орудия, чем можно подцепить крышку. Искала, пока легкие не загорелись от недостатка кислорода. Вынырнула, едва не стукнувшись макушкой о потолок, снова погрузилась в воду...

Пожарный топор на длинной рукоятке попал под руку, когда узкая прослойка воздуха под потолком почти сошла на нет. Люк поддается с пятого, а может, с двадцатого удара. Как Эльза выбралась на палубу и вытащила полузадохнувшегося Эдика, думается, она бы не вспомнила. Только то, что небо над головой было темно-фиолетовым, тяжелым и ненастным, но от него пахло жизнью.

Эдик (пробует встать и вдруг валится ничком). Мам, я ног не чувствую. Будто их нет совсем.

Эльза (поспешно прижимает сына к себе, ощущая его дрожь). Это ничего, это от холода. Вот вернемся домой, согреемся, я тебя горячим чаем напою... Главное — мы выбрались, слышишь? Теперь все будет хорошо...

Эдик, однако, смотрит не на Эльзу, а куда-то мимо, ей за спину. Эльза оглядывается. И видит на кренящейся палубе полковника Дьяченко.

Точнее, сначала — темный монашеский куколь с накинутым капюшоном (на самом деле длинный брезентовый плащ): лампочка над дверью дебаркадера светит в спину, и вместо человека видна сильно увеличенная тень — так в старых немых лентах обычно показывают злодеев. По сценарию в руке сейчас должен появиться огромный нож или пистолет...

Насчет пистолета она, кажется, угадала. Поменьше ТТ, и это радует Эльзу: она может заслонить собой Эдика. ТТ прошел бы насквозь их обоих, а так — есть шанс, что Эдика только ранит.

Полковник (мертвым голосом). Вставай.

Эльза медленно выпрямляется.

И неожиданно слышит окрик: «Эй!»

Размытая фигура — копия первой: тот же плащ с капюшоном под фонарем, на дебаркадере. Только освещена не в пример лучше первой, точно олень в свете автомобильных фар. И шансы у первого противника были куда предпочтительнее: майор Фирсов был виден как на ладони.

И все же майор стреляет первым.

Пуля входит в грудь Дьяченко с мокрым всхлипом. Он недоуменно замирает, делает шаг назад — и кулем валится за борт. Черная вода принимает его тело, несколько секунд качает, как в колыбели, и плавно утягивает в свои глубины.

Фирсов (прыгает на катер и склоняется к Эльзе). Вы не ранены?

Эльза. Нет.

Фирсов. Ну, ну, перестаньте плакать. Все уже закончилось.

«Кто плачет?» — удивляется она.

Служебный кабинет, принадлежавший еще недавно двоим сотрудникам: майору и полковнику. Теперь Фирсов здесь единоличный хозяин. Солнечный зайчик прыгает по столу — с телефонного аппарата к картонным канцелярским папкам и обратно. Фирсов открывает верхнюю.

Майор. Записку он писал левой рукой. Хорошо, что вы оставили ее в сапожной будке, иначе вряд ли мы подросли бы вовремя.

Эльза. Спасибо. Значит, все-таки он... Он был «Акустиком»?

Майор. А вы сомневаетесь?

Эльза. Теперь уже нет. Странно. Там, на катере, он все время держался так, чтобы я не разглядела его лицо — только силуэт за фонариком. Если он собирался убить меня, к чему все эти ухищрения? И почему он обвинял меня в убийстве Верочки? Он ведь точно знал, что я не убийца... Я ведь с того дня словно горю на медленном огне. Впору к врачу обращаться...

Майор. Кстати, о врачах. Как там Эдик?

Эльза. Пока в больнице. Лежит, молчит, ничего не ест. Доктор говорит, последствия шока и переохлаждения.

Фирсов (сочувственно). Да, досталось парню. Что вы намерены делать дальше?

Эльза. Ничего. Подожду, пока Эдика выпишут, и мы с ним уедем. Подальше отсюда.

Майор (выходит из-за стола. Подходит к ней и неожиданно робко, пошкольному, касается ее щеки). Мне будет вас не хватать.

Крупным планом — руки Эдика поверх больничного одеяла. Эльзе видны красновато-черные точки на сгибе локтя: следы от капельницы.

Эльза. Скоро поправишься. И мы поедем к морю. Пойдешь в новую школу, заведешь новых друзей. Будешь кушать фрукты круглый год, тебе обязательно нужны фрукты, чтобы встать на ноги...

Эдик (*вздыхая*). Жалко ножик. Я им на тебе веревку разрезал. А потом уронил где-то в трюме.

Эльза. У тебя был нож? Тот, что тебе подарили в больнице в Москве?

Эдик. Нет, тот я отдал Мишке, бабыкатиному внуку. А он мне — свой. Такой кривой, как турецкий ятаган, с зазубринами на лезвии. Называется «стропо-рез». Какой-то его родственник привез с войны. Теперь у меня ни того, ни другого. Скальпель-то я назад уже не заберу...

Уже знакомый дворик. Точнее, угол двора за старым топодем — там внук Екатерины Львовны Миша сосредоточенно стучает об стенку лысоватым мячом.

Эльза (*подходя*). Миша, пойдём-ка поговорим.

Они подходят к скамейке.

Эльза (*садится и берет мальчика за плечи*). Почему ты соврал мне?

Миша (*глядя в пол*). Чего это соврал?

Эльза. Ты сказал, что не заходил к Эдику в *тот день*. Но это не так. Скорее всего, ты был с ним, когда его похитили.

Миша (*с отчаянием*). Да с чего вы взяли-то?

Эльза. На столе лежала тетрадь с рисунком: партизан с красной звездой и немецкий танк. Я тогда удивилась: почему танк горит *синим* пламенем?

Миша. Так ведь фашистский...

Эльза. Дело не в этом. Вы рисовали одновременно: ты — танк, Эдик — партизана. А красный карандаш у вас был только один. Ты не хотел ждать, пока Эдик закончит звезду, вот и нарисовал синий огонь. Я права? Кто из вас открыл дверь?

Миша (*низко-низко опустив голову*). Эдька. Сказал: мол, мама, наверно, вернулась. Вдруг я слышу — что-то бухнуло. Оглянулся — Эдик лежит на полу, а кто-то в плаще с капюшоном его за ноги тащит. Я испугался, спрятался за тумбочку... Я не предатель! Честное октябратское, не предатель! Просто...

Эльза (*сухо*). Хорошо, что ты спрятался, а не бросился на помощь другу. Преступник и тебя мог убить. Он свидетелей не оставляет...

Мишка (*неуверенно*). Наверно. Только... почему вы говорите «он»? Это же была тетка.

Эльза (*засомневавшись, правильно ли она расслышала*). Подожди. Ты хочешь сказать, Эдика похитила женщина? А ты не ошибся?

Мишка (*обиженно*). Что я, тетку от мужика не отличу?

Смена кадра. Титры на экране: «Год 1726-й, начало весны, каторжный острог в устье Двинской губы».

Горница в воеводском тереме. Перед узким стрельчатым окошком — капитан Измestьев: в расстегнутом мундире, в руке только что раскуренная трубка, но капитан, кажется, забыл о ней, погруженный в свои мысли. Никита идет на поправку, причем столь быстро, будто допреж всего-то подхватил инфлюэнцию по мартовским холодам. Счастливым отец уж и не знает, на какое место усадить сыночка. Подливает ему вина, подкладывает разносолов, самолично проверяет, не дует ли из окошка... От вина, впрочем, отпрыск отказывается, предпочитая квас или новомодный **кофейный напиток**, который их сиятельство привезли из столицы. Не прельщают его и шумные посиделки в офицерском собрании, хотя еще недавно охоч был — хоть хлебом не корми. Теперь его чаще можно было увидеть за книгой — да не за каким-нибудь любовным романом, а за толстеньким талмудом, в вечном уединении, которое, казалось, никогда ему не надоедало. Как отнестись к переменам в отпрыске — Алексей Иллатьевич не знал: с одной стороны, вроде бы и к добру, а с другой...

С другой почему-то было тревожно.

В дверь воеводской избы постучали. Вошел Никита. Измestьев-старший порывисто шагнул навстречу сыну, ласково стиснул за плечи и усадил за стол.

— Исхудал, однако, — покачал он головой. — И лицом стал бледен... Может, баньку истопить? Да пару-тройку девок погрудастей привезти из соседней деревни, чтобы веничком похлестали? Или вот что. Я краем уха слышал, их сиятельство вскорости в Петербург отбывают по делам, потом снова планируют возвратиться. Хочешь, упрощу графа взять тебя с собой? Развеешься, столичным воздухом подышишь. Что скажешь?

Никита равнодушно пожал плечами.

— Благодарю, батюшка. Только устремление у меня теперь иное.

— Вон как, — нахмурился Алексей Иллатьевич. — Какое же?

— Хочу поступить к графу в ученики.

— Не понял, — озадачился капитан.

Никита опустил голову. Видно, давно готовился о сказать о чем-то важном, а пришла пора — и решимость вдруг растаяла. Однако пересилил себя и произнес ровным голосом:

— Думаю уйти с военной службы. Научусь врачевать людей, ради этого стану разные науки изучать — химию там или анатомию... Есть же у их сиятельства один ученик — может, и второй будет не лишним...

— А я думал, тебя сызмальства военная карьера манила, — растерянно проговорил Измestьев-старший. — Помню, брал тебя на парад, а ты спрашивал: батюшка, а когда я вырасту, у меня тоже будет такой мундир и сабелька? В лучшую пехотную школу тебя отдал, хлопотал, чтобы комар носа не подточил. Надеялся на тебя командование острогом оставить, когда время придет... Выходит, все зря?

— А что хорошего-то в такой судьбе? — тихо спросил Никита. — Буде какая война — подставить голову под чужую саблю или пулю, а нет — до седых волос колодников гонять из крепости в крепость... Неужели Господь только ради этого меня спас? — он помолчал. — Я о другом нынче мечтаю: не отнимать чужие жизни, а возвращать их. Как великий Парацельс. Как их сиятельство граф. Как господин Дорман — мы ведь с ним, пожалуй, одного возраста, а насколько он искусней в разных науках...

Капитан взглянул на него, увидел упрямо склоненную голову...

— Твердо хоть решение? Или так?..

— Твердо, — ответил отпрыск, не отведя взгляд. — Мне голос был... Будто Богородица святая нашептала, как только я глаза открыл на койке в лазарете. Нельзя такому противиться.

Алексей Иллатьевич открыл резной шкафчик, извлек пузатую бутылку с рюмкой, выпил залпом — может, и вкуса-то не почувствовал. Показалось мало: налил вторую рюмку и отправил вслед за первой. Отер губы и устало спросил: — С графом сам разговор начнешь? Или уж мне?

Никита немного поразмыслил. И честно признался:

— Думаю, тебе сподручнее будет. Вдруг я заробую.

Их сиятельство, однако, начали разговор сами — следующим ранним утром. Измъстьев-старший и Измъстьев-младший застали графа и его помощника на заднем дворе, возле скрытой под навесом коновязи: те, облачившись в защитные кожаные панцири, фехтовали на учебных рапирах.

Надо признать, дрался граф мастерски. Его помощник и сам был довольным искусным фехтовальщиком, но их сиятельство были вольны хоть выбить клинок из руки оппонента, хоть прижать того к стенке и заставить признать поражение. Охваченный нетерпением Никита пару раз порывался подойти, но капитан останавливал: последнее дело прерывать чужие воинские экзерции. Наконец граф изящно, чуть ли не играючи, обезоружил Иоганна, бросил: «На сегодня достаточно» — и завозился, освобождаясь от защитного снаряжения. Алексей Иллатьевич подошел, козырнул, приготовившись изложить просьбу отпрыска, но их сиятельство опередили.

— Хорошо, что вы оказались здесь, капитан, нет нужды вас разыскивать, поскольку дело приватное. Обстоятельства требуют моего скорейшего отъезда в столицу. Там ныне неспокойно: Сенат возмущен бесчинствами нового генерал-прокурора (зажрался, подлец, чувство меры потерял), негодяи ропщут против новой системы налогов, в войсках бурление... Это еще не беспорядки, но — первые ростки, я слишком искушен в государственных делах, чтобы этого не чувствовать. В такие дни я обязан быть рядом с государыней.

— Ваше сиятельство, — шагнул из-за спины отца Никита. Голос его отчаянно звенел от напряжения, но — надо отдать ему должное — почти не дрожал. — Ваше сиятельство, осмелюсь обратиться к вам с просьбой...

— Я знаю, о чем хотите попросить, поручик, — граф собрал амуницию в охапку, придирчиво оглядел: не причинился ли какой изъян. — Желание ваше похвальное, тем более, что идет воистину от сердца...

— Откуда вы... — вырвалось у Никиты не вполне почтительно.

— Ну как же. Раньше, помнится, по целым дням лозу срубили на полном скаку, а теперь чаще в библиотеке просиживаете, за книгами по лекарской науке (только не читайте все без разбору: идея теплорода, высказанная преподобным Франциском Скориной, давно уж признана несостоятельной), за моим помощником по пятам ходите, просите разъяснить то одно, то другое... Так что ценю ваш порыв, но — вот вам мой наказ: быть рядом с батюшкой. Я нынче для вас сосед опасный. Могу голову сложить и вас за собой утяну... — он помолчал.

— Ну, а коли Бог попустит — вернусь. Буду снова Пелагеин камень изучать.

— Но что же станется с запасами минерала? — деревянными губами спросил Никита. — С вашими записями, формулами эликсиров? Не пропадут ли?

— Не пропадут, — небрежно отозвался граф, как о чем-то давно решенном. — Часть Иоганн увезет в Амстердам, часть я передам в Академию наук для изучения. Все надежно упаковано и спрятано, ни один злоумышленник не доберется... Все, поручик, вы свободны. А вы, капитан, задержитесь, у меня для вас еще несколько поручений.

Он увлек Измestььева-старшего в сторону. Тот оглянулся на сына: тот стоял, бледный, с опущенной головой, сжав кулаки — как человек, судьбу которого решили вдруг, одним небрежным росчерком пера...

Сердце капитана захолодело от жалости. И вместе с тем — стыдно сознаться — он почувствовал истовое облегчение. Его Никитушка останется с ним. Как там обернется в столицах — бог весть, их сиятельство правы: недолго и голову сложить, если что. А тут... Тут уж он родное чадо в обиду не даст. Один раз чуть не потерял — второго не допустит.

Настоящее время.

Погруженный в темноту двор. Большинство окон успело погаснуть, равно как и свет на третьем этаже, в квартире Каюровых. С балкона свешиваются жгут из нескольких связанных простыней — классическая картина побега из заточения, воспетая в десятках книг и кинофильмов, для физически подготовленного человека не такое уж и препятствие.

С балкона спускается Катя. Вот она спрыгивает на землю, оглядывается по сторонам (никого) и спешит прочь. Она знает, где искать предателя. Двадцать минут назад экран компьютера вдруг ожил: на почту пришло письмо. Оно состояло из одной строчки и адресовалось ей, Кате Дорман.

«Трейлер — это подстава, — значилось в послании. — Хочешь найти хозяина — дуй в «Аист». Поторопись, твою берлогу скоро накроют».

Адрес был незнакомый. «Джонни, это ты?» — написала она с надеждой.

Однако ответа не дождалась.

Ресторан «Аист.RU», комната наверху.

— Что значит: я — убийца? Что ты несешь?

— В вашем компьютере досье на семью Дорман, статьи о Пелагеином камне, у вас видеокамера, которая исчезла с аэродрома... Думаю, Катя все это уже обнаружила, она девочка умная.

— Ты врешь, — сквозь зубы проговорил Виктор Палыч. — Как это могло оказаться...

Человек на полу тихонько рассмеялся.

— А не надо экономить на мелочах. Входная дверь от хорошей фирмы, а замки — так себе, ключи подобрать можно на чих.

Издав нечто вроде тигриного рыка, Виктор Палыч схватил гостя за плечи и одним рывком поднял на ноги — это оказалось просто, веса в оппоненте было всего ничего. Хотел ударить, пусть легонько, чтобы отвести душу, но тот вдруг как-то очень быстро и коротко взмахнул рукой. И Виктор Палыч почувствовал резкую боль в горле.

Бармен Виталик закончил протирать бокалы и теперь готовил коктейль для официантки Настасьи. Настасья жила на квартире у подруги: та объявила, что вечером придет не одна и попросила квартирантку «погулять где-нибудь». Настасье светила бессонная ночь, и тратить ее впустую она не собиралась. Виталик как раз добавлял в бокал лимон и корицу, когда в двери снаружи целеустремленно забарабанили. Виталик выбрался из-за стойки, с опаской подошел к запертому входу и выглянул наружу через стекло, ожидая увидеть... да кого угодно: налоговую инспекцию, пожарников, санитаров, припозднившуюся братву... Но увидел донельзя взволнованную девушку.

— Катя? — удивился он, отпирая замок.

— Виктор Палыч здесь? — отрывисто спросила она.

— Наверху, но он не велел его беспокоить... Ты куда, ненормальная?

Катя влетела вверх по лестнице. И тут же увидела требуемый ориентир: желтоватая полоска света, выползающая из-под приоткрытой двери. Катя подлетела к ней, однако открыть пошире не успела: та распахнулась сама, и на девушку обрушилось что-то тяжелое, хрипящее, страшное...

Она едва успела подхватить его. Чужая кровь моментально окатила ее с ног до головы — она хлестала рекой из рваной раны на горле, густо орошала светлый палас на полу, оставляла подходящие на иероглифы следы на мебели и обоях: умирая, Палыч инстинктивно цеплялся за все подряд.

— Кто? — протолкнула Катя сквозь спазм. — Дядя Витя, только скажи, кто?!!

— Ну ни фигя себе, — послышался сзади голос Виталика. — За что ты его так?

— Это не я, — всхлипнула Катя. — Я только что пришла, ты же видел!

— Ну конечно, не ты, — бармен с опаской посмотрел куда-то вниз. Катя проследила за его взглядом и обнаружила у себя в руке нож с характерным зазубренным лезвием: наверно, бессознательно подобрала с пола.

А в следующую секунду по лестнице на второй этаж громко затопала охрана.

Сутки спустя. Кабинет следователя, за столом хозяин, напротив, на месте посетителя, Эльза Дорман. На столе, будто на ничейной полосе, снимки с места последнего убийства: тело Виктора Каюрова в разных ракурсах, крупным планом нож-стропорез с окровавленным лезвием и рукояткой, на рукоятке четкие отпечатки пальцев, видные даже без специальных приспособлений. Крупным планом потеки крови на мебели и стенах, один из них, ближе к двери, выглядит осмысленнее прочих и складывается в надпись.

«ВЕРНИ ЧАШУ».

— А вот это уже послание лично вам, — сказал Николай Николаевич. — Стилистическими изысками убийца не блещет.

— Но ведь это доказывает, что его оставила не Катя. Какой смысл писать мне, если я рядом!

— Ну, в этом деле много такого, о чем можно спросить: «какой смысл?» Я же говорил: такое впечатление, что преступник нарочно нагромождает кучу лжи, нелепостей, откровенной бесовщины только ради того, чтобы мы не увидели за деревьями леса. И, если отбросить все несущественное...

— То останется владелец бизнеса, который задумал избавиться от опостылевшей супруги? Вы это хотите сказать?

— Или самолюбивый спортсмен, которого замучили нападки тренера. Между прочим, не факт, что все, обнаруженное в квартире Каюрова, принадлежит ему. Я имею в виду картинку с Разбившимся Парашютистом, досье на вашу семью... Катя вполне могла принести в кармане электронный носитель типа флешки и перекачать то, что требовалось, на тренерский компьютер. А Женя Ильченко — нарочно неуклюже нарисовать фигурку в кадре. Кстати, именно в этом он и признался через час после того, как узнал, что ваша внучка под арестом.

— То есть?

— Пришел и накатал заявление, что он сам подделал кадр. И сидел здесь, на вашем месте, до тех пор, пока я не занес в протокол его «признание». Да... А еще через полчаса после его ухода заявился еще один рыцарь печального образа — Сергей Докучаев. И поведал, что это он подбросил Катину застегку для волос на место убийства Али Морозовой. Между прочим, похоже на правду: потожировые следы на черном бархате действительно принадлежат Лаперузу: волновался парень, ладони-то и вспотели...

— Лаперуз подбросил в лес Катину заколку? — задумчиво переспросила Эльза. — Неужели из ревности к Жене Ильченко? Что-то не верится. Нет, причина здесь в другом, совсем в другом. Просто я упустила ее из вида...

— Что-то вы заговорили в духе мисс Марпл, — с подозрением проговорил Колчин. — Может, поделитесь планами?

Эльза, в подражание экранной героине, по-старушечьи аккуратно разгладила юбку на коленях.

— Я вдруг подумала, не съездить ли мне в Архангельск — это, можно сказать, места моей молодости... Поищу кого-нибудь из прежних знакомых — знаете, почему-то мне кажется, что вся эта история началась там. Значит, там должна и закончиться.

Купе фирменного экспресса «Двина».

Цена на билет довольно «кусачая», зато его обладатель гарантированно получал вежливое обслуживание, свежесваренный чай с печеньем, накрахмаленные простыни, не отдающие болотом, и наволочку, подходящую по размеру к подушке. Эльза половину жизни провела в поездах — иные вовсе не предназначались для перевозки людей, поэтому к комфорту она относилась как к некой экзотике, вроде пальм, бананов и чернокожих мужчин с кольцами в широких ноздрях. А вот поди ж ты, к старости захотелось чего-то этакого...

Попутчиков было двое: интеллигентная женщина в очках, лет тридцати пяти, и ее супруг — по-таежному кряжистый, с простецкими рыжими веснушками и светло-голубыми глазами. Эльза подумала, что мужчина вывез будущую супругу из какого-нибудь провинциального городка в средней полосе, где та преподавала детишкам русский и литературу. Он клюнул на ее вопиющую интеллигентность, она — на эти вот глаза, редкие везде, кроме северной тайги.

Постепенно разговорились — особенно когда выяснилось, что все трое сходят на станции Белая Грива. Женщина, Светлана Алексеевна, заведовала там крошечным краеведческим музеем и фактически являлась единственной его сотрудницей. Ее супруг, Андрей Васильевич, опрыскивал фермерские поля с вертолета. Эльза была приглашена к столу, куда внесла свою лепту в виде копченой курицы, ей была предъявлена фотография двух краснощеких отпрысков семейства («совершеннейшие бандиты, оторопь берет, когда я представляю, что из них вырастет»), затем Андрей Васильевич степенно поинтересовался, из каких краев Эльзу Германовну занесло в таежные палестины. Эльза назвала город.

Андрей Васильевич, крякнув, покачал головой.

— Надо же. Слышал я, будто мир тесен, но чтоб до такой степени... Светочкин брат много лет назад попал в ваш город по распределению, после техникума.

— И что?

— Невеселая история. Парень увлекся парашютным спортом, ходил в клуб при ДОСААФе — тогда было модно это самое содействие армии с авиацией...

И однажды разбился при прыжке: то ли вытяжной фал не выдержал, то ли стропы перепутались...

— Простите, — сказала Эльза.

— Да ну, — отозвалась Светлана ровным голосом, как о давно отболевшем. — Пятнадцать лет прошло. Владик уж и забываться стал.

— Владик? — пришел черед удивиться Эльзе. — А фамилия его, случайно, не Измestьев?

— Измestьев, — без особого удивления отозвался Андрей. — У нас в Белой Гриве полно Измestьевых. Взять хотя бы нас со Светочкой: познакомились, оказались однофамильцами. Ей даже паспорт менять не пришлось.

— Так вы были знакомы с моим Владиком? — тихонько спросила Светлана. — Расскажите о нем. Я ведь даже на его похороны опоздала: телеграмма шла целую неделю.

Эльза покачала головой.

— Лично я знакома с ним не была. Только слышала о нем от Ольги Ивиной. Она сейчас ухаживает за моим сыном — я имею в виду, как медсестра. Эдик инвалид, Ольга приходит делать ему массаж и уколы.

— Оленька — милое существо, — задумчиво подтвердила Светлана. — Мне кажется, Владик был влюблен в нее... Она ведь приезжала сюда года три назад, да, Андрюш?

— Угу. Как раз тем летом, когда твой музей обчистили. Гм... Как я понял, остановиться вам негде? — обратился он к Эльзе.

— Ну почему же. Я в путеводителе нашла довольно приличную гостиницу. И название располагает: «Пролетарская»...

— Не советовал бы, — безапелляционно сказал Андрей. — Знаете, я подумал... Вы могли бы несколько дней пожить у нас — пока не утрясете свои дела. Дом у нас большой, отдельная комната найдется. Удобства во дворе, но, поверьте, хуже, чем в «Пролетарской», может быть только в зале ожидания на вокзале.

— И то верно, — быстро согласилась Светлана, не привыкшая, видимо, перечить мужу. — Мы гостям рады, хоть и бывают они у нас редко. Белая Грива — вообще медвежий угол. Только в последнее время сюда зачастили: недалеко от местной обители поселился старец-целитель. Называет себя отец Георгий, занял в лесу старый скит, сам его обустроил, теперь принимает страждущих. От тех, говорят, отбоя нет. Старец всем помогает. А вы о своем сыне подумали? Отец Георгий человек очень занятый, но, думаю, я смогу вас познакомить. Правда, к его скиту придется идти пешком, ни один транспорт туда не доедет. Справитесь?

— Постараюсь, — скромно отозвалась Эльза. — А что он вообще за человек?

— Колоритная личность, — сказал Андрей, налегая на копченую курицу. — Сильная, как нынче выражаются, *харизматичная*. И что любопытно: я ведь

срочную служил во внутренних войсках, зэков охранял на прииске. Они народ особый, и не обязательно сплошь беспредельщики, попадают и порядочные на свой лад, и высокообразованные. Просто среда обитания накладывает отпечаток — на речь, манеру поведения, даже на походку... Вам-то я вряд ли сумею объяснить, вы человек от этого далекий...

— Боюсь, что да, — кивнула Эльза. — Мне такие тонкости недоступны.

Андрей хмыкнул.

— Так вот, я на свой вертолет бы поспорил, что отец Георгий — из бывших «сидельцев».

Измestьевы-младшие оказались не такими уж вопиющими бандитами: по крайней мере, никто не пытался расстрелять Эльзу из автомата или снести ей голову мечом-кладенцом. Дело ограничилось демонстрацией парка автомобилей на батарейках и парочкой страхолюдных роботов-трансформеров. Далее сорванцов отправили восвояси, а Светлана проводила гостью в ее комнату — довольно уютную, с обоями в голубой цветочек, свежим бельем на кровати с шпешечками, старинной настольной лампой. Шпешечки восхитили Эльзу больше всего.

— А это кровать из бывшей усадьбы промышленника Стародубцева, — не кичась, пояснила Светлана. — Она хранилась в запасниках, я и подумала: чего ей пылиться без дела... Кстати, завтра после обеда можем навестить отца Георгия, я связалась с ним по телефону. До монастыря святой Пелагеи муж нас подбросит на машине, а дальше пешком, как я говорила.

— Святой Пелагеи? — переспросила Эльза.

— Ну да, женская обитель. Во время войны всех монахинь выселили оттуда, в монастыре организовали какую-то дачу: то ли правда дачу для высшего командования, то ли сверхсекретную школу или аэродром... Монахини ушли в скит, после войны вернулись обратно. Отца Георгия почитают едва ли не как святого: приходят то за жизненным советом, то на исповедь, то просят быть третейским судьей в каком-нибудь споре. Поначалу приносили ему подарки — ну, там еду, одежду, но отец Георгий всегда отказывался: говорил, и так упакован по самую макушку. Представляете, так и выражался: «упакован»...

Следующий день.

Монастырь святой Пелагеи — обновленный и приукрашенный к какому-то крупному православному торжеству, а фактически заново отстроенный благодаря усилению сестер и финансовому влиянию областной администрации, озабоченной то ли спасением души, то ли грядущими выборами.

Хотелось бы описать ностальгические воспоминания, охватившие бывшую воспитанницу «дачи»: вот отсюда, из молельни с надписью: «Комендатура», появлялся к утреннему разводу майор Дьяченко, в пекарне слева от главных

ворот помещался кабинет Нины Зарубиной, на месте новых складов была вытоптана площадка для рукопашного боя — место гибели курсантки Зайки, так стремившейся быть первой во всем... Эльза прошла монастырским двором без малейших волнений, лишь на секунду задержавшись взглядом на маковке главного собора: северный исполин был и вправду хорош... И спросила о совсем постороннем:

— Света, а что это за история с кражей из вашего музея? Много ценного похитили?

— Да ну, — отмахнулась провожатая. — Откуда у нас ценности... Всего-то и унес, что икону святого Пантелеймона — она раньше хранилась в часовне в невольничьем остроге. Странная, между прочим, икона: обычно Пантелеймон держит в руках шкатулку для лекарств (он был покровителем больных и страждущих), а на той указывал пальцем куда-то вниз, под ноги.

— Откуда же она появилась, эта икона?

— Точно не знаю... Вроде передавалась в нашей семье из поколения в поколение, начиная с некоего капитана Алексея Измestьева. А может, это только легенда: Андрей ведь говорил, в этих местах полным-полно Измestьевых.

Скита достигли примерно через час. Впрочем, увиденное мало напоминало именно скит: впереди открылась широкая живописная поляна, посреди которой высилась добротная изба-пятистенка, обнесенная новеньким, пахнущим сосной штакетником. Внутри Эльза разглядела любовно обихожанный огород с двумя теплицами, сарай с прислоненным к стене велосипедом и нехилых размеров собачью будку. Из будки степенно вылезла жемчужно-серая кавказская овчарка и, рыкнув, показала непрошеным гостям клыки. На крыльцо тут же вышла женщина — лет сорока, худая, со строгим изгибом бровей, в монашеском одеянии, коротко приказала: «Турка, фу!» — и с ревнивым неодобрением посмотрела на «паломниц».

— Вы к отцу Георгию? Он отдыхает, сегодня было много посетителей. Придется подождать, а еще лучше приходите завтра.

Ближнее от двери окошко отворилось. И мужской голос сердито произнес:

— Агафья, ну что ты за мной, как за младенцем? Коли люди пришли, значит, по делу. Впусти немедля.

Агафья нехотя посторонилась. Эльза первая толкнула дверь и шагнула через порог, в просторную светлую комнату с русской печью, множеством икон по стенам, самодельными книжными полками, пузатым самоваром на столе, большим верстаком в дальнем углу...

Она уже знала, кого здесь встретит, — хотя поверила далеко не сразу. Поэтому, увидев высокого мужчину с окладистой седой бородой, в подряснике и почему-то рабочем фартуке, произнесла тепло, но без удивления:

— Здравствуй, Игоречек.

Тот обернулся. Морщинистое лицо, будто мощной внутренней лампочкой, осветилось мальчишеской улыбкой, и он отозвался так же, с радостью, но не удивившись:

— И тебе привет, сестренка. Сколько же мы не виделись, а?

Некоторое время спустя. Дом отца Георгия, открытая веранда, выходящая в яблоневый сад, накрытый стол, куда из горницы переместили самовар, сам хозяин — как-то по-особому уютный, раскрасневшийся, с сушкой в одной руке и чашкой ароматнейшего чая в другой.

— Стало быть, у меня есть племянник, — проговорил он, будто пробуя новость на вкус. — И даже внучатая племянница... Воистину Господь милостив: еще вчера я считал себя совершенно одиноким. Чем он болен? Церебральный паралич? Когда ты сможешь его привезти?

— Думаю, в следующем месяце, — сказала Эльза. — Сначала Катя... Катя в страшной беде.

— И ее мы не оставим, — пообещал Игорь. — Пожалуй, ты права: вся эта история началась здесь, когда граф Яков Брюс отыскал Пелагеин камень — надо полагать, где-то в окрестностях монастыря. Я ведь рассказывал тебе, что он уничтожил все записи своих изысканий?

Эльза кивнула.

— Папа сделал то же самое, верно? За что и попал под статью о саботаже...

— Побочный эффект, — задумчиво сказал Игорь. — Папа был членом партии, но и глубоко верующим человеком, он ни за что не стал бы действовать во вред... Да, но монахини относятся к минералу совершенно спокойно — вряд ли по незнанию, скорее, научились справляться с этим самым эффектом... — он покачал головой. — Совершенно удивительные женщины. Я ведь тогда, в пятьдесят первом, вовсе не собирался бежать: чего мне было делать в тайге? Видно, сработал какой-то стадный инстинкт... От прочих беглецов отстал, впереди топь, позади собаки, выстрелы... Вдруг слышу — кто-то зовет из чащи: сестры из того самого скита. И ведь не побоялись укрыть у себя беглого ээка... Много позже я узнал, что они занимаются врачеванием и используют тот самый минерал. Я попросил разрешения поселиться неподалеку от них — мне указали на это место, здесь и вправду стоял древний скит. Я разобрал его и построил новый дом. Сначала совсем маленький, только стол помещался да печка. А теперь — видишь, какие хоромы. В горнице принимаю пациентов, в задней комнате устроил лабораторию...

— Скажи, — медленно произнесла Эльза, — а был у тебя кто-то, кого интересовал Пелагеин камень? Я имею в виду не исцеление — таких наверняка была не одна тысяча, а именно камень, минерал?

— Был, — без удивления кивнул отец Георгий. — Точнее, *была* — лет восемь или десять назад. Женщина, худая, практически изможденная — позже

я узнал, что у нее была онкология в последней стадии. Ей вполне можно было помочь, Пелагеин камень способен и не на такие чудеса, но...

— Но ты не помог?

— Видишь ли, — медленно проговорил он, — ее, кажется, не особенно заботило собственное исцеление. Такое бывает, когда человек переходит некую грань — одни встречаются за ней Бога и свет, другие — только пустоту. В ее глазах не было ничего, кроме смерти.

— Она назвала себя?

Игорь нахмурил брови, вспоминая.

— Назвала, но как-то непонятно: Ая. Я удивился, а она сказала, что так ее называла мама. О полном имени я не стал допытываться.

— А нугу она, случайно, не подволакивала? — спросила Эльза.

Вечер, дом Андрея и Светланы.

— Значит, тот знаменитый целитель оказался вашим братом? — Андрей, сидя за столом, ловко откупорил бутылочку с пивом (единственную: больше нельзя, завтра с утра на работу, опрыскивать поля от вредителей). — И вы об этом ничего не знали?

— Я много лет считала его погибшим, — сказала Эльза. — А он — меня.

— Прямо индийское кино. Вашему сыну здорово повезло: отец Георгий уж точно поставит его на ноги, родная кровь как-никак. Кстати, когда вы привезете его сюда — снова милости просим к нам. Для вас одной место нашлось, найдется и для двоих. Тем более наши сорванцы от вас без ума.

«Еще бы не без ума», — подумала Эльза, накануне преподнесшая Изместьевым-младшим ясак в виде купленного в универмаге гоночного болида на батарейках. Болид выглядел роскошно: он мигал фарами, носился по полу, рычал мотором совсем как его «взрослый» собрат, но съел у Эльзы половину бюджета поездки.

— У меня есть просьба, — сказала она. — Возможно, не совсем обычная. Вы упомянули, что завтра опрыскиваете монастырские поля...

— Два поля, — уточнил Андрей. — Они вплотную примыкают к фермерским в пятнадцати километрах отсюда. А в чем просьба?

— Не могли бы вы взять меня с собой?

— В вертолет? — Андрей удивился и развеселился. — И правда необычно. Хотите посмотреть на землю с высоты птичьего полета?

Эльза смутилась.

— Я понимаю, что это непросто: начальство, инструкции...

— Ну, это как раз не проблема: с некоторых пор я сам себе начальство... Что ж, мне по штату положен помощник — дергать за рычаг, а то я все сам да сам. Если согласны...

— За какой рычаг?

— Который опрыскиватель включает, — пояснил Андрей. — Вообще-то это не рычаг, а тумблер.

Тем же вечером. Кабинет следователя Колчина.

За зарешеченным окном темень и дождь, однако в кабинете довольно уютно: закипает электрический чайник, уже знакомый седой оперативник Елизаров разливает по чашкам заварку и достает из шкафчика пузатую бутылку с домашней наливкой, сам хозяин кабинета, прижав к уху телефонную трубку, сосредоточенно слушает собеседника и изредка кивает, будто его могут видеть на том конце.

— Высокое начальство? — с почтением поинтересовался Елизаров, как только Колчин вернул трубку на рычаг.

— Выше не бывает, — хмыкнул тот. — Наша с тобой мисс Марпл — она сейчас в Белой Гриве, это маленький поселок в устье Северной Двины.

— И что она там делает?

— Путешествует по местам боевой молодости. Живет у знакомых на полном пансионе, побывала на экскурсии в женском монастыре, познакомилась с местной знаменитостью — народным целителем, завтра один летчик обещал покатать ее на вертолете.

— В общем, развлекается как может, — проворчал Елизаров.

— Она поинтересовалась, — задумчиво перебил Колчин, — осматривали ли мы трейлер четы Каюровых — тот, что на аэродроме. Я ответил, что осматривали, но поверхностно — даже не столько сам трейлер, сколько замок на входной двери, на предмет чужеродного металла. Она попросила разобрать трейлер по винтикам. Обещала, если мы не найдем ничего интересного, каждый день бесплатно мыть полы у меня в кабинете, чтобы я мог сэкономить на уборщице.

Елизаров медленно подошел к сейфу, отомкнул дверцу и выудил небольшой прозрачный пакет для хранения вещдоков. Внутри лежало старинное украшение на цепочке: медальон в форме стилизованной чаши с надписью на латыни.

— Она что, ясновидящая?

— Нет, — ответил Колчин. — Она умная.

— Это я уже понял.

— Я не о том. В диверсионной школе, где она проходила подготовку, курсантки знали друг друга только по кличкам, имена были запрещены. У нашей бабушки Эльзы была кличка Умная.

Следующее утро, аэродром Управления сельхозавиации, борт легкого вертолета «Ансат».

Эльза никогда раньше не летала на вертолете.

Самолетов — особенно в войну — она наелась до тошноты, в основном это были двухместные «утки» (пилотировали их «ночные ведьмочки» — как сказали

бы в современной молодежной среде, отморозки почище Эльзиных соратниц по «даче») либо транспортные Ли-2 с железными скамьями вдоль бортов — в мороз к ним вполне можно было прилипнуть задницей — и железными поручнями, за которые хватались, когда самолет закладывал вираж, пытаясь уйти от «мессера». Небо к сорок четвертому году постепенно становилось нашим, но, случись «мессеру» поймать несчастный транспортник в прицел, все заканчивалось быстро и бесповоротно: Ли были напрочь лишены защиты (лишь на некоторые умельцы ставили нечто вроде стрелковой башенки), и Эльза прыгала с них, падала в них, горела в них, а однажды даже сажала, отодвинув с сиденья изрешеченного пулями летчика. Интересно, сильно ли отличается полет на вертолете от самолетного? Надо было спросить у внучки.

Кабина изнутри была маленькой, точно салон малолитражки, но казалась просторной за счет прозрачных плексиглазовых стенок, потолка и даже частично пола. Андрей нахлобучил на голову спутницы мотоциклетный шлем, коротко переговорил с диспетчером, получив данные о погоде и разрешение на взлет, и поднял вверх большой палец.

— Ну что, полетели?

— Ага, — с детским нетерпением отозвалась Эльза. — А мы можем пролететь над монастырем?

— Вот куда вам хочется, — усмехнулся Андрей. — Крюк, конечно... Ну да ладно. Желание гостыи — закон.

Они совершили «круг почета» над аэродромом и, накренившись, ушли влево, вдоль блестящей на солнце Двины с ее островками и многочисленными притоками. Внизу расстилалась северная тайга — отнюдь не такая густая и бескрайняя, как ее описывают: не густой лес, а редколесье, где в прогалах меж деревьев угадывались зеленые лужки, лысые сопки и черные болотные кляксы в обрамлении сухого камыша.

— Вон он, монастырь, — прокричал Андрей сквозь шум винтов. И ткнул пальцем себе под ноги — совсем как святой Пантелеймон на исчезнувшей иконе.

И опусти взор, воспарив...

Эльза опустила взор. Под прозрачным полом плавно проплывали уже знакомые стены, монашеские кельи и дворовые постройки. Сновали по двору крошечные фигурки в монашеских клобуках — сестры спешили по своим делам, и лишь главный собор выглядел отнюдь не игрушечным: от него так и веяло какой-то собранной силой, воспетой в североморских сагах. Сбоку и позади, словно девушка за плечом брата, горела позолоченной маковкой тонкая белая часовенка. В «дачные» времена на ее месте была другая: пониже и сложенная из бревен. А эту, значит, возвели позже. Эльза мимолетно пожалела, что не захватила карандаш и бумагу, потом перестала жалеть: что толку зарисовывать с натуры то, что могла бы нарисовать и день, и два назад. Она просто исполнила наказ медальона, который отец повесил ей на шею пе-

ред арестом. Лишь один пункт — самый первый, пока остался за кадром. Ну, да это дело времени.

— Насмотрелись? — спросил Андрей.

Она кивнула.

— Да, спасибо. Полетели вредителей опрыскивать.

Каторжный острог. Год 1726-й, начало весны.

Почти полная темнота, в которой еле угадывается некое шевеление: это снуют в вольере подопытные крысы. Одна из них — серая, с почти осмысленными глазами, специально отделенная от прочих, прогрызает сетку и оказывается в большом вольере вместе с остальными особями. Те в ужасе пятаются от нее, пытаются спрятаться друг за дружку, но большая серая неумолимо приближается.

Иоганн в соседней с лабораторией опочивальне открывает глаза. И осеняет себя крестным знаменем, отгоняя ночных призраков. Однако тревога не отступает: в темноте чудятся шорохи, едва уловимый скрежет металла о металл, неясное бормотание — точно сон продолжается, только любимые норвегикус с альбиносами в нем выросли до размеров человека. Еще некоторое время он прислушивается, натянув одеяло на подбородок: не почудилось ли. Потом опускает босые пятки на пол, затепливает свечу и накидывает длинный халат. Нашаривает в ящике длинный ключ с вычурной бородкой — это ключ от лаборатории. Опускает его в карман и осторожно выглядывает в коридор. Где-то за его изгибом виден отсвет факела — Иоганн движется на него, как корабль на маяк. Вот она, низкая (как и все остальные) дверь, обитая мощными железными скобами, — все в этой крепости сделано на века. Или чтобы устоять перед возможным супостатом. Вот только ключ оказывается лишним: дверь приоткрыта, из-под нее в коридор тихонько, по-воровски, просачивается тусклая полоска света. Иоганн толкает дверь, входит: на столе теплится масляный светильник. Перед нишей, в которой скрыт несгораемый ящик с рабочими тетрадами, дневниками экспериментов и запасами минерала, — в три погибели склоненная фигура в черном одеянии с накинутым капюшоном.

— Что вы здесь делаете? — спросил Иоганн.

Человек не ответил — лишь медленно выпрямился, не оборачиваясь и не снимая капюшона. Будто готовясь к схватке — но ведь Иоганн и не думал нападать.

— Вы хотели украсть записи? Но зачем? Вы все равно не разберетесь в них. А запасы минерала представляют собой лишь сырье для изготовления тинктуры, это довольно сложный процесс...

Никита медленно обернулся. Глаза его блеснули из-под капюшона, рот болезненно искривился, правая рука медленно вползла под плащ, да там и осталась.

— А с чего вы взяли, что меня интересуют какие-то тинктуры? Что я в самом деле возжелал возиться с чьими-то гнилыми язвами, гангренозными конечностями, распухшими языками, слушать через трубку зловонные хрипы? — Никита обнял ящик руками. — Здесь деньги. Огромные деньги — вы, коли хватило бы ума ими воспользоваться, никогда больше не переписывали бы чужие тупоголовые статьи, не резали несчастных лягушек, не вдыхали ядовитые пары над ретортами... А ведь все это можно устроить — нужно только правильно найти покупателя... Ну да за этим дело не станет, уверяю вас. Шведы, немцы, французы — все будут глотки друг другу рвать, коли узнают, что здесь записи самого Якова Брюса, знаменитого на весь мир чернокнижника, колдуна, врачевателя, алхимика... Я уеду в Европу, стану жить как захочу. Лучшие отели, лучшие женщины, лучшие экипажи, лучшие рестораны — как же я мечтал об этом, сидя в этом чертовом медвежьем углу, куда засадил меня драгоценный папаша, в этой вечно сырой тайге, господи, как же я ненавижу ее...

— А как же их сиятельство? — одними губами спросил Иоганн. — Вы предлагаете мне предать его?

— А их сиятельство, — передразнил собеседника Никита, — не сегодня-завтра вздернут на городской площади, и толпа будет рукоплескать... — он помолчал, переводя дух. — Я собирался убить вас, как только вы вошли. Но вы ухаживали за мной, пока я валялся без сознания в лазарете. Поэтому даю выбор: кони у коновязи, провизия, деньги на время пути — я обо всем позаботился. Кроме того, я знаю, как незаметно выехать из крепости — если не мешкать, завтра к вечеру мы будем в Архангельске, сядем на корабль...

— Там ничего нет, — спокойно проговорил граф, бесшумно появившись в дверях. — Я уничтожил все записи. Хотите убедиться? — он бросил Никите массивный ключ на позолоченном кольце.

Никита заполошно подхватил ключ. Вставил его в замочную скважину, повернул, откинул крышку..

— Старый дурак, — прошептал он. — Что же вы наделали... Здесь было золото, много золота, здесь была моя мечта, моя судьба... Я не верю вам! — вдруг выкрикнул он. — Вы перепрятали бумаги! И вы отведете меня к ним, сейчас же!!!

— Все, что я могу для вас сделать, — проговорил граф, — это беспрепятственно выпустить вас из лаборатории. Вы вернетесь к себе и забудете обо всем, что сейчас произошло. Со своей стороны я обещаю сделать то же самое.

— Забыть?! — расхохотался Никита. Неожиданно подскочил к Иоганну, одним движением развернул его спиной к себе и приставил нож к кадыку.

— Ситуация изменилась, да, ваше сиятельство? Если вам дорог ваш ученик, ведите меня к тайнику.

— Удивительно, — медленно сказал граф. — Сестры в обители предупреждали меня о чем-то подобном, но я не думал, что увижу это собственными глазами.

— О чем вы?

— Пелагеин камень способен не только направить скрытые силы организма на выздоровление. Он многократно усиливает и те душевные качества, что несет в себе человек. Коли в нем есть чернота, злоба, ненависть, корыстолюбие — минерал может превратить его в зверя. Если человек чист душою — камень защитит его от любой напасти. Так, наверно, произошло с Ивашкой Глуздыревым — мертвая шаманка не смогла причинить ему вреда, хотя убила двух взрослых мужчин...

— Хватит болтать, — процедил Никита. — Ведите меня к бумагам. И не вздумайте сделать какую-нибудь глупость, больше я вам не поверю.

— Никитушка, остановись, — капитан Измestьев вошел в комнату, сделал шаг к отпрыску, но тот предостерегающе нажал на лезвие, приставленное к горлу жертвы. Иоганн судорожно всхлипнул, на кадыке появилась глубокая царапина.

— И ты тут, батюшка, — удовлетворенно произнес Никита. — Очень кстати. Оружие, надеюсь, захватил?

Лицо его вдруг будто поплыло: щеки покрылись незнамо откуда взявшейся щетиной, нездоровые круги появились под глазами, мокнущая зловонная язва выползла из-под воротника...

— Как тогда, у обрыва, правда, ваше благородие?

Капитан вздрогнул. Голос — хриплый, больше похожий даже не на голос, а на собачий лай, принадлежал явно не Никите.

— Тогда-то стрелять не осмелились, предпочли меня в тайгу отпустить — огненный шар помешал. А теперь что? — и ощерился, обнажив гнилые, порченые цингой зубы. — Решитесь али нет? Ну? Выбирайте, ваше благородие, не стрельните — глотку парню перережу от уха до уха, Федьке Рваному терять нечего...

Капитан стоял не шевелясь, лицо его словно окаменело — даже по цвету оно мало чем отличалось от валунов на обрыве, возле злополучной сопки, где когда-то, три века назад, нашла последнее пристанище молодая шаманка.

— Батюшка, — вдруг прошептал Никита. — Батюшка, спаси... Он во мне, я чувствую... Не дай ему вырваться...

Никто не заметил, как в руке у Измestьева-старшего оказался пистолет. Когда тот успел взвести курок и нажать на спуск? Только Никита вдруг пошатнулся. Постоял мгновение, будто не веря в собственную смерть, и рухнул на пол. Чужая личина принялась расползаться, словно на нее капнули кислотой, возвращая поручику пухлые юношеские щеки, которых еще не касалась бритва, тонкий пушок над верхней губой, широко открытые удивленные глаза, между которыми — точно посередине — легла пуля.

Семен Новгородцев, прибежавший на звук выстрела, застал капитана сидящим на коленях возле тела сына.

— Ваше благородие... Ваше сиятельство... — с трудом протолкнул он слова через гортань. — Что же это, а? Что случилось?

— В лабораторию проник злоумышленник, — ровным голосом отозвался граф. — Поручик вступил с ним в схватку, однако злодею удалось скрыться. Мы подоспели, когда все было кончено.

— Как же так, — растерянно повторил Семен. — Ваше благородие, Алексей Иллатьевич... Прикажите организовать поиски! Мелкой гребенкой все прочешем, все ворота, все тропы перекроем — не мог супостат далеко уйти, здесь где-то ховается, поблизости...

— Конечно, организуйте, — отозвался Брюс за капитана. — Вы, урядник, справитесь с этим как никто другой. Возможно, убийца действительно не успел выбраться за ворота, тогда отыскать его будет проще... Вот только на следы не очень рассчитывайте: дождь все размыл, — он помолчал. — Поручика похоронить со всеми воинским почестями: он умер как герой, — и тихо добавил, положив ладонь на плечо Новгородцева: — Присмотрите за капитаном. Он человек сильный, однако...

— Не извольте беспокоиться, ваше сиятельство, — так же в четверть голоса отозвался Семен. — Присмотрим.

Смена кадра.

Дождь прекратился — кажется, впервые за несколько недель. Бледно-желтое солнце робко выглядывает в прорехи меж облаков, низко повисших над маковками храма Георгия Победоносца, почерневшими от времени караульными башнями, скромной часовенкой святого Пантелеймона (граф загодя распорядился вернуть икону на свое законное место). От солнца здесь успели отвыкнуть, поэтому даже тусклый его блеск придает церемонии прощания небывалую торжественность, отражаясь на начищенных пуговицах почетного караула, взятых наизготовку ружьях, надраенных до блеска сапогах, сверкающей парадной шпаге в руке капитана Измествьева, взятой «под высь»... Резко звучит барабанная дробь, знамя склоняется над разрытой могилой, и трюкратный залп срывает с окрестных деревьев стаю ворон...

До дорожной кареты на таежном тракте эти звуки не долетают: граф Брюс и его помощник успели отдалиться от острога на довольно значительное расстояние. Оба молчат: их сиятельство, кажется, дремлют, откинувшись на атласных подушках, Иоганн сосредоточенно смотрит в окно, хотя смотреть особенно не на что: набившие оскомину кривоватые сосны и ели, подступающие к дороге, плешивые сопки, похожие на головы отживших свой век великанов, редкие заболоченные участки с черной водой — можно подумать, что экипаж движется по кругу, и эти сопки, эти болотца, эти низкорослые северные деревца никогда не сменятся ни на что иное...

— Я знаю, о чем вы хотите меня спросить, — проговорил Яков Брюс, не открывая глаз. — Правду ли я сказал Никите Измestьеву, что уничтожил все записи экспериментов.

Иоганн живо отвернулся от окна.

— Так вот, записи целы. Просто я посчитал, что самым надежным местом для них будет обитель Святой Пелагеи. В столицу их везти опасно — моя судьба нынче может сложиться по-всякому... Однако вы — вы везете с собой нечто иное, гораздо более ценное, — граф сделал паузу. — До сих пор люди находили Пелагеин камень буквально по крупицам, я же с помощью монахинь обнаружил в окрестностях монастыря несколько по-настоящему богатых месторождений. Только я не хочу, чтобы ими воспользовались наши современники — вспомните, что произошло с Никитой. Пусть лучше они достанутся нашим потомкам. Вы спрашивали, зачем я вызывал краснодеревщика? Он сделал тайник в иконе святого Пантелеймона. Ключ к тайнику висит у вас на шее.

Иоганн непроизвольно коснулся груди.

— Медальон?

Граф кивнул.

— В нижнем торце иконы есть прорезь. Если ввести туда медальон, откроется карта, где специальными знаками обозначены выходы Пелагеиногo камня на поверхность, — он слегка улыбнулся. — Видите, как я обезопасил свою главную находку: два предмета разъедутся по разным частям света. Медальон будет храниться в вашей семье, икона уже вернулась на свое законное место, в часовню Архангельского острога.

Во взгляде Иоганна Дормана появилось недоверие.

— А вы уверены, что выбранные вами места вполне надежны? Сколько раз в смутные времена солдаты громили монастыри (все равно, мужские ли, женские), горели крепости... В конце концов, корабль, который повезет меня в Амстердам, может попасть в шторм... А что, если кто-то недобрый узнает о секрете иконы и просто разломает ее без всякого ключа?

Граф вновь откинулся на подушках.

— Человека, который в жажде разбогатеть сломает икону, ждет большое разочарование. Карта перед ним откроется, но будет полностью бесполезна: никаких потайных знаков он не увидит. Что же касается остального... Я уже говорил вам: молва приписывает мне самые невероятные вещи, вплоть до черной магии и ясновидения. Однако будущее — к сожалению ли, к счастью — от меня скрыто, как и от прочих. В одном я уверен наверняка: вы сядете на корабль и благополучно доберетесь до вашей родины. Закончите университет, станете крупным ученым, женитесь на любимой девушке... У вас родится множество детей, у которых в свою очередь будут свои дети, и когда-нибудь, через много лет или веков, кто-то из них окажется в России. И два предмета — медальон и икона — соединятся вместе. Пелагеин камень еще послужит людям, помяните мое слово, Иоганн...

Настоящее время, кабинет следователя.

В кабинете четверо: сам хозяин за хозяйским столом, оперативник Елизаров у дверей, точно страж пантеона, Эльза и прижавшаяся к ней Катя — в стареньком заштопанном свитере, бледная после нескольких суток, проведенных в следственном изоляторе. Язык не повернется назвать подобное место курортом.

Постепенно комната начинает заполняться народом. Входит Ольга Ивина, бросает взгляд на золотые часики и недовольно кривит губы: «Вы опять отрываете меня от работы? Я уже говорила, что не имею к этому делу ни малейшего отношения». — «К сожалению, имеете. Присаживайтесь, надолго мы вас не задержим... надеюсь». Вбегает Джонни — растрепанный сильнее обычного, уловив момент, когда следователь отвернется, подходит к Кате и шепчет: «Ты как? Все будет хорошо, милая, не переживай. Мы тебя вытащим...» Появляется хронически испуганная Светочка Аникеева, смотрит на Катю (тоже исподтишка), но не в лицо, а на запястья, проверяя, нет ли на них наручников. Шагает через порог угрюмый Лаперуз, слегка кивает сестре и, не глядя на остальных, усаживается в угол дивана. Последней заходит Ирина Сырникова — как всегда, иронично-независимая, не хватает разве что обычной травинки в зубах и камуфляжных бриджей, из-за осознания важности момента замененных на вполне приличные джинсы. Подмигивает Кате и сжимает кулак над плечом: но пасаран, подруга, в случае чего берем следака в заложники, требуем вертолет и рвем в сельву, к нашим. С Дона выдачи нет!

Колчин не торопясь вышел из-за стола — ни дать ни взять школьный учитель, у которого затекли ноги.

— Прямо как в английском детективе, правда? Сыщик собирает всех подозреваемых в каминном зале и разоблачает преступника...

Сергея Лаперуз, вольготно закинув одну длинную ногу на другую, лениво усмехнулся:

— Я так понимаю, мы тоже от традиции отступить не будем? Выкладывайте, что там у вас в рукаве.

— Да, по большому счету, две новости. Первая, надеюсь, хорошая. С вашей подруги Екатерины Дорман сняты все обвинения. Катя, вы свободны.

Комната пришла в движение. Все снова устремились к Кате — теперь уже в открытую и без опаски. Ирина Сырникова опять вскинула руку, на этот раз с двумя растопыренными пальцами, средним и указательным. Эмоциональная Светочка всплакнула на груди у подруги: «А я ведь и вправду думала, что это ты Аглаю того... Ну, за то, что она тебя из трейлера вытолкала...» И только Лаперуз, не поддержав общего ликования, поинтересовался:

— А вторая новость, которая плохая? Убийца — один из нас, и все мы по-прежнему под подозрением, то бишь под подпиской о невыезде? Между прочим, у меня через пару недель европейские соревнования, а это и престиж страны, и возможные иностранные инвестиции...

— Ух ты, — восхитилась Ирина. — Сержик, дорогой...

— Что? Стал многоклеточным?

— Да нет, клеток в тебе не прибавилось — самомнение вот стало зашкаливать... А серьезно, — обратилась она к следователю, — у вас есть какие-то наработки, версии? Или опять все с нуля?

Колчин переглянулся с Эльзой.

— Давайте я расскажу одну историю, а вы уже решите...

Она началась зимой 1943 года, когда у курсантки Веры Задорожной по кличке Ластик при десантировании на ночной лес не сработал парашют. Ей невероятно, сказочно повезло — она выжила. Упала сначала на высокое дерево, потом в сугроб... Ее подобрала монахиня из скита неподалеку. Отнесли к себе, выхаживали почти год, поставили на ноги и даже помогли родить, поскольку Верочка в момент падения была на четвертом месяце...

— Да ладно, — не поверила Ирина. — Там же кости таза наверняка были всмятку...

— Тем не менее существует живой свидетель.

— Я видела Верочкину дочку, — негромко сказала Эльза. — В пятьдесят первом, в избушке на болотах — Вера жила там, когда ушла от сестер. Вот только мой визит оказался для нее роковым: беглые зэчки из моего эшелона взяли ее и девочку в заложники.

— И... что? — с ужасом и любопытством спросила Светик.

— Избушку окружило спецподразделение, «охотники за головами». Изготовились к штурму, я как-то выпросила отсрочку... И ведь мне почти удалось закончить дело миром — нервы у кого-то не выдержали. Началась стрельба, все, кто был в доме, погибли... Кроме девочки: видно, спряталась где-то. Не представляю, как ей удалось выжить потом в тайге, одной... — Эльза помолчала. — Я спросила, как ее зовут. Девочка ответила: «Ая». А Верочка упомянула: «Говорит плохо. И ножку подволакивает». То есть ее имя оказалось для нее слишком сложным, и девочка его сократила.

— А какое же имя у нее было на самом деле?

— Аглая.

Все в комнате переглянулись.

— Аглая?

Эльза кивнула.

— Имя, в общем-то, обычное, хотя и встречается реже, чем Света или Ирина. Беда в том, что в результате сильнейших стрессов — сначала при рождении, затем из-за гибели матери... да были наверняка и другие — у девочки развилось опасное душевное расстройство: неконтролируемая жажда убийства. Ей стала ненавистна сама мысль о том, что кто-то может жить, творить добро — словом, радоваться. Отец Георгий — мой брат Игорь — это заметил и постарался меня предостеречь. Он ведь понял, что ненависть Аглаи была сосре-

доточена на мне: это из моего эшелона сбежали преступницы, захватившие их с матерью в заложники, по моему следу к ним в дом пришли «волокавы» капитана Фирсова... Так что, возможно, она была не так уж не права.

Катя крепко прижала бабушку к себе.

— Ба, перестань. Ты не виновата: сама же сказала, она была сумасшедшая.

Эльза с сомнением пожала плечами.

— Не знаю... Самое плохое — что эта болезнь, только в более тяжелой и изощренной форме, перешла по наследству к ее собственной дочери.

Тоже Аглае.

На этот раз никто не переглядывался. Все сидели неподвижно и молча, только Светочка Аникеева неуверенно спросила:

— Аглае? Вы... Аглаю Федоровну имеете в виду, да? Которая нашу четверку тренировала? А... ошибки быть не может?

— К сожалению, никакой ошибки, — сказал Колчин. — Три года назад, в мае, Аглая Федоровна Каюрова убила свою воспитанницу Наилю Морозову в знакомом вам лесочке — тогда болезнь впервые дала о себе знать в полную силу.

— Разбившийся Парашютист, — негромко усмехнулась Ирина Сырникова. — Вот, оказывается, кого я выслеживала возле пруда...

— Да о чем ты?! — взвизгнула эмоциональная Светочка Аникеева, вскакивая на ноги и обводя всех невидящими глазами. — Вы понимаете, что она убила бы нас всех?! Сначала Наилю, потом Альку, потом наверняка Катю с Иркой, а потом и до меня бы добралась очередь...

— Значит, себя ты оставила на закуску, как самую аппетитную? — цинично поинтересовался Лаперуз. — Между прочим, Альку она никак не могла зарезать, если только и вправду из могилы не вылезла.

— Никто из могилы не выбирался, — покачал головой следователь. — Что же касается следующей жертвы... Я почти уверен, что это была бы ты, Катя (простите, Эльза Германовна).

Вся ее ненависть была сосредоточена на вас, на вашей семье. Наверняка мать показывала ей вас по очереди, издалека: это они, ОНИ виновны в моей беде, в том, что твоя бабушка, Вера Задорожная, сначала упала на лес с высоты... На какой высоте вы шли в ту ночь, Эльза Германовна?

— Полторы тысячи, — механически ответила Эльза. — У Ластика не было шансов.

— Видимо, Аглае Каюровой хотелось доставить вам ту же боль, что когда-то испытала ее мать, поэтому Катю и ждал стропорез возле пруда.

Однако тут рядом с Аглаей появляется некто и подбрасывает ей в голову другую идею. Было бы гораздо лучше, говорит он, если Катя Дорман погибнет не в лесу, где этого все равно никто не увидит, — нет, она должна умереть в

большой праздник, при свете камер, на глазах у тысяч зрителей на трибунах... И естественно, на глазах своей бабки — это-то и будет настоящим Триумфом, Пиршеством Мести...

И Агляя перетягивает шпильку Катиного вытяжного устройства — как раз накануне презентации. Как в сорок третьем немецкий шпион, внедренный на «Дачу-6», перетянул шпильку парашюта Верочки-Ластика.

— Перетягивает, да только сама и надевает, — задумчиво произнесла Ирина. — Почему — понятно: Алька меняет ранцы местами... Почему та это делает — тоже ясно: только у нее был настоящий мотив — отомстить за сестру... Но откуда она узнала?..

— От того же самого «некто» — назовем его сообщником Аглаи.

— Ловко, — оценил Лаперуз. — Провернуть такое убийство — и чужими руками, можно поаплодировать.

— Ну, саму Алю Морозову ему все равно пришлось убивать собственно-ручно, — охладил его пыл Колчин. — И не восторгаться ловкостью тут нужно, а, скорее, ужасаться подлости и наглости...

— А я что, — неожиданно смутился Лаперуз. — Я так, к слову... Только все равно я в главное не въеду: *для чего это все?* Неужто нельзя было придумать способ и полегче, и понадежнее? Нет, как хотите, но тут должно быть что-то...

— Здесь придется вспомнить еще одну историю, — проговорил Колчин, — гораздо более раннюю...

Три с лишним века назад двое ученых — граф Яков Вилимович Брюс и его коллега из Амстердама Иоганн Дорман — пребывали в экспедиции в районе Северной Двины. Они искали тот самый Пелагеин камень, минерал с лечебными свойствами. Несколько его месторождений они обнаружили в окрестностях монастыря Святой Пелагеи — тамошние монахини задолго до этого использовали его для врачевания безнадежно больных... Помещение для опытов ученым предоставил некий капитан Алексей Измestьев, начальник каторжного острога...

— *Измestьев?* — медленно переспросила Ольга Ивина, кажется, впервые обнаружив интерес к разговору. — Однофамилец или...

— Да нет, вполне вероятно, ваш знакомый Владислав Измestьев, разбившийся во время парашютного прыжка, был его прямой потомок — по крайней мере, некоторые факты указывают на это...

Сейчас уже не установить, как далеко продвинулись граф и его помощник, — известно лишь, что оба вдруг прекратили эксперименты, уничтожили все записи и спешно отбыли из острога.

— Что же эти «яйцеголовые» такого страшного раскопали? Зомби, что ли, случайно научились делать? — пробормотала Ирина Сырникова, сама того не ведая, в который раз интуитивно оказавшись не так далеко от истины.

— Побочный эффект, — тихо произнесла Эльза. — От папы требовали, чтобы он ускорил работу над препаратом, а с побочным действием, дескать,

разберемся по ходу. Папа отказался — и пошел на расстрел. А Игорь получил десять лет лагерей...

— И все же Брюс надеялся на будущее: ведь сестры из монастыря использовали минерал очень успешно и без всякий опасений — но на то они и были служительницами Господа, обычным людям этого было не дано... *Пока не дано*. Поэтому граф все же сделал запас, но зашифровал координаты тайника (либо самого месторождения) в двух предметах: иконе Святого Пантелеймона и медальоне в форме чаши с надписью на латыни. Именно к этим предметам и расчищал путь преступник — или, скорее, *верил*, что расчищает. Медальон, три столетия хранившийся в семье Дорман, исчез во время войны. Икона передавалась из поколения в поколение в семье Измestьевых. Она была украдена из маленького краеведческого музея в Белой Гриве — ее еще предстоит найти и вернуть. Что же касается медальона... — Колчин отомкнул сейф, и о поверхность стола тихо звякнула пластина на тонкой цепочке. — Как вы сказали: *«Разберите трейлер Каюровых по винтикам, и если не найдете ничего интересного — я пойду к вам в бесплатные уборщицы...»* — он вздохнул с непритворным сожалением. — Плакала моя экономия... Владейте. Эта вещь ваша по праву.

Эльза медленно подошла к столу. Протянула руку ладонью вниз — и ясно ощутила, как за окнами посреди мая внезапно пошел снег. Запахло хвоей — густой, морозной, таежной, сквозь натужное шипение патефонной иглы прорвались звуки «На сопках Маньчжурии», и кто-то тихо и невыразимо нежно сказал: «С Новым годом, подруга...»

«С Новым годом, Ластик, — произнесла она одними губами. — С Новым годом, где бы ты ни была...»

— Я что-то не догоняю, — озабоченно сказала Светочка. — А кто был Аглаиным сообщником? Кто все это дело провернул?

— Тебе же сказано, — ласково произнесла Ира Сырникова. — Следствие еще не закончено. Так что иди домой, покушай жареной картошки и уймись.

— Не закончено? — Светочкины губки очаровательно округлились. — Сержик, милый, а как же ты в свою Европу поедешь?

По ввевшейся под кожу привычке Джонни втиснул мотороллер меж двух легковушек на стоянке перед зданием управления. Почему его обязательно нужно загонять мордой в узкое пространство, он объяснял просто: «Захочешь угнать — сразу не выведешь. А пока будешь возиться, я подспею. Я, между прочим, целых полгода в школе тазквондо занимался». Как говорится, и не возразишь.

— Кать, тебя подвезти? — спросил он. — Или ты с бабушкой?..

— Подвезти, — спокойно и без сомнений отозвалась Катя. — Ба, я скоро буду, ладно?

Ирина Сырникова неслышно подошла к подруге, посмотрела вслед счастливому «рыцарю», умчавшемуся на стоянку раскошегаривать своего «пони», и задумчиво произнесла:

— А я его больше всех подозревала.

— Джонни? — удивилась Катя. — Почему?

— А я, когда услышала, что кто-то науськал Альку Морозову подсунуть Аглае твой ранец, подумала: либо Джонни, либо Лаперуз — в кого-то из них Алька могла быть влюблена, поэтому и согласилась. А оказалось, у нее был другой мотив, куда круче... Вот и выходит, что это мог быть кто угодно, не обязательно парень. Я, к примеру, или Светуся. Или ты — хотя нет, следовательно объяснил, что ты вроде как вне подозрений, — она вздохнула. — А жаль. Вот бы ты оказалась главной убийцей — это уж точно поавантажнее, чем в английском детективе...

Оперативная видеосъемка.

Поздний вечер, а может, ночь. Пустынный дворик, заросший пушистыми тополями и уставленный множеством «ракушек» (извечной причиной столкновений местных бабулек, автовладельцев из смежных подъездов и представителей администрации вплоть до аппарата Президента). В полной тишине к подъезду приближаются две фигуры: следящая за ними камера работает в инфракрасном диапазоне, поэтому обе фигуры имеют загадочный зеленоватый ореол. Оглядываются по сторонам, открывают дверь (кодовый замок для них не проблема) и скрываются внутри. Неслышно возносятся по лестнице, останавливаются перед нужной квартирой, один поднимается на этаж и с площадки кивает второму: все чисто. Они вновь соединяются, первый стучит в дверь согнутым пальцем, пренебрегая электрическим звонком.

Дверь тут же открывают.

Двое проходят по коридору и попадают в некую старомодную гостиную. Света по-прежнему никто не зажигает, но за раздвинутыми занавесками проспект, расцвеченный фонарями, неоновыми рекламами и автомобильными фарами, так что вполне можно увидеть, что в комнате, кроме гостей, находятся еще трое: Эльза Дорман, ее сын Эдуард и внучка Катя. Первый из гостей, снимая кепку и опуская воротник пиджака, ворчливо интересуется:

— А с чего вы решили, что он непременно придет сегодня? Может, завтра или через два дня?

Эльза (задумчиво). Знаете, на «даче» нас учили вести себя в засаде. Осторожно раскапываешь сугроб, ложишься внутрь и лежишь неподвижно, пока он не смерзнется под разницей температур — снега и твоего тела.

Колчин. Гм... А живот-то никто из вас не отмороживал?

Эльза. Есть одна хитрость: нужно совершать очень аккуратные движения вверх-вниз и влево-вправо, но не чаще, чем одно в минуту. Тогда вокруг тебя образуется воздушный мешок, в котором тепло, как... как в эскимосском иглу.

Мне за пазуху однажды заползла мышь, а я их боюсь до ужаса... Потом чувствую: она тоже дрожит. Так мы друг друга и боялись почти двое суток.

Оперативник Елизаров (стоя сбоку в дверях). Хоть не зря мучились-то? Задание выполнили?

Эльза. Выполнили. Немцы готовили к отправке цистерны с ракетным топливом, они уже тогда о ракетах задумывались... Нынешняя молодежь этого не знает. И не умеет ждать. Нет, он придет сегодня.

Елизаров (с уважением). Ну, и как вы его вычислили, уважаемая мисс Марпл?

Эльза. Мне бы прислушаться к словам Николая Николаевича — тогда, может, и Алечка Морозова, и Виктор Палыч остались бы живы. А я, глупая...

Колчин. Это о том, что вся эта акция была направлена против вас?

Эльза. И это тоже... Но я имею в виду другое. Вы сказали, что преступник нарочно нагромождает горы лжи и бесовщины, лишь бы мы за деревьями не увидели леса. А если все же попробовать, как вы выразились, *расчистить поляну*, что бы осталось? Не так уж много. Похищенная у Жени Ильченко камера в квартире Каюрова. Состряпанное досье на меня и моих близких. Скверно «нарисованная» фигура Разбившегося Парашютиста в кадре. Разрытая могила Аглаи Каюровой. И, главное, *комья влажной земли в спальне Кати. Каким же образом преступник с такой легкостью проникает в чужие запертые помещения?* Вряд ли он профессиональный «домушник» — скорее, просто имеет хорошие навыки в слесарном деле: может подобрать заготовку, выточить ключ по образцу...

Однажды, когда Джонни заезжал за Катей, я обратила внимание на его мозоли — вообразила, что они от занятий таэквондо. Сглупила, конечно, он тут же объяснил: «Ну что вы, это от токарного станочка. Мотороллер-то старенький, с рук купленный, вот и приходится иногда подлечивать». Очень похожая мозоль — сбоку на указательном пальце — была у Сережи Лаперуза. Тот сказал Ирине: «Захожу иногда в мастерскую к Палычу, выточить какую-нибудь деталь к крепежу, ну или иное что...» Видите? Оба имели нужные навыки — *но оба и не пытались это скрыть!!!* А может, был еще кто-то — тот, кто пытался?

Елизаров. Стоп. Неужто Ирина?

Кадр наплывом. Двое перед университетским корпусом: циркуль, логарифмическая линейка и свиток с формулами (девять из десяти студентов, коли их спросить, предположат, что с помощью логарифмической линейки можно либо надевать обувь, либо ее использовать, когда вдруг зачесется меж лопаток).

Лаперуз (заглядывая под днище машины). Черт возьми, неужели коробка передач треснула? Мозоль, кстати, от слесарного станка. У Палыча своя мастерская, я туда иногда захожу деталь к крепежу выточить. Интересно, а у тебя то похожая откуда? В мастерской я тебя ни разу не видел...

Ирина. А я Джонни интимные услуги оказываю... ну, сам понимаешь. Мужики-то нынче хлипкие, вот и приходится того... раскошегаривать.

Эльза. Но дело даже не в мозолях. Самое важное — что и Сережа, и Женя, узнав, что Катя арестована, тут же прибежали к вам в кабинет. Сергей признался, что подбросил Катюшину заколку в лес, по соседству с местом убийства... Подбросил, как я поняла, не из ненависти и не из ревности: просто приближается поездка в Европу, нежелательно, чтобы следователь вдруг воспрепятствовал, пусть лучше сосредоточится на ком-нибудь еще. Но уж коли дело приняло столь серьезный оборот... Женя Ильченко, в свою очередь, заявил, что это он вставил в кадр фигуру Разбившего Парашютиста — чему, кстати, очень трудно поверить.

Елизаров. Зачем же тогда заявил? Сначала отнекивался, а потом... Хотя понятно: решил, что это Катина работа. Поздравляю, девушка, сразу двое молодых людей бросились вас спасать — между прочим, с немалым для себя риском.

Эльза (*грустно покачав головой*). Увы. Спасать бросился только один — и, скорее, не Катю, а собственную совесть. А второй...

Тихий шепот ключа в замке входной двери. Не щелчок, не скрежет, а именно нежный шепот — почему-то Эльзе напоминает это ту самую мышку в сугробе. Эдуард в своей коляске быстро скрывается за дверью своего кабинета, строгим жестом увлекает дочку за собой — та подчиняется, хотя и с видимой неохотой. Эльза остается возле деревянного секретера с семью слониками наверху, Колчин и Елизаров, оба с обнаженным оружием, замирают по бокам двери в гостиную.

Едва слышный запах машинного масла: входная дверь не должна скрипеть. Темная прихожая, коридор — фигура в темной куртке с капюшоном скользит вдоль стены, будто в ином измерении. Входит в гостиную. Включает крохотный фонарик с узким лучом — луч шарит по книжным полкам, по пузатому комоду (предмет особой гордости Эльзы и память об отце), заглядывает за стекло секретера — там стандартный набор из чешских рюмок, японская вазочка и дешевая псевдохлопская шкатулка, подарок от какого-то ветеранского общества ко Дню Победы, Эльза брала ее в руки, только чтобы стереть пыль с крышки.

Вот и пригодилась.

Дверца секретера тихонько звякает, шкатулка оказывается в руках гостя. Короткая возня с замочком — и наружу извлекается то, ради чего гость и замыслил этот визит. Ради чего умерли жуткой смертью чета Каюровых и точная красавица Алечка Морозова; явился из небытия Разбившийся Парашютист; пошел на смерть, но не поскупился честью ученого Герман Дорман; и оставил после себя великую тайну (впрочем, вся его жизнь представляла собой тайну) крупнейший мистик всех времен, исследователь, военный и философ Яков Брюс.

Верни чашу Пантелеймону, найди, куда перст укажет, и опусти взор, воспарив...

Мигом позже происходит сразу несколько вещей. Вспыхивает свет в комнате, летит на пол шкатулка, дико кричит Елизаров: «Не двигаться! На колени, руки на затылок!!!», однако человек в капюшоне реагирует по-своему — причем быстро, очень быстро: либо он заранее подготовился к подобному исходу, либо обладает вовсе уж запредельной реакцией. Эльза чувствует, как ее грубо разворачивают спиной и упирают в горло острое зазубренное лезвие.

Джонни (задыхаясь). Назад! Отошли назад, иначе я прирежу эту старую курву! Стволы на пол, аккуратно, чтобы я видел! Не приближаться!

Колчин (медленно выполняет приказание). Парень, не дури. Дом окружен, все выходы перекрыты. Может, не стоит усугублять?

Джонни. На мне три трупа, куда уж дальше-то. (Эльзе на ухо.) А вас я все-таки прирежу. Если бы не вы...

Эльза (стараясь не обращать внимания на нож у горла). То что?

Джонни. То я спокойно убрал бы Аглаю, забрал медальон и был таков. Черт возьми, да я бы и ее не тронул, но она уперлась: ты, мол, придумай, как поэффектнее грохнуть внучку — так, чтобы надолго запомнилось, и, если мне идея понравится, цацка твоя.

Катя (тихо входя в комнату). И ты решил меня...

Джонни (не оборачиваясь). Дура. Кабы я решил, как ты говоришь, — полетала бы вместо нее... с ускорением. Я Альке рассказал, кто в действительности зарезал ее сестру. И про испорченный парашют тоже — она сама предложила их поменять, понимаешь, сама! Правда, потом в ней вдруг вина разыгралась, хотела к следователю идти, сознаваться... Пришлось уже собственноручно... Я никого не хотел убивать, слышите? И сейчас не хочу: мне нужно только это!!! (трясет зажатый в левой руке медальоном). Дайте мне уйти! И уберите ОМОН с улицы!

Елизаров (с тихой досадой). Там нет никакого ОМОНа. Мы здесь вдвоем.

Джонни. Правда? Оскорбительно даже... (Эльзе.) Медленно, шаг в шаг со мной — в коридор...

Мир теней оборачивается миром соляных статуй: Эльза с Женей Ильченко движутся в нем, будто в толще воды, из гостиной в коридор, оттуда в прихожую, на лестничную площадку, спиной вперед. Колчин с Елизаровым преданно следуют позади, точно почетный караул («только бы не предложили себя в заложники вместо никчемной бабы, — немо взмолилась она, — а Женя не согласился бы...»).

Эльза. А откуда ты вообще узнал обо всем? О Пелагеином камне, о медальоне, об иконе... иконе ведь тоже ты украл?

Джонни (по-прежнему держа Эльзу поперек туловища и приставив стропорез к ее горлу). Будете смеяться, но от Лаперуза: он же любит хвост распускать, все равно по какому поводу. Вот и рассказал однажды, что его сестра встречалась с парнем — потомком какого-то Измествьева, у которого гостил

сам граф Брюс. Только для Сержика это все равно что похвалиться, что научился брейк на дискотеке отплясывать, а я-то сразу понял...

Эльза. И рванул в Белую Гриву за иконой...

Джонни. Ну и рванул, а что? На хрена она им? А я, как только увидел эту икону, аж затрясся: вот он, перст! Вниз указывает! А внизу щель — я ее разломал, гляжу, внутри план монастыря, вроде вида сверху... Я сказал, не приближаться!!!

Колчин (одними губами). Сзади бы подобраться... Плохо, что этот щенок настороже, не обманешь, а если доберется до машины — хана...

Елизаров. Катя позвонила, группа скоро будет... Только пусть бабулька время потянет...

Эльза. А как ты разгадал, зачем нужен медальон?

Джонни (медленно, по шажочкам, прикрываясь Эльзой, как щитом, спускается по лестнице). А какие могут быть варианты? Раз в иконе карта, значит, где-то на медальоне крестики на местах тайников...

Эльза. Я не заметила там никаких крестиков, только надпись...

Джонни. А я вот скоро и проверю. Верну Пантелеймону его чашу, ха-ха. Давно бы уж вернулся — какого черта вас понесло на аэродром?! Катка попросила с вышки сигануть? А если бы она попросила голый станцевать?

Эльза (со вздохом). Станцевала бы, куда делась...

Крупным планом — левая кисть Эльзы, собранная в щепоть. Молниеносное и оттого слегка размытое движение — назад, за спину, под нижние ребра противника. Одновременный нырок под вооруженную руку и несильный толчок... Совсем несильный, однако Джонни от неожиданности теряет равновесие. Позади него окно лестничной клетки — он проламывает его спиной и летит вниз, в ореоле обломков рамы и стеклянных осколков, вспыхивающих при свете луны. Слышен женский визг (внезапное происшествие смывает со скамейки влюбленную парочку), со слаженностью грузинской капеллы включается многоголосие автомобильных сигнализаций, раздается дробный топот ног... «Живой!» — кричит кто-то. Эльза на лестничной площадке второго этажа прислоняется спиной к стенке и медленно сползает вниз. Смутно ощущает, как ее трясут за плечи («Ба, прекрати умирать, слышишь?! Мы сейчас «скорую» вызовем, они укольчик сделают, будешь как новая, только не молчи!!!»).

«Я не молчу, — мягко улыбается она, чувствуя раскаленную иглу под сердцем. — Просто немножко устала, вот доживешь до моих лет...»

Смена кадра.

Светлый день и гомон улиц, погруженных в обыденную суету. Большой полосатый шмель влетает в приоткрытое окно и аккуратно присаживается на гортензию на подоконнике. Будь эта больница доперестроечной эпохи, подоконник был бы пыльным и разохшимся, гортензия планомерно умирала от

обезвоживания, а шмель валялся дохлый в унижительном соседстве с дохлыми же зеленоватыми мухами.

Здесь же, в клинике доктора Долгоносика, царит образцово-показательный капитализм, поэтому палата (с телевизором, холодильником и массой дорожной аппаратуры) сияет чистой, цветок благоухает, и даже шмель гудит по-особенному уютно, точно на веранде дачного домика. Эльзе однажды попалась некая статья: в секретной лаборатории НАСА американцы изучали шмеля несколько лет и убедительно доказали, что летать тот в принципе не может. Масса тела не соответствует формулам, излишняя «мохнатость», площадь крылышек и частота их взмахов — все противоречит классической теории. Но ведь летает, осторожно возразили «яйцеголовым». Летает, согласились те. Но абсолютно не в соответствии с Биллем о правах. Возле кровати больной — четверо (тоже противоречит правилам, но г-н Долгоносик нынче добр и смотрит на непорядок сквозь пальцы): Игорь (он же отец Георгий), Катя, следовательно Колчин и Эдуард — в непривычном для него костюме с галстуком, а главное — без инвалидной коляски. Правда, ноги слушаются еще скверно, приходится опираться на специальные костыли, но это — начало Большого Чуда. А Большие Чудеса, как известно, на середине пути не останавливаются.

— А вы молодец, — сказал Колчин. — Держали внимание преступника, как профессиональный переговорщик. Правда, мы не предполагали, что вы и задержать его решите сами — тем более, что опергруппа уже въезжала во двор...

— Да я ничего такого и не собиралась, — смутилась Эльза. — Рефлекс сработал.

— Хороши ваши рефлексы, — уважительно кивнул следователь. — Станете выписываться — командир ОМОНа милости просит к его бойцам инструктором, неплохую прибавку к пенсии обещает... — он помолчал. — Ильченко сначала отказался от показаний — заявил, что оговорил себя, а у вас в квартире действовал под чьим-то гипнозом (уж не под вашим ли? Шучу). Но потом... Словом, при обыске у него дома обнаружили икону из музея в Белой Гриве. Джонни разломил ее вдоль шва, мы отдали ее реставраторам, те восстановили... Внизу, в торце, есть прорезь — как раз по размеру медальона. Если его ввести туда, икона раскроется наподобие книги. Внутри план монастыря, очень толковый, надо сказать. Впрочем, граф Брюс при царе Петре был первым лицом Берг-коллегии и главным фортификатором, так что неудивительно...

Он подошел к окну, вытащил сигарету и тут же, спохватившись, спрятал обратно в пачку, пробормотав: «совсем одичал в своей казарме, скоро водку в храме хлестать начну... Видите ли, Эльза Германовна, ваш медальон не принес в этот план ничего нового».

— То есть? — искренне не поняла та.

— Джонни был уверен, что при наложении пластины на карту на той появятся некие знаки — стрелки, точки и тому подобное, указывающие на места

тайников с запасами минерала, образцами препаратов на его основе, описанием опытов... Однако ничего похожего не произошло. Хотя медальон практически идеально наложился на план монастыря — вы заметили, что его контуры тоже напоминают медицинскую чашу, только без длинной ножки?

— Что же получается, — спросил Эдуард, — граф Брюс просто создал очередную мистификацию — вроде Разбившегося Парашютиста? Трудно поверить.

— Возможен и другой вариант, — задумчиво проговорил Колчин. — Брюс никого не собирался обманывать, но краски для тайнописи, которыми он покрывал медальон или карту в иконе, со временем пришли в негодность. Либо Джонни, в своем нетерпении разломав икону, привел в действие некий защитный механизм... Когда он узнал, что знаков на карте нет, с ним случилась истерика — пришлось даже бригаду врачей вызывать... Нет, нет, — торопливо добавил он, заметив, что Катя содрогнулась, — никаких кляпов, смиренных рубашек, «колы — с», и врачи были не из «дурки», а из обычной «скорой». Просто кололи большую дозу феназепам.

— Значит, никакой карты Брюс не оставил, — заключил Эдуард. — А существующих запасов минерала надолго не хватит...

— Я спрашивал об этом сестер из обители, — ответил отец Георгий. — Они заверили — не напрямую, а как-то иносказательно, что их запасов достаточно, чтобы поставить тебя на ноги. И не только тебя, а многих... Я так и не уразумел, что это за источник.

Вошла Ольга Ивина — как всегда строгая, в безупречно сидящем халате, с аккуратным металлическим подносом в руках. Ничего не сказала, даже бровью не повела, но все почему-то засмутились, закашлялись и послушным гуськом двинулись к выходу («Ба, выздоравливай скорее, будем на пару с парашютом сигать». «Давай, мам, мы тебя ждем». «Всего доброго, Эльза Германовна, как позволит состояние — зайдите в прокуратуру, нужно уточнить кое-что...»).

— Уколы? — обреченно спросила Эльза.

Ольга кивнула, быстро проделала экзекуцию (Эльза покряхтела, но вытерпела), однако уходить не спешила — встала у окна и сложила руки на груди, будто не решаясь начать разговор.

— Доктор сказал: меня выпишут через пару дней, — сказала Эльза, чтобы что-нибудь сказать.

— Я знаю, — ровно отозвалась Ольга. — У вас удивительная способность к восстановлению. Обычно люди с подобным диагнозом проводят у нас и месяц, и полтора, вам же хватило недели...

Они помолчали.

— Мы скоро уедем, — сказала Эльза. — Игорь увозит Эдика в Белую Гриву — он обещал, что через полгода тот начнет обходиться без костылей. Когда сын услышал об этом, ей-богу, расплакался от счастья... Конечно, мне очень бы хотелось быть там, с ними, ведь Эдику наверняка понадобится помощь, но

оставлять внучку одну... Я уговаривала ее поехать с нами — в конце концов, учебу можно закончить и в Архангельске, там институт по профилю... Катюша отказалась: сказала, что здесь ее друзья, любимые преподаватели, клуб — она и в мыслях не держит бросить прыжки, представляете? А затем вдруг заявила, что уже взрослая и вполне сможет существовать самостоятельно. Я, понятно, воспротивилась, но Эдик ее неожиданно поддержал. Странно: он всегда считал дочку существом взбалмошным и абсолютно неразумным, а после всех этих событий... — Эльза вздохнула. — Словом, они меня уговорили. Катя остается, а мы втроем, как только меня выпишут, отбываем под Архангельск.

— Вчетвером, — тихо поправила Ольга.

— А?

— Вчетвером. Я еду с вами, — Ольга шуршаще прошлась по палате и присела на кровать рядом с Эльзой. — Это тоже давно решено. Эдику и в самом деле нужна будет помощь. Он почему-то думает, что я испытываю к нему жалость... ну, или чисто научный интерес, но, поверьте, это не так.

— Я верю, — немного растерянно произнесла Эльза.

— А отцу Георгию давно нужна ассистентка. Буду помогать ему изучать Пелагеин камень. Потом начну принимать больных — или, как он говорит, страждущих.

— А как же клиника? Здесь все-таки... — Эльза обвела рукой палату. — А там медвежий угол. Справитесь?

Ольга улыбнулась.

— Справлюсь. И еще... Спасибо вам за Владика. Уж не знаю, действительно ли он стал призрак, чтобы гулять по здешним лесам (не слишком-то я верю в потустороннее)... Но девушек у пруда резал не он. Вы его оправдали.

И легонько поцеловала пациентку в щеку.

Поздняя весна 1726 г. Запыленный до самой крыши дорожный экипаж на пути между Антверпеном и Гаагой.

Лошади по велению возницы иногда переходили с собранной рыси на шаг, что при таких ухабах являлось очень даже разумным: был, говорят, случай, когда карета одного важного господина прямо на ходу разломилась пополам: задняя часть осталась стоять посреди дороги, а кучер, не заметив, знай себе нахлестывал рысаков, сидя на облучке — правда, случилось это давно, еще при распрях между Францией, Германией и поляками, когда за состоянием дорог особенно никто не следил. Впрочем, за последние годы картина мало изменилась: появились кое-где между городами булыжные мостовые, но за проезд по ним брали такую мзду, что, ей-богу, было легче пройти пешком вокруг и перетащить тарантас на себе. Встречались участки, где мостовой вообще не было, а мзду все-таки брали, а когда путник осторожно интересовался, за что, собственно, ему объясняли, что дорога моститься обязательно будет, а пока удельный князь (или герцог, или барон) собирает на это средства.

Пассажиров экипажа было четверо: тучный краснолицый господин с длинной трубкой в желтых от никотина зубах, беспокойная мамаша с крикливым ребенком и молодой человек с тонкими чертами лица (либо ученый, решили спутники, либо поэт, *либо богослов*). В общих разговорах он не участвовал: рассеянно смотрел в окно, размышлял о чем-то и время от времени касался груди, словно о чем-то просил Господа (точно — либо молодой священник, либо переживает недавнюю душевную рану). И ни разу не посетовал на нештучную тряску — откуда кому было знать, что за долгий путь по таежным трактам молодой человек привык к тому, что дорогой там называют просто место, свободное от деревьев. И что на его груди, рядом с крестом, висит медальон, полученный из рук самого графа Брюса — того, о котором по всей Европе ходили легенды одна другой невероятнее. До Амстердама оставалось еще минимум два дня пути. И молодому человеку еще только предстояло узнать, что красавица Лаура не дождалась своего Иоганна: когда ее отец потерял все состояние на биржевой игре, ее насильно выдали замуж за престарелого хозяина мануфактуры по производству корабельных канатов. Что его собственной мечте о повторной экспедиции в Россию не суждено сбыться: в его родном университете в исключительные свойства Пелагеино камня никто не поверит и ассигнований на его изучение не выделит.

Нет, их сиятельство не обманули своего помощника. Просто никаких знаков, указывающих на выходы минерала на поверхность, не требовалось. Весь женский монастырь, в плане и в самом деле напоминающий чашу, целиком стоял на каменистом плато, которое представляло собой огромное и единое месторождение Пелагеино камня. О чем граф Брюс и повелел сделать надпись на латыни — как завещание потомкам.

На единственной иконе, принадлежавшей капитану Измestьеву, святой врачеватель указывал пальцем вниз (автор по известной только ему причине нарушил установленный канон) — на секретную полость, открывающую карту монастыря (в которой, впрочем, не было ничего секретного). Оставалось лишь посмотреть на обитель сверху, чтобы разгадать загадку Якова Брюса.

***Вернуть чашу Пантелеймону. Найти, куда перст укажет.
И опустить взор, воспарив...***

Пенза, 2008 — 2012.

Выражаю сердечную благодарность Андрею Ростовцеву за идею романа, Анне Онопченко за предоставление бесценных документов военного времени, Сергею Ковалеву, мастеру парашютного спорта, за неоценимые консультации и всем, кто оказывал мне поддержку в создании этой книги.

Евгений ЮШИН

**ПТИЦА
ВРЕМЕНИ**

Стихи

В СТАРОМ ДОМЕ

Как прежде ровен статных сосен шум.
Года — прошли, скорее — пролетели.
Я в дом вхожу, как будто в старый трюм —
Давно корабль уплыл от колыбели.
Но свет избы, желанный и родной,
И пятна солнца на полу дощатом
Все эти годы прожили со мной
И в трудную минуту были рядом.
Какой потерей полнится душа!
Как будто я стою на пепелище,
И вот душа всё что-то ищет, ищет...
На месте всё — и нету ни шиша.
Вздохнут сиротски форточка и дверь,
И по-сиротски скрипнет половица.
Они теперь до смерти будут сниться
Средь горьких неминуемых потерь.
Кровать, сундук и вековая пыль.
Не возвращайтесь в детские просторы!
Пусть давние леса твои и горы
Живут в тебе, как прожитая бэль.
Но как влечёт в родимые места!
Как хочется из мира нажитого
Попасть туда, где у крыльца родного —
Отец и мать,
и жизнь твоя — чиста.

* * *

Мне хорошо, когда осень за окнами
И листопад, листопад...
Листьями рыжими, листьями мокрыми
Стелются роща и сад.
Падают звёзды за краем околицы,
Сыростью тянет с болот.
Сеет луна золотую бессонницу
Около наших ворот.
Падают яблоки, влажные, спелые,
Падают так невпопад.
Дышат туманы густые и прелые
В светлую рощу и сад.
Лаает собака за дальней оградой,
Птица ночная кричит.
Что тебя, сердце, невзгодит и радует?
Что так желанно горчит?
Будут дороги листвой припорошены,
Иней в лугах за окном.
Буду делиться со всеми прохожими
Золотом и серебром.

ДВЕ СОБАКИ

Разбросало солнце маки
На озёрном серебре.
Жили-были две собаки
У соседа во дворе.
Резвцы и забияки —
У крыльца гоняли кур.
Словом, жили как собаки,
Не дурнее прочих дур.
А сосед — больной и старый:
Гамаша да костыли.
Сели дети: тары-бары,
Да и в город увезли.
Ходят грустные собаки,
Ищут деда — нет его.
Хоть бока у них обмякли,
Вид пока что — ничего.

Но страшит их
двор уныньем,
Дверь, забитая доской.

Зарастает сад полынью,
Как собачий взгляд тоской.

* * *

Поплыли селенья на том берегу,
Поплыли холмы и овраги.
И всё, что недавно лежало в снегу,
В весенней запенилось браге.
Пустынные дали разбил ледоход,
Задвигали скулами льдины.
У пристани старой проснулся народ,
Скользит сапогами по глине.
Выводит петух засидевшихся кур.
От облака — длинные тени.
У Любки-буфетчицы — синий прищур
И солнцами светят колени.
Анюта соседу несёт молока.
Наладил сетёнку Василий...
Пока что негромко, пока что слегка,
А всё ж оживает Россия.

* * *

Жгуче! Трепетно! Потрясно!
Месяц ярок и остёр.
Как цыган в рубахе красной,
Пляшет в полночи костёр.
Он для нас с тобою пляшет.
Взгляд горячий не таи!
Пусть картошка губы мажет
Поцелуйные твои.
Пусть пока что наши тени
Словно пламя поднялись,
Их объятья, их колени
В темноте переплелись.
Дым пахнул в лицо полынью,
Жгуче выдавил слезу.
Я тебя речною синью
Завтра утром увезу.

Разве зря во тьму летела
Костровая прядь огня?
Разве зря и ты смотрела
В этот вечер на меня?

ПТИЦА ВРЕМЕНИ

Евгению Кочеткову

В коленях хворь, с которой надо сжиться.
Разволновался — и губа дрожит.
Приляжешь в травы и увидишь: птица
В просторном небе медленно кружит.
Она свои просторы верховые
Сшивает с этим лугом и тропой,
Кружит она и кольца годовые
Свивает в синем небе над тобой.
И вспомнятся тебе родные лица,
Которых нет уже в земном краю.
Зачем ты кружишь, медленная птица,
Очерчивая в небе полынью?
В ту полынью уходят безвозвратно,
А нам с тобой пока что не черёд.
Закат роняет пламенные пятна
На окна изб и клёны у ворот.
Жизнь так спешит — за нею не угнаться,
И не упрятать прошлое в баул,
И хочется, как в детстве, разрыдаться,
Как будто кто-то горько обманул.
Облокотилось прошлое на плечи.
Вопросов много, но ответов нет.
За все ошибки, где судьбе перечил,
Любому на земле держать ответ.
И дни всё туже тянутся, всё глуше,
А ночью вовсе не видать ни зги.
И только птица кружит,
птица кружит,
Свивает бесконечные круги.

НА РУССКОЙ ДОРОГЕ

Здесь русский дух в веках произошёл...

Н. Рубцов

Меня здесь знает каждый муравей,
И каждый куст, и каждая сорока.
Задумалась о прожитом дорога,
И солнце в лужах плещется по ней.
По ней — века — в туманах и крови,
И поступь уходящих поколений.
По ней струится столько сладкой лени,
Как в женщине, сомлевшей от любви!
В ней столько слёз прощальных — в дальний путь,
И в вечный путь — до ближнего погоста.
И потому она в крестах и звёздах,
Встречая нас, стоит в цветах по грудь.
Гудят шмели, где каторжник прошёл,
Где проскакало пламя Чингисхана,
Где под гармошку радостно и пьяно
Мужик в избу смолистую вошёл.
Снуют, как стрелы, юркие стрижи,
Болота дышат холодом и прелью,
Боровики сутулятся под елью.
Попробуй этот мир — перескажи?!
Здесь все века и каждого из нас
Хранит, как память, русская дорога.
А это поле и река у стога —
Немеркнувший, живой иконостас.

Дана ЛОБУЗНАЯ

**МАЛЕНЬКАЯ
МОЯ
СТРАНА**

Рассказ

В годы безмятежного отрочества, когда мне было лет двенадцать-тринадцать, я жила в своей особой стране, маленькой и уютной. Это были несколько улиц шахтёрского посёлка на Северном Урале, которые упирались в лесную опушку со светлыми полянами. Эти же улицы другим концом приводили нас к многоводному ручью, скакавшему с камня на камень. Ручей весело журчал, а мы гадали, где он берёт начало и куда убегает, унося свою живительную влагу. Около него в летние дни собиралась детвора всех возрастов. В жару мы брызгались водой, обливали друг друга. Несмолкаемый гомон наших голосов разносился по всей округе, и родители были спокойны — знали, где мы.

Мальчишки засучивали брючины потёртых штанишек и, балансируя, чтобы не свалиться в ручей, бегали по крупным каменным гольшам, прогретым солнцем. Или набирали горсти тёплого песка, догоняли девчонок и обсыпали их с головы до ног. Без визга не обходилось. Но мы ребят не прогоняли — какие без них игры!

Ручей, который обычно называли канавкой, притягивал нас как магнит. Любили постоять здесь и мужики, покуривая «беломорины» или самокрутки, попутно перекидываясь новостями. Потом взрослые набирали вёдра студёной воды и не спеша расходились.

В дождливое время мы отправлялись к кому-нибудь во двор с навесом. Там играли в городки, мальчишки подтягивались на поперечинах турника, если таковой имелся. Иногда рассказывали забавные или «страшные» истории, говорили о прочитанных книжках.

А в сентябре начиналась школа. Детвора с каждой улицы отправлялась туда своей компанией. Дожидались всех, чтобы веселее было.

** Редакция журнала «Сура» поздравляет Дану Лобузную с юбилеем, желает здоровья и творческих успехов.*

Наш посёлок застроен был весьма хаотично. Каждый хозяин занимал столько земли, сколько хотел. Но я не припомню, чтобы кто-нибудь особо жадничал. Тогда ещё не было понятия «межевание», всё улаживалось как-то само собой — всем хватало места. Поскольку всюду лежали большие камни-валуны, похожие на спящих слонят, землю под огороды не пахали, а вскапывали лопатой доступные участки.

Помнится, что у нас никогда не было уличных драк, не водилось изгоев, с которыми кто-то не хотел бы играть. И не могу припомнить случая ругани между соседями. Пишу это с тёплой благодарностью судьбе — хорошо теперь мне вспоминать то время...

Страна моего отрочества всё больше прирастала. Со временем поднялись двухэтажные дома из деревянного бруса — сначала с одним подъездом на восемь квартир, потом и двухподъездные — на шестнадцать. Иногда мы устраивали набег на верхний этаж — кто быстрее взбежит туда и потом съедет по перилам лестницы. Заслышав несусветный гам, встревоженные жильцы выглядывали из квартир и выпроваживали незваных гостей.

На наших глазах за один год был построен кинотеатр. Дали ему краткое, но актуальное название — «Мир». Помпезные белые колонны украсили фасад новостройки. Бесспорно, здание оказалось самым красивым в посёлке. Там впервые я увидела пол «в ёлочку», набранный из паркетных дощечек. Он поразил меня. Придя домой, я рассказала об этом сестре Соне.

— А почему у нас дома нет такого пола? — наивно спросила я.

— А потому, — ответила она сердито, — что не до «ёлочек» мне, семерых прокормить надо.

Самой большой радостью были дни, когда из районного городка Кизел привозили кино. Кинофильмы показывали по частям, с перерывами: киномеханик включал свет, чтобы поставить на проектор другую бобину с кинолентой взамен просмотренной. Каким событием стал для жителей посёлка американский фильм «Тарзан»! Вошло тогда у мальчишек в моду кричать по-тарзаньи, девочкам хотелось быть красивыми, как Рита. Какое-то время у подростков в ходу была манера нарочно ходить, переваливаясь и почёсывая бока, подобно обезьянке Чите. А несколько лет спустя в фойе этого кинотеатра робко, с замиранием сердца, танцевала я вальс с парнем, который стал моей первой и до сих пор не забытой любовью...

Прошло ещё года два, и появились в шахтёрском посёлке пятиэтажки. Они строились из белого кирпича, но имели красные «пояски» в два кирпича, разделяющие этажи. Дома с балконами видели мы впервые. Они считались элитными: там были даже трёхкомнатные квартиры. На их хозяев кое-кто из жителей посматривал с нескрываемой завистью. Но, как я сейчас припоминаю, со временем большинство многодетных семей переселились именно в такие жилища.

Радостным событием для учеников и их родителей стало известие о предстоящем строительстве новой школы. Ведь наша семилетка ютилась в деревянном бараке. Иногда во время урока возникал жуткий переполох: кто-то из ребят видел шныряющую под партами крысу...

После уроков любители мы заглянуть на стройку. Заводилой таких набегов был Сёмка Иванов. Его отец работал на бульдозере.

— Айда сегодня к папане, — звал он нас без разбору — и мальчишек, и девчонок.

И мы, конечно, не отказывались от этой затеи. Многие впервые видели бульдозер, который с рёвом врзался в пласты грунта, смещая его. Некоторые мальчишки именно тогда заболели мечтой стать бульдозеристами.

Через несколько дней образовался на месте будущей школы огромный котлован, который в дождливые дни наполнялся водой. Долгое время к нему не остывал ребячий интерес. Рёв бульдозерного двигателя оглушал нас, и мы замолкали, поражённые этой силищей. Когда осенью стало рано темнеть, на стройке установили прожекторы. Их мы видели тоже впервые. Они ослепляли нас, странно тревожили, будили пока и самим нам непонятные мечты...

Прошло ещё некоторое время, и мы заметили: по направлению к лесу то и дело ездят самосвалы. Иногда через их борта выплёскивается цементный раствор и застывает на дороге серыми «блинами». Машины, нагруженные тяжёлыми упаковками кирпичей, то и дело урчат на лесной дороге. Оказалось, там, на большой поляне, началась какая-то особенная стройка. Взрослые произносили слово, которое ребятам было совсем незнакомо. Мы не понимали его и на свой лад говорили: «лесторан», по детской логике связывали со словом «лес». Но заметили, что окружающие говорят об этой будущей стройке как-то особенно, улыбаясь или покачивая головой. А мой сосед и сверстник Шамилька заявил ребятам с гордостью:

— Мамка моя будет там еду варить!

— Захвастался уже! Так и будешь ошиваться на кухне!

— И буду, а тебе завидно? — не терялся татарчонок.

Дорогу к этой стройке вскоре заасфальтировали, и мы стали частенько бегать туда. Поляну, на которой ещё недавно ничего не росло, кроме травы, нельзя было узнать. Там работала различная техника, на глазах поднимались стены будущего здания. Через несколько месяцев появилось сооружение из красного кирпича с необычными сводчатыми окнами, каких в посёлке ещё не видывали. Шторы на окнах не походили на привычные занавески в наших домах. Они были мудрёно собраны в складки — так, что одна полоса ткани причудливо переплеталась с другой, а с улицы не было видно, что происходит в зале. Перед зданием ресторана, на некотором возвышении от земли, воздвигли красивую чашу диаметром метра в три, тоже из кирпича и цемента, а в ней насадили цветов.

— Вот это да! — выдохнул кто-то из ребят, поражённый красотой сооружения.

— Подумаешь, круглая грядка на большой тарелке, — сказал Руслан, сын учительницы. И все ребята с уважением посмотрели на него.

Незаметно выросли наши старшие братья и сёстры. И как-то само собой началось время домашних свадеб. Стало обычным делом проводить эти торжества в лесном ресторане. Мы нередко бегали туда смотреть на женихов и невест. А они иногда выходили на крыльцо заведения и угощали нас конфетами.

Был в нашей компании парень на пару лет старше нас. Звали его Гариф. Рослый и сильный, всегда уверенный в себе, он сказал однажды:

— Вот схожу в армию и тоже сыграю свадьбу в этом ресторане.

— Да когда это ещё будет, — протянул недоверчиво кто-то из ребят.

— Когда никогда, а будет! — не сдавался парень. И мы поверили ему.

Недалеко от нашего дома жила семья с корейской фамилией Тянь. Жена русская, звали её Таисья. «Роскошная женщина», — сказал бы о ней завязтый женолюб. Действительно, на Тасю заглядывались в молодости многие парни. Рослая, с высокой грудью, с сильными и красивыми ногами. Две косы вдоль прямой спины придавали её фигуре ещё большую стройность. Не только мужики, но и женщины нередко оборачивались ей вслед. Но, странное дело, её мужем стал шуплый и низкорослый кореец по имени Тянь. Он походил на мальчика лет двенадцати — не больше. И этот «мальчик» удивил нас тем, что начал строить бревенчатый дом площадью в сто квадратных метров. Пригласил себе в помощь только одного работника. Дом у них получился на славу! Жители дальних улиц спускались в нижнюю часть посёлка посмотреть на необычное строение. Как этот создатель оказался на уральской шахте, не знаю, но очень скоро мы стали свидетелями настоящего чуда. Этим чудом был телевизор, впервые увиденный нами в доме Тяня. Крошечный экран его по вечерам начинал светиться, и на нём оживали картинки. К вечеру в их большой дом собиралась вся округа, и мы не помним случая, чтобы Тася кому-нибудь отказала в просьбе посмотреть кино. Единственным её условием был наказ снимать обувь в сенях, что мы и делали. Стульев на всех не хватало, и мы, лёжа на полу, познавали «важнейшее из искусств», как говорил в своё время незабвенный Ильич.

Крошечный экран рассказывал о жизни других людей, показывал незнакомые города и страны, заставлял нас смеяться и печалиться. Повзрослев, посещая широкоформатные кинозалы в больших городах, нередко вспоминала я телеэкранчик из своего детства.

Иногда мы гурьбой ходили смотреть, как растёт отвал, на который вывозят из шахты ненужную породу. Замечали, что гора эта с каждым днём становится выше, значит, шахта работает. А со временем появилась возле управления Доска почёта. Это было заметным событием в посёлке. Ребята, фотографии родителей которых были вывешены на этой Доске, заметно загордились, а

если кто-то подначивал их по этому поводу, резонно отвечали: «Завидки берут, что ли?» Но, странное дело, у молодёжи вошло в обычай назначать свидания именно у Доски почёта.

Центром деловой жизни шахты был так называемый комбинат. В трёхэтажном здании располагались кабинеты руководителей шахты и какие-то службы. Изредка сестра брала с собой и меня, когда шла решать свои взрослые проблемы. Я робко жалась к ней, поражённая тем, сколько в этом огромном «доме» комнат...

— Постой здесь, — говорила Соня, — никуда не уходи.

Я оставалась и ждала её у дверей какого-нибудь кабинета, удивляясь тому, как многих людей нашего посёлка я ещё не знаю.

Отчётливо помню из детства большой двор комбината, в глубине которого находилась так называемая ламповая. Здесь шахтёры получали аккумуляторы, тяжеленные зарядные устройства, дающие свет в лампочки, прикреплённые к каскам горняков. Надо сказать, что к каждой шахте подходили железнодорожные пути. Составы шли туда и обратно: прикатывали пустыми, уходили с несчётными тоннами каменного угля. Успешная работа шахтёров приносила свои плоды: заработная плата горняков росла из года в год. Бедных на шахте не водилось. А шахт вокруг было множество, каждая со своим номером или названием. Все вместе они составляли Кизеловский каменно-угольный бассейн.

Постепенно расширялся мир, в котором я и мои друзья обитали. Шахтёрский посёлок наш делился на «верх» и «низ». «Низ» был старой его частью и состоял в основном из бараков, которые после войны строили пленные немцы. А «верх» выстроили уже после пятидесятых, когда немного оправились от войны, — и там бараков не было. Года через три построили новую школу. Ходить туда было для меня радостью. Я любила уроки русского языка и литературы. Заметив мою тягу к чтению, учительница направила меня в детскую библиотеку, небольшое двухэтажное здание на одной из дальних улиц посёлка. Я с головой ушла в чтение. Заходила в небольшую комнату, которую библиотекарь величала читальным залом, и нередко просиживала там до сумерек. Постепенно мой словарный запас не родного для меня языка стал заметно пополняться.

В четвёртом классе нас принимали в пионеры. И происходило это не в школе, а во Дворце пионеров. Невероятно, но был в посёлке и такой дворец, двухэтажный, с множеством уютных комнат, где были всегда хорошо промыты окна! Мы проводили там немало времени, занимаясь в кружках и студиях. Выбирали кружки по своим интересам. Учились рукоделию, куда входило вышивание и вязание. Помню свою подружку Аню, русскую девочку, которая меня учила правильному русскому языку, но делала это как-то незаметно, менторского тона я от неё не слышала ни разу и поэтому никогда на неё не сердилась.

— Даня, — не говори «ложат», это неправильно.

Я удивлялась этому, возражала, говоря, что у нас все дома так говорят.

— Вот ты и поправь домашних, говори «кладут», — мягко советовала моя добровольная учительница. Долгое время я «прикусывала» язык, прежде чем сказать «кладут» или «ложат». Со временем слово «кладут» стало для меня привычным, иногда и я поправляла других, которые «ложат»... Говорить правильно по-русски со временем стало для меня потребностью. В вузе помогала студентам-татаркам, приехавшим из провинции, за что они меня благодарили. Теперь, на закате жизни, проживая в российском городе, к сожалению, постепенно забываю родную речь. Но произошло следующее. Моя наставница по творческим делам, руководитель литобъединений, русская, увлеклась изучением татарского языка. Она удивляет меня своими успехами, так как работает со словарями и нередко ставит меня в тупик своими познаниями татарского литературного, а я так и осталась на уровне вятского разговорного. Говорю так, как в детстве говорили в родном Нухрате, моей родовой деревне.

Пробежало с тех пор несколько десятилетий. Наступил двадцать первый век. Уже много лет я живу с семьёй в средней полосе России, где всё устраивает нас: климат, природа, люди.

Но вдруг нестерпимо потянуло в места моей юности, на Урал. Попросила племянницу, живущую ныне в Сургуте, сопроводить меня в этой поездке. Ведь на шахте прошла и Люсина юность. На окраине нашего посёлка, на татарском кладбище, похоронена моя мама, а Люсина бабушка Марьям Сабитовна. Моим главным желанием было посетить её могилу. Не была я там лет тридцать.

Мы договорились с племянницей встретиться в районном городке Кизел, откуда на автобусе и отправились на «свою» Широковскую.

— Вообще-то прёмся мы туда зря, — сказала Люся. — Чует моё сердце, что ничего там не сохранилось.

— Да не может быть такого, — горячо возразила я племяннице, — чтобы от большого шахтёрского посёлка не осталось ничего.

— Давай не будем спорить, тётушка, — спокойно ответила Люся. — Доедем, увидим.

С размахом сургутянки, которой кроме зарплаты начисляются ещё и северные надбавки, она взяла такси и попросила довезти нас из Кизела туда, где была наша шахта. Но шахты мы уже не нашли, словно её никогда и не бывало. По дороге встречались домишки без крыш или с заколоченными окнами, один вид которых порождал нервную дрожь. Было впечатление, что мы двигаемся по бесконечному кладбищу... Но у меня всегда стоял перед глазами самый добротный и большой дом Тяна. Я попыталась настоять на своём — такой дом не может рухнуть, сгнить, исчезнуть.

— Тётка, ты в своём уме? Какие дома, какие Тяны? Давным-давно ничего уже нет! Ни-че-го! — произнесла моя племянница членораздельно, чтобы лучше внушить мне давно понятную ей истину. — Но если хочешь убедиться, пройдем, посмотришь сама, Фома неверующий.

И мы пошли...

Люся решительно зашагала вперёд, но вскоре мы обе поняли, что не только нет какой-нибудь дороги, нет и признаков того, что когда-то тут она была...

И тогда я начала фотографировать то, что когда-то было большим шахтёрским посёлком, его домами, улицами, кварталами. За день нашего пребывания в родных местах мы встретили всего двоих жителей. Это были «последние из могижан», видимо, им совершенно некуда было деваться.

На пустыре мы увидели мужчину. Он шёл нам навстречу, и, когда приблизился, я отметила, что черты лица этого единственного обитателя бывшего шахтёрского посёлка удивительно интеллигентны. Подтянутая фигура джентльмена смотрелась тут каким-то диссонансом. С нескрываемым удивлением он разглядывал нас, а когда мы поздоровались и коротко пояснили причину своего здесь появления, кивнул в сторону единственной избёнки с сохранившейся кровлей и пригласил зайти. Около дома паслись корова и козочка. Из покосившейся двери навстречу нам вышла худенькая, невзрачного вида женщина, видимо, его жена.

— Как же вы тут одни-то живёте? — спросила Люся, оглядывая более чем скромную обстановку комнаты, в которую мы вошли вслед за хозяйкой.

— А что делать? Тут теперь всё наше, — грустно пошутил хозяин. — Кругом кирпичей почти хороших вволю, лесину любую можно раздобыть на развалинах. Раз в неделю автобус приходит, можно в Кизел съездить, там всё нужное прикупить. И пенсию там получаем.

— Корова у нас есть, молоко своё, а травы вокруг... коси — не хочу, — вмешалась в разговор хозяйка.

Они оказались потомками поволжских немцев, которых советские власти скovyрнули с родных мест при наступлении фашистов и заставили осесть на Урале.

И припомнилось мне, что на шахте в моём детстве было большое стадо. Дядя Ахмет, пастух, бывало, перекидывал через плечо плетённый из кожаных полос кнут, свист которого при взмахе им был слышен на самых дальних улицах. А в этой прощальной поездке увидела я двух обитателей пустынного места, одну корову и одну козочку на их дворе.

Мы попрощались с хозяевами и вдоль торчавших из бурьяна развалин направились на кладбище.

Вся территория «города мёртвых» основательно заросла. Мы долго плутали между могил, вглядываясь в фотографии давно ушедших людей. Раздвигая кусты, вчитывались в надписи на стареньких памятниках. Нашла мамину могилку я и в этом усмотрела какой-то добрый знак, может быть, так мама отблагодарила меня за память о ней, простила мне многое. А мне было за что просить у неё прощения...

На русской половине кладбища отыскалась и могила отца Люси Эммануила Максимовича, которому я обязана многим. Он работал в шахте и был глав-

ным кормильцем большой семьи. Ему, оказывается, было бы теперь сто два года...

Покинув кладбище, мы горестно и умиротворённо побрели от одной развалины до другой, убеждаясь, что всё в этом мире действительно тленно. Остановились около двухэтажного дома без крыши, насчитали десять пустых «глазниц», бывших когда-то окнами Дворца пионеров. Узнала я и бывший лесной ресторан, от которого остались пять кирпичных остовов, между которыми уже выросли берёзы. Когда-то тут стояла огромная цементная чаша, в которой росли цветы. Вот бывшая аптека, куда частенько посылали меня за лекарствами.

Пожалуй, нет ничего страшнее, чем покинутые хозяевами дома. Пустые глазницы окон вызывают мистическую дрожь.

Дошли до шоссе, голоснули попутку в Кизел. А, возвратившись домой, в фотоателье распечатала я снимки этой драматичной поездки и теперь, обычно вечерами, погружаюсь в своё прошлое и нынешнее моей маленькой страны.

«Пейзажи ушедшей жизни», — с горечью думаю я.

Марина АНАШКЕВИЧ

**РОСЫ
ВСЕЛЕННОЙ**

Стихи

Песнь Вселенной

Я — МА! МАТРИ САМА!
А МАТЬ обидеть — что умереть,
поэтому ЯМА — смерть...
МАДОННЫ ВСЕЛЕННА бездонна...
МАТРЁНА-МАТРОНА на троне
калёном, ядрёном
в сонме своих детей:
дочерей, сыновей...
Ей-ей-ей-ей!!!

Я — ПРАМАТЕЙА,
огнь времён
прошлых и будущих
из-покон...
МАТЕР МАТУТА,
у МУТТЕР
звёзды там и тут
на Древе растут
без счёта, вольготно!
Я — МАРТА, Я — МАЙКА,
Я — МАЛА-НАНАЙКА,
АЛАЯ МА, АЛМА-АТА,
МАМАЕВЫ горы-высоты,
МАТКИ медовые соты...
Я — МАТА ХАРА, ТА-МАРА,
АЛАЯ ТАРА, АЛТАРЬ!
МАКОВ завет, МАКОШИ цвет!
МААТ с пёрышком...
Скрипка АМАТИ стонущая...

Жар ЗАРАСВАТИ — амрита
скрыта в МАТРЕЖКИНОЙ печи...
Девятирится, курится
запечно, млечно, вечно...
Я — ГА! МАСТЕРИЦА,
ЯГОДА БАБА, ЖАР-ПТИЦА
алая, ярая, жизни сок!
От смерти на волосок
тот, кто ЁГУ безногой
змеёю зовёт.
Чай: не змея,
ЯГА МА — ЯГОДА
свето-тела
зрела, рдела, спела...
Без жала тебя рожала МА...
Со мной ОЖИВЁШЬ,
вовек не умрёшь!

КРИНИЦА

Званная — кем? — не знаю,
таю...
Каждой весной
талой водой землю питаю.
Дух лесной
ландыши дарит душистые,
манит в заросли мшистые...
Кликает:
Невели-и-икая!
Выйди на бережок,
сделай шажок,
таленькая,
маленькая да удаленькая!
Вот тебе иголка сосновая —
сшей себе платице новое
из листьев калины
или рябины...
А вот паутина — смотри,
блёстки росы себе возьми,
а слёзки отдай берёзке,
тумана виток кинь в закуток
тёмной лощины...
Дреми с неделю в той колыбели...
Но слышишь, таленькая,
помни, удаленькая:

никогда... никогда,
ни в какие года
не будь сонной мухой
в паучьем брюхе,
а будь стрекозой, будь егозой!
Будь, невеликая,
голубикой
полноликою,
земляничкой ярою —
недаром
спокон веков зЕлен мох
каждый твой вздох
нежит,
в тени дерев держит..

Речная да не ручная,
Плакучая да текучая,
в искрах росы, волнистая,
выступай,
брызгами да пречистыми
ви-тай
над паутиной, над лощиной,
ленты травинки в косы вплетай,
кроны берёзовы с птичьими гнёздами
стёжками ливневыми
низай,
шёлком малиновым
блис-тай,
хва-тай
жаркий шар Солнца
в негу прозрачного донца...
От-РАЖАЙ!
Ах, таленькая,
Удаленькая!
Ввысь-вниз
кринись
радугой да над пагодой
тайн таЁжных...
В даль запорожную
внедорожную
из-паряйся,
но не прощайся, возвращайся
вьюгою снежною, —
и помни, нежная:
ПОД сенью сосны, гнётом ЛИСТВЫ

у двух берегов
лесной мох
хранит каждый
влажный
твой вдох...
Кукушкин лён
тем и силён, что потаён...

ЛЕБЯЖЬЕ

Мы же с тобой
целых два
СОЛНЦА

ЦЕЛЫХ! ДВА!
Надо же...
Солнышки МЫ
да, да, С ТОБОЙ,
СОЛНЦА! ДВА!
Сладко-солёных,
неопалённых...
ДАО! АУ!
УА! ДАО...
Кликни: АУ,
всхлипну: УА,
как маленькая,
Твоё Я,
а Ты — Моё Я,
ЖИВОЕ...
Вот, не прошёл и год —
нас уже ТРОЕ
СОЛНЫШЕК!
Черёмушки ветка,
наша соседка,
на ней столько солнышек
с глазами недрёмушкиными...
АУ! УА!
Ты да Я — ДАО... ДВА...
Мы же с тобой
целых два
СОЛНЦА!
Надо же... Ты и Я...
Неопалимая Купина,
ВЯЗЬ ЯЖЬЯ,
ЛЕБЯЖЬЯ...

Владимир ЛАЗАРЕВ

**ДЫХАНЬЕМ
РОДИНЫ
ЖИВЁМ**

Стихи

В ПРИТИХШЕМ САДУ

В эту пору в притихшем саду
Не нужна разухабистость песен.
Краски осени больше в ходу.
Мир природы по осени тесен.

Молодую утратил я прить,
И пора эта стала любима,
Но душа не успела остыть,
Ей милее букет из рябины.

Дорог вид золочёных берёз.
Я теперь на другое надеюсь:
Вместо страстных мальчишеских грёз
В твоих искорках глаз отогреюсь.

На сегодня безоблачна синь.
Нет, не всё раздарил сад осенний.
Вместе с песней вещуний-синиц
Мне ниспослано вновь вдохновенье.

ДЫХАНЬЕМ РОДИНЫ ЖИВЁМ

Я в свете призрачном рассвета
Сюда стремлюсь издалека,
И только здесь хочу, не где-то,
Водой умыться Родника.

** Редакция журнала «Сура» поздравляет Владимира Лазарева с юбилеем, желает здоровья и творческих успехов.*

Давно развеяны сомненья,
Что так же жизнь, как и река,
Чьё бурное влечёт течение,
Берёт начало с ручейка.

Нас разметала жизнь когда-то,
Но все удобный случай ждём:
Никак не можем без возврата —
Дыханьем Родины живём!

* * *

Мои строки просты и не броски.
Их значенье — любить, не крушить.
Это жизни моей отголоски,
Из-за них лишь и стоило жить.
Я доволен своею судьбою,
Хоть спешил мотыльком на огни,
Верным был я с друзьями, с семьёю,
Испытал половодье любви,
А в минуты мятежных волнений
Черпал свежесть родных родников,
Путы рвал своих ложных сомнений...
Жить и мыслить я снова готов.

ФОТОГРАФИИ ДЕТСТВА

Фотографии детства
Будоражат сердца,
Это в прошлое бегство —
Нет у детства конца.

Кадры с виду не броски,
Но они для меня,
Словно зорь отголоски.
Вновь запела струна.

Снова памятью греюсь.
Вот заветный лужок...
Там уже не надеюсь
Сделать первый шагжок.

НА ЛАВОЧКЕ

Солнце спряталось в балочку.
Отпалила жара.

Двух старушек на лавочке
Вижу я у двора.

Там по-прежнему милая
Деревенская сень.
Прикрывает, как крыльями,
Палисада сирень.

Им всё кажется, видится,
Да и слуха-то нет.
Чуть что скажешь, обидятся —
Вздых услышишь в ответ...

Хорошо им на лавочке
Посудачить вдвоём.
Про былое их сказочки,
Говорят о своём.

.....
На погосте те бабушки
Свой ведут разговор.
И опять они рядышком.
Заскучал старый двор.

Всё до боли приметное:
Участь всех деревень,
Где везде есть заветные
И скамья, и сирень.

БЫЛО

Я вновь среди сельских ребятишек —
Во сне вернулся в лоно лет.
Ту жизнь я знаю не из книжек,
Ведь давненько в званье «дед».

И позабудется едва ли
С дымком картошка на костре,
Как с пылу, с жару уминали
Её чумазой, в кожеуре.

А если был лучок в кармане,
Считалось: это пир горой!
И хлеб, поделенный с друзьями,
Был самой дивною едой.

То было с нами, а не с кем-то.
И не придуман мой рассказ.

Взлетали искры в бабье лето...
Так ясно вижу, как сейчас.

Что вокруг нас гуляло лихо,
Детьми познали мы сполна.
Война в сердцах наших не стихла,
Гремит набатом тишина.

ОСЕННИЙ МОТИВ

Пора блаженная в саду —
Округа дышит тишиною.
Я разговор с землёй веду,
Любуюсь зрелой красотою.

Поверхность прячу в глубину,
Чтоб крепче ей спалось зимою.
Отходит, милая, ко сну.
Мы снова встретимся весною.

Так трудно чувства передать!
Листва, на грядки падай, падай,
Пусть будет полной благодать.
Укрой взрыхлённое лопатой.

Когда проклюнется трава,
Поманит снова сад прохладой,
Вновь распушатся деревья,
А жизнь наполнится отрадой.

ДАРЫ УРОЖАЯ

Украсили полки дары урожая.
Квохчет в углу молодое вино.
Не наступила пора дождевая,
Настежь распахнуто в осень окно.

Листья, как искорки бабьего лета,
Золотом сорятся с веток берёз.
Вечная тема певцов и поэтов —
Время признаний и свадебных роз.

Клик журавлиный летит на прощанье...
Сердце в тревоге застынет на миг.
Видю в природе следы увяданья,
Всё мне понятно, но духом не сник...

Екатерина ЗОЛотова

ПОТЕРЯННАЯ ПЕСНЯ

Рассказ

Утро выдалось чудесным, тёплым, но без летнего зноя. Кучерявые, словно взбитые сливки, облака рисовали на небе причудливые узоры и фигуры. Ветерок трепал верхушки вековых сосен и изредка долетал до Петра Ивановича, шевеля седые волосы. Старик медленно шёл по тропинке, в одной руке была плетёная корзина, в другой — резная палка. Последний месяц вновь разболелись суставы, делая каждое движение мукой, а бездействие — их удручающим ожиданием.

— Всё, ироды, потоптали, — проворчал он в адрес дачников. — Что не соберут, то вырвут.

Ему приходилось идти всё дальше от деревни, туда, куда пришедшие люди не совались. Здесь лес переставал быть редким и безопасным, переходя в настоящую тайгу, где малая часть солнечных лучей пробивалась сквозь густую крону, а в зарослях кустарника находила дом и угощение разная живность. Пётр Иванович как никто другой знал эти места. Его дед и отец были лесничими, он и сам в юном возрасте твердил, что пойдёт по стопам предков. Жизнь распорядилась иначе. Грянула война, уводя его из родных мест, заставляя пережить ужас, боль, потери и томительное ожидание, граничащее с верой в чудеса, что всё окажется лишь страшным сном. Реальность была невыносима, он видел, как умирали сослуживцы и друзья, испытал голод и холод, когда валенки примерзали к ногам, чувствовал гнев и бессилие, глядя на сожжённые деревни и в глаза покалеченных людей. Тяжелое ранение он воспринял как подарок судьбы, год он пролежал на больничной койке, учась заново жить. В этом ему помогла Надежда. Прекрасный ангел в белом халате с грустными карими глазами и нежной улыбкой.

Пётр Иванович тяжело вздохнул, вспомнив свою любимую жену. Надежда Николаевна покинула этот мир прошлой осенью, ровно год

назад. Сегодня он хотел насобирать грибов и сварить суп, который она считала лучшей едой на свете.

Он шёл, всё дальше отдаляясь от деревни. Лес щедро вознаграждал своего верного поклонника, позволяя найти то полянку с маслениками, то белые грибы, то подосиновики. Синявки Пётр Иванович тоже срезал и аккуратно складывал в корзинку, считая, что негоже выбирать из даров.

— Ох ты, боже мой, и тут насвинячили, — возмутился он, увидев кучу синего тряпья с вышитыми странными вензелями.

Неожиданно та зашевелилась и издала тоненький писк.

Пётр Иванович нахмурился и, наклонившись, стал осторожно разворачивать ткань. Скоро перед его изумлённым взором предстал ребёнок.

— Ёшки-матрёшки, — только и смог вымолвить он, глядя на страшную находку.

Девочке было от силы месяц отроду, её кожа имела какой-то неприятный сине-зелёный оттенок, а черты лица были непропорциональные и поэтому пугающие — глубоко посаженные большие глаза, курносый нос с десятикопеечную монету, рот словно шрам, тянувшийся почти от уха до уха. Дед перекрестился и осторожно дотронулся до ребёнка:

— Не повезло тебе... Ну ничего, я тебя в обиду не дам.

Ярко-зелёные глаза девочки сфокусировались на нём, а через секунду раздался душераздирающий плач.

— Что же делать-то? — пробормотал он, инстинктивно беря ребёнка на руки и прижимая к себе.

Опыта общения с младенцами у Петра Ивановича не было. Бог дитя не дал. Надежда Николаевна сильно переживала, бегала сначала в церковь да молилась о чуде, потом вера её поуххла и обратилась она к знахаркам. Последние пичкали её разными отварами, да без толку. После принятия горя пришло смирение. Они научились радоваться той жизни, которая дана, и не роптали на судьбу.

Малышка успокоилась, и Пётр Иванович решил её перепеленать, чтобы удобнее нести домой. Кожа ребёнка, несмотря на необычный цвет, была самой обычной, нежной, гладкой и тёплой. Ручки, ножки тоже в норме, а на спине...

— Едрить налево, — только и смог выдать дед, уставившись на три пары прорезей. — Это что, жабры? Кто-то, видно, сильно согрешил, что такое чудюдо родилось... Не бойся, вместе не пропадём, — сказал Пётр Иванович, глотая вставший в горле ком.

* * *

Пётр Иванович лежал на печке, грея разболевшиеся суставы. Сегодня ему было особенно худо, сердце пошаливало и ныло, да и старые болячки никуда не делись, портили оставшиеся крохи жизни. Он боялся смерти, как никогда раньше. Что будет с Машей, если его не станет? Кто будет ей на ночь запол-

нять кадку колодезной водой и рассказывать сказки, каждый день защищать от людской злобы, баловать и уму-разуму учить?

За окном отступали сумерки, шёл снег, а в доме царили расслабляющее тепло и запах гречневой каши.

— Дедушка, ты спустишься завтракать или тебе сюда подать? — раздался звонкий голос.

Он улыбнулся и ласково ответил:

— Машуля, я ещё не совсем развалина, слезу, и будем с тобой чаевничать.

— Ты у меня как Карлсон, мужчина в самом расцвете сил, — рассмеялась восьмилетняя девчушка.

Спуск дался тяжело, он скрипел зубами, но продолжал медленно двигаться. «Скоро я встречусь с тобой, моя любимая Надежда... Только вот на кого я оставлю дочку? Народ злой, задразнят её или вовсе со свету сживут, — Пётр Иванович нахмурился и сжал кулаки. — А что, если попросить Ефима? Он, конечно, любит выпить, но человек добрый, совестливый. Тем более, он в прошлом году стал вдовцом. Моя Машулька враз снимет печаль. Она шустрая, глаз да глаз за ней нужен, и отзывчивая, иногда прижмётся к груди, и все невзгоды отступят. Дом у него, ещё пуще нашего, в самом лесу стоит, поэтому любопытных там мало шастает. Решено, пойду обговорю. Если сладится, то с сердца камень падёт».

— Папа, а когда мне можно будет за ограду выходить? Ты каждый раз говоришь, что на следующий год, а потом на следующий, и так постоянно, — спросила Маша и внимательно следила за его лицом своими большими изумрудными глазами.

— Понимаешь, доченька, — начал Пётр Иванович разговор, который слишком долго откладывал. — Ты у меня особенная...

— Ты это про жабры? И цвет кожи? — перебила его девчушка.

— Никогда не перебивай старших, — грозно сказал он. — Дело не только в телесных отличиях, ты и в душе другая, чем остальные люди, в тебе свет горит.

— Как лампочка или свечка?

— Маша! Я что тебе говорил?

— Прости, папочка, больше не буду.

Он кивнул и продолжил:

— Тебе нельзя выходить за ограду в целях безопасности. Понимаешь?

Девочка удручённо кивнула и попросила:

— Тогда купи мне музыку, чтобы я петь могла, и книг побольше.

Пётр Иванович кивнул и подумал: «Петь она мастерица. Голос чист, как горный ручеёк, и силён. У меня даже прабабка так не могла, хотя и в городской опере выступала... Куплю ей радиомангнитулу. Сосед Егорыч мне это чудо техники показывал. Забавная вещица, там и радио есть, кассеты

крутит и маленькие пластинки проигрывает. Не скучно будет дочке. Книг из библиотеки натащу... Вот только по деревне много пересудов ходит: кто вырытый чересчур широкий колодец обсуждает, кто небылицы про меня да про ребёнка сочиняет. Шило в мешке не утаишь. Хорошо, все знают про непутёвую племянницу и без труда поверили в историю о том, что она родила уродца и мне подкинула. Противно наговаривать на родственницу, но правда у местных жителей массу вопросов вызовет, да и забрать Машеньку могут, — последняя мысль вызвала резь в глазах. — Совсем я на старости лет хлюпиком стал. От одних только дум мокротень развожу, а раньше нервы кремь были».

* * *

Петра Ивановича не стало следующей зимой. В один из холодных снежных дней он просто не проснулся, отправившись на свидание к своей ненаглядной Надежде. Маша проплакала целые сутки, не вылезая из своей большой кадки, сделанной отцом рядом с печкой. Иногда, когда боль и тоска переполняли её настолько, что рвались наружу, она всплывала к поверхности и тихо пела. В тот момент ветер особенно сильно завывал за окном, а свеча на столе горела ярче... Наутро, как только чуть рассвело, Маша решила, что горе слёзы не смоят, а папу надо похоронить, и пошла к Ефиму Максимовичу, обещавшему в случае чего помочь. Она закуталась так, что почти не было видно лица, лишь глаза печально смотрели на мир. Как она будет без единственного близкого человека? Без его любви и тепла, без доброго слова и мудрых советов. Маша ничего не знала об окружающем мире, папа оберегал её от всего. Она даже в школу не ходила. Отец как-то договорился. Директор ближайшей поселковой школы один раз приезжал, посмотрел на неё и разрешил домашнее обучение... Маша никогда не рассказывала папе о своих вылазках за ограду, о тех словах, которые звучали ей вслед, и камнях, летевших в спину. Она не понимала: почему дети такие злые и не хотят с ней играть? Её одушиной были музыка и книги, особенно Маша любила слушать классические произведения в исполнении оркестра и читать фантастику.

Дом Ефима Максимовича она отыскала без проблем. Отец дал точное описание: у самого леса, высокий синий забор, серая крыша, могучая ель рядом с калиткой. Маша неуверенно потопталась, затем постучала и толкнула дверь. Закрыто.

— Ефим Максимович! — сначала тихо, потом громче позвала она.

Тишина. Внутри неё поднималась паника, Маша заозиралась по сторонам. Она не хотела привлекать лишнее внимание. Отец приучил её бояться людей, и в мимолётных встречах с ребятами она могла убедиться в их беспричинной жестокости.

— Ефим Максимович! — вновь закричала Маша, вложив в свой голос скопившуюся грусть, надежду и страх.

Воздух рядом с ней всколыхнулся, а лучи холодного солнца отразились, словно на поверхности мыльного пузыря. Маша не успела удивиться, как хлопнула дверь и раздался недовольный бас:

— Кто так с утра голосит?! Кого нелёгкая принесла?

Она слышала тяжёлые шаги и явственно ощущала недовольство. Маше захотелось развернуться и убежать прочь, спрятаться в родном доме... Но там остался мёртвый отец, который должен быть похоронен. «Он хотел лежать рядом со своей Надеждой. Я должна исполнить его последнее желание», — подумала она и отозвалась:

— Это Маша... Мне нужна ваша помощь.

Калитка распахнулась, на пороге появился Ефим Максимович. Грузный мужчина лет пятидесяти с седыми всклокоченными волосами и отталкивающим запахом перегара. Маша отступила на несколько шагов. Сейчас он показался ей страшным существом, похожим на лешего.

— А, это ты, цветик. Что надо? — спросил Ефим Максимович, широко зевнув.

С бодуна ему соображалось худо, а во рту было вообще погано, словно кошки нассали.

— Папа умер, — еле слышно сказала Маша и горько расплакалась.

— Вот беда, — выдохнул он. — Я сейчас быстро оденусь, и пойдём. Держись, малышка.

Виделись они с Машей за прошедший год довольно часто и смогли подружиться. Пётр Иванович как чувствовал стоящую на пороге смерть, поэтому и приглашал его в гости, чтобы познакомить с девчушкой. Её внешность, конечно, шокировала, Ефим в первый раз даже перекрестился от неожиданности, а потом как-то обвыкся и даже заметил, что Маша добрая и услужливая... С тех пор Пётр Иванович стал чаще приглашать его то на чаёк, то на свои фирменные настойки, ненавязчиво рассказывая об особенностях Маши: как воду на ночь готовить, какие её любимые блюда, увлечения, что от людей беречь надо да летом на рассвете и закате на речку водить.

Похороны состоялись на третий день, приходили какие-то люди, не столько проститься с Петром Ивановичем, сколько поглазеть на его диковинную воспитанницу. Маша пряталась за спиной Ефима Максимовича, ежилась от любопытных взглядов и чувствовала, что всё внутри неё застывает. Как она будет жить без папы?

— Маша, пойдём ко мне. — сказал Ефим Максимович вечером, когда все разошлись. — Я обещал Петру Ивановичу о тебе заботиться... Да уже и сам душой прикипел. У меня дом большой, у тебя своя комната будет. Старый чан из бани приволоку, а потом новый сколочу. Я ведь раньше на все руки мастер был.

— Нет, простите, не могу я бросить дом. Он ведь тоже осиротел. Это будет предательством, — еле слышно сказала Маша, опустив голову.

— Глупости! — возмутился Ефим Максимович. — Это просто дом.

— Всё в этом мире живое.

Он спорить не стал. Пусть считает как хочет, ребёнок же. Он и сам в детстве верил в инопланетян, магию и верную дружбу.

— Машуль, подумай, ну как ты тут ночью одна? Не упрямясь, пойдём со мной.

Она покачала головой и отступила в глубь комнаты, словно боялась, что её потащат силой.

— Будь по-твоему, цветик, но знай, я всегда тебе рад, — вздохнул Ефим Максимович и с тяжёлым сердцем ушёл домой.

Дни тянулись за днями, проходя в бытовых заботах. Маша стала маленькой хозяйкой большой избы. Ей приходилось не только делать привычную работу, но и ходить на колодец за водой, убирать снег, топить печь. По ночам, когда тоска по отцу становилась невыносимой, Маша пела его любимые песни и любовалась на маленький яркий огонёк, появляющийся из ниоткуда и исчезающий, как только она замолкала. Ей казалось, что это папа прилетает с небес, чтобы поддержать и исцелить от одиночества... Ефим Максимович, конечно, не переставал уговаривать Машу переехать, ругал за упрямство, но затем смирился с её решением и брался помогать управляться с делами. Маша больше не видела его пьяным, и таким он напоминал ей отца. Он тоже был добрым и одиноким.

— Цветик, я пойду. Завтра после работы к тебе загляну. Напиши мне список, что купить нужно.

Маша кивнула и ушла выполнять поручение. «Беда сделала её взрослой, — подумал Ефим Максимович. — Хорошо ещё, что Пётр за год до своей смерти смог оформить на себя ребёнка. Не знаю, как ему это удалось и чего стоило. Зинка-кассирша говорила, что он все деньги с книжки снял... Главное, у Машки появилось свидетельство о рождении... Теперь мне придётся пороги чиновничьих кабинетов обивать и опеку оформлять». Ефим скривился. Один раз судьба сводила его с работницей социальной службы. Злая худышка проверяла семью его друга и установила, что они недостойны воспитывать двойняшек. Видите ли, они мало зарабатывают, суп и пюре с котлетой вчерашние, из фруктов только яблоки, на полу пыль, а если верить словам соседей по коммуналке, так ещё и по ночам шумят да выпивают... Только чудо — точнее сказать, беда (инспекторша тем вечером под машину попала) — спасло их от потери детей.

Правду о появлении девочки Ефим Максимович узнал не сразу, сначала довольствовался историей о непутевой племяннице. Потом не раз задавался вопросом: кто мог выкинуть странного ребёнка? За деревенских он ручался, не из-за уверенности в их огромной нравственности и щедрости души, а потому что в то время баб на сносях не видел. Дачников за последние восемь лет у них порядком завелось, вся верхняя улица. Деревенские к их делам очень ревностно относились, постоянно судачили, кто и где строит, что садят, как одевают-

ся. Сомнительно, чтобы кто-то смог утаить беременную. «Интересно, откуда же ты взялась, цветок?» — в который раз подумал он.

— Вот, возьмите, дядя Ефим.

Он посмотрел написанный Машей список, кивнул, ещё раз наказал закрыть за ним калитку и обязательно накинуть крючок на дверь в дом, когда стемнеет. Уже две недели девочка оставалась ночевать одна, а ему до сих пор было не по себе оставлять её здесь.

— Всё хорошо, не волнуйтесь, — сказала Маша, словно прочитав его мысли. — Дом меня оберегает.

Помахав на прощание рукой, она закрыла калитку. Ей действительно почти не было страшно. Она не боялась монстров, прячущихся в темноте, а вздрагивала от людских голосов, раздающихся близко с её убежищем.

Маша почти уснула, когда услышала осторожные шаги рядом с домом. Она быстро встала с кровати и юркнула под стол, накрытый большой бежевой скатертью, спускающейся до самого пола.

— Окружаем, — прошипел смутно знакомый голос.

Она вздрогнула, вспомнив, что это Генка, тот самый заводила, который всех подстрекал кидать в мутантку камни и комья грязи.

— Давай подождём ведьму! — говорил кто-то второй.

— Нет, нам потом за это такое устроят, — опасливо шептал третий парень.

— Не ссы. Как они узнают? — сплюнул четвёртый.

— Давайте разобьём окна!

— Нет. Мы пришли её предупредить, чтобы она убиралась отсюда, — сказал Генка. — А если не поймёт, тогда и будем действовать более жёстко.

Маша сжалась от страха и боялась даже дышать: «Что я им сделала? Хорошо, что я не забыла закрыться на крючок, иначе бы они меня убили». Слёзы катились по её щекам, но она изо всех сил сдерживала всхлипы.

Парни уже не шептались, а кричали разные гадости и пожелания, куда и каким образом ей убраться, ярко описывали, что с ней сделают в противном случае. С каждым новым выкриком их голос звучал увереннее и злее. Маша с силой зажмурила глаза и закрыла уши руками. Она старалась не слушать, но слова, как гадюки, пролазили в сознание и кусали, кусали, впрыскивая яд, отравляющий душу. «За что вы так со мной?! Прекратите!» — мысленно кричала Маша. — Папа, помоги! Mamochka...» Вдруг её голову пронзила резкая боль, казалось, она больше не чувствовала тела. Мир взорвался миллионами огней, и зазвучала музыка. Она была такой грустной и возвышенной, что Маша заплакала сильнее, изливая свои горести. Постепенно ритм изменился, мелодия стала жестче, агрессивнее. Она побуждала стать сильной, бороться с обидчиками и невзгодами, никогда не сдаваться и не жаловаться на судьбу. Маша не узнавала инструменты, удивлялась странному исполнению и диковинным звукам. Эта музыка была такой чужой и близкой одновременно... Маша сама не заметила, как запела песню, которую никогда не слышала. Незнакомые пе-

вучие слова вплетались в мелодию и устремлялись к небу. Лёгкий шёпот быстро перерос в сильное сопрано. Её больше не волновала кучка парней за окном, она перестала быть маленькой испуганной девочкой. Она узнала своё предназначение — вернуть в проклятый мир утраченную песню...

Воздух завибрировал, и пространство исказилось, формируя двухметровую трещину. Там светило синее солнце и колыхалась светло-зелёная трава, делая окружающий пейзаж похожим на морское дно. Маша запнулась, и песнь прервалась. Из излома на неё смотрела огромная, размером с лошадь, изумрудная ящерица с жёлтыми глазами, перечёркнутыми фиолетовыми вертикальными зрачками. На её спине и на кончике длинного хвоста был коричневый ряд шипов. Рядом с ящерицей стояла фигура, укутанная в чёрный плащ с капюшоном. Иномирязин поднял голову и посмотрел на девочку. Золотистая, будто светящаяся, кожа; хищные черты лица и глаза, в которых клубилась тьма с красной искрой. Он открыл рот, и раздалось шипение, которое странным образом в её голове преобразовалось в слова:

— Приветствую тебя, поющая песнь, — его мягкий шипящий голос обволакивал и заставлял довериться...

— Здравствуйте, — испуганно поздоровалась Маша.

В следующую секунду незнакомец оказался прямо перед ней, но грань не переступил.

— Глупый мир. Ты ему не принадлежишь, — сказал он, внимательно глядя в её глаза.

— Здесь мой дом, — прошептала Маша и опустила голову, желая спрятаться от пронизывающего взгляда существа.

— Нет, — усмехнулся он, а затем гневно зашипел: — Тебя посмели обидеть! Мерзкий никчёмный народец! — искра в его взгляде превратилась в пламя, которое вырвалось и переметнулось в комнату к девочке, превратившись в маленький огненный вихрь.

Маша заворуженно смотрела, как разгорается пожар: комната осветилась в багровый оттенок, пол начал обугливаться, белый дым поднимался к потолку. Страха почему-то не было. Ей всегда нравились природные неукротимые стихии: огонь и вода.

— Нет! — закричала Маша, словно очнувшись от транса. — Это же мой дом! Прошу, не надо!

Пламя застыло, а незнакомец задумчиво пробормотал:

— Странная ты, вяжешься за то, что тебе чуждо... Но у нас ценят носителей магии, особенно таких редких, как ты.

— Почему? — осмелилась спросить Маша.

— Высший дар — умение петь мелодии чужих миров. Ты уникальна... Пойдём со мной, — позвал незнакомец. — Здесь ты найдёшь то, что давно искала, сможешь научиться управлять своим проявившимся даром... Ну же, — он протянул руку девочке.

«Он не такой, как остальные люди. И я не такая... Но примут ли меня другие жители волшебного мира? Вдруг они тоже будут кидать в меня камни или что похуже? — подумала Маша. — И взгляд у него неприятный».

Заметив, что она попятилась, незнакомец недовольно зашипел и привёл последний аргумент:

— Развив дар, ты сможешь попасть в свой мир.

Маша замерла, поражённо глядя на того, кто озвучил её самую главную потаённую мечту. Ради неё она готова пойти хоть на край света и хоть с кем, преодолеть любые препятствия. Она решительно шагнула к незнакомцу. Тут же за её спиной расщелина стала стягиваться.

— Сжечь! — холодно приказал иномирнин замершему пламени.

Маша оглянулась, увидев, что огонь пожирает родные предметы. По её лицу вновь покатались слёзы: «Нет! Зачем? Я приношу только несчастья... Возможно, из-за этого от меня и отказались родители, отправив на Землю».

— Тебе надо учиться быть сильной. Я помогу. Отныне ты — моя воспитанница и ученица, — сказал тот, имени которого она даже не знала.

— А когда я смогу попасть в свой мир?

— Нетерпение — грех, — недовольно прошипел мужчина. — Всему своё время.

Ответ Машу не устроил, но поделаться она ничего не могла. Незнакомец вызвал в ней противоречивые чувства: с одной стороны, страх; с другой — непонятное доверие. Она чувствовала, что важна для него и он не причинит вреда. Хотя её беспокоили его истинные цели. Что он знает о её родине? Зачем ему её дар? «Я не позволю использовать себя во зло, — твёрдо решила Маша. — Я вырасту и стану такой, какой хотел меня видеть отец. Доброй, сильной, мудрой, понимающей и... счастливой». Она вновь ощутила непреодолимую потребность выплеснуть свои эмоции в песне. На дне сознания зазвучала печальная и одновременно светлая мелодия прощания.

* * *

Ефим Максимович сидел около окна, на душе скребли кошки. Предчувствие острыми когтями сдавливало сердце. «Зря я оставляю её одну. Она такая ранимая и беззащитная, а ещё чересчур упрямая», — подумал он, смотря на тьму за окном. Вдруг Ефим вздрогнул, ему показалось, что вдалеке, там, где стоял дом Петра Ивановича, мелькнуло пламя.

— Нет! Только не это! Машенька! — бормотал он, как заведённый, быстро одеваясь и выскакивая на улицу.

Недалеко от дома Петра он столкнулся с бегущими куда-то подростками с Генкой во главе. Скучный свет фонаря отразил их бледность и страх. «Опять набедокурили, нехристи, — автоматически подумал Ефим Максимович. — Мало Егорыч порол своего сына». Потом все мысли пропали, он увидел красное за-

рево... Когда Ефим подбежал, ничего уже нельзя было сделать, дом был весь объят огнём. Языки пламени жадно облизывали дерево, вздымаясь к небу.

— Машенька! — взвыл он, падая на колени. — Не уберёт, старый козёл...

Он не чувствовал холода, медленно сковывающего его тело, не замечал бега времени. В его жизни было столько смертей: отец погиб на фронте, мама сгорела от рака, сын утонул, когда ему только исполнилось шесть лет, жена подхватила пневмонию и два года назад умерла, оставив его совсем одного. За что ему эти ужасные испытания? Он сильно не грешил, работал не жалея себя... Ефим целый год топил боль в водке, но Пётр Иванович и Маша вернули его... И вот теперь и их не стало. Зачем ему оставаться на этом свете?

В эту самую минуту ему послышалась грустная музыка и чей-то прекрасный голос. Его сердце замерло от восторга, мир вновь обрёл краски.

— Это же голос Маши! — воскликнул Ефим Максимович, вскакивая на ноги. — Она жива! Но как? Это невозможно.

Неповторимые переливы мелодии и голоса просачивались в его душу, заживляя раны и давая надежду на будущее.

— Спасибо, цветик, — пробормотал он, смахивая слёзы. — И ты будь счастлива, где бы ты ни была!

* * *

Весной на месте сгоревшего дома взошли невиданные побеги тёмно-фиолетового цвета с мясистыми листьями. Сперва предприимчивые местные пробирались туда да выкапывали диковинку, чтобы продать в селе, но после того, как у них по телу пошли синие пятна, перестали. «Проклятое место», — твердили они. Большинство жителей деревни с радостью поддакивало: «Ведьмин огород. По ночам там странная музыка звучит. Видимо, шабаш». Ефим Максимович лишь усмехался в усы и не спорил. Ему листья тех побегов лучше всех лекарств помогали, а музыка душу лечила. «Не забывает меня Машенька», — с теплом думал он, глядя в небо.

Генка со своей шпаной тоже вспоминали девчонку, но не по своей воле. Снилось она им и грозила наказанием, если не перестанут творить злые дела. Один раз они сговорились, взяли канистру солярки и пошли очищать «проклятое место». Только вот иномирные побеги совсем не боялись огня, наоборот, ожили, потянулись к жаркому пламени, разрастаясь прямо на глазах застывших от ужаса подростков. С той ночи у каждого из них на правой руке остался ожог в форме листа, а в сердце страх неминуемой расплаты.

Владлен ФЕДОСЕЕВ

**Я —
ИЗ ПЕНЗЫ**

СТИХИ

НОВОГОДНИЙ СНЕГ РОССИИ

На дорожки уснувшего парка
Наметает сугробы метель —
Снег, что нынче дорожке подарка,
Новогоднюю стелет постель.

Вспыхнут звёздочки в ёлочных лапах,
Будут дети у ёлки играть.
Нас с тобой мандариновый запах
Унесёт в страну детства опять.

В той стране ещё будут живые
Те, о ком память нам дорога...
Ах, какие мы там молодые,
И какие там были снега!

Пусть метель не жалеет усилий,
Заметая невзгоды в судьбе, —
Белый снег, покрывало России,
Как соскучились мы по тебе!

ФУГА НАД СУРОЙ

Стоит над Сурой деревушка,
Июльский закат за рекой...
Родительский дом, как старушка,
Подпёрся слеглой, как клюкой.

ВЗГЛЯД

117

Сижу на родимом крылечке.
Здесь не был я с тех похорон,
А мне ветерок из-за речки
Доносит малиновый звон.

Пора собираться уж на ночь,
Но вижу: идут от реки
Друзья Николай и Степаныч.
— Зайдите ко мне, мужики!

Прошли они тропкой знакомой,
С трудом одолев косогор.
Принёс я бутылку из дома,
Степаныч достал «Беломор».

И льётся беседа небыстро,
Вдруг слышим: играет орган, —
А это мой старый транзистор,
Такой же, как мы, ветеран.

Объявлена диктором fuga,
Знакомая мне с давних пор,
И стихла родная округа,
Прервался и наш разговор.

Летят величаво и просто,
Нарушив сердечный покой,
Аккорды над тихим погостом,
Над храмом в селе за рекой.

И в сердце тоска беспричинна,
Душа на изломе, а в ней
Горит, догорает лучина,
Ямщик погоняет коней.

Душа — как открытая рана.
Прости нас, Господь, и спаси!
Нам звуки чужого органа —
Как звон колокольный Руси.

...Молчат на скамеечке трое,
Цigarки зажаты в зубах.

Негромко звучит над Сурую
Иван Севастьянович Бах.

В ПОДЗЕМНОМ ПЕРЕХОДЕ

В морозной мгле так были зыбки
Огни реклам, машин, быстро...
Вдруг я услышал голос скрипки
В подземных подступах к метро.

В волненье, вглядываясь зорко,
Я разглядел в толпе людей
И девушку-консерваторку,
И чемоданчик перед ней.

Студил крещенский холод руки,
Но голос скрипки не глушил:
Лились пронзительные звуки,
Как слёзы светлые души.

Куда ж они тебя загнали,
О мой талантливый народ!
Играть бы ей в концертном зале,
А здесь — в метро подземный ход.

...Иду в сердечной непогоде,
И душу холодом знобит,
А мне навстречу в переходе
«Романс» Свиридова звучит.

НАИСКОСКИ

Светлой памяти бабушки Дарьи Петровны

Как хорошо, что все дела в порядке!
В места родные поезд мчит, спеша,
И вот стою у старенькой оградки,
В своей душе былое вороша.

...Зима, мороз, страна лежит в разрухе,
Полгода, как закончилась война.

Вдруг ночью в нашем доме-развалюхе
Обрушилась кирпичная стена.

Я помню, как от холода нас било,
Мороз раздетых брал в свои тиски,
А бабка с плачем:
— Я ж вам говорила,
Что щель в стене пошла наискоски!

Вот так, среди зимы лишив нас дома,
Судьба семью всю нашу развела
По родственникам дальним, по знакомым —
Как мы тогда дожили до тепла?..

Ну а потом, когда ушло несчастье
И с бабушкой вместе жили мы опять,
«Наискоски» звучало в доме часто:
Ей это слово нравилось, видеть.

Бывало, спросишь у неё про Колю,
С которым в школе были мы близки,
Она ответит мне, махнув рукою:
— А он вот так пошел, наискоски.

Стою у скромной пензенской могилы,
Мне годы жизни серебрят виски...
Скажи, родная, где взять внуку силы,
Когда весь мир пошёл «наискоски»?

* * *

Светлой памяти деда Филиппа Митрофановича

В родимых пензенских местах
Я снова сердцем и душою...
От Пензы в тридцати верстах
Село стояло над Сурую.

И в том селе родной мой дед
Крестьянствовал перед войною;
На фотографии тех лет
Он, как живой, передо мною.

Не спорил сроду с бабкой он,
Дед перед ней стелился травкой,
А водку или самогон
Он прятал в валенок под лавкой.

Стаканчик пропустив с утра,
Чуть повернётся бабка к печке,
Вершил легко он все дела —
Как будто Богу ставил свечки.

И, съездив за дровами в лес,
Управившись с работой ловко,
Дед в валенок подшитый лез
За потаённой поллитровкой.

Я пензенской основой горд,
И стройность сохранил, и резвость,
Но вот жена который год
Ведёт со мной борьбу за трезвость.

Жена — серьёзнейший вопрос,
Дела вести с ней надо тоньше,
И вот я валенки принёс
С базара, на размер побольше.

Мой старый друг меня спросил:
— Ты что как деревенский лапоть?
Зачем ты валенки купил?
— Ну как зачем? А водку прятать?

Я — ИЗ ПЕНЗЫ

Забыть родную речку не могу,
Что в берег бьёт негромкою волною.
Я здесь, на этом сурском берегу,
Родился перед самою войною.

О, зарево великих горьких лет!..
И мой земляк, исполненный отваги,
Оставил на земле победный след
И надпись: «Мы из Пензы!» на рейхстаге.

Меня с тех давних, самых юных лет
Родная Пенза, словно мать, растила,
И вот в московский университет
Меня шестая школа проводила.

Как от меня те годы далеки!
Промчался век двадцатый, словно всадник,
Исчез тот дом на берегу реки,
Где под окном в сирени палисадник.

Теперь я самый старший из родни...
Как хорошо, ещё остались силы!
И я опять выкраиваю дни,
Чтоб навестить родимые могилы.

Припомню дедов палисад резной,
Что сердцу моему так мил и дорог,
И, время выбрав, раннею весной
Опять приеду в мой любимый город.

И будет снова над Сурой рассвет,
Земля проснётся после зимней спячки,
И мне опять про восемнадцать лет
Споют мои красивые землячки.

Свиданье с Пензой — лучше нет поры,
Куда б ветра судьбы ни заносили,
Ведь для меня нет Волги без Суры,
И для меня без Пензы нет России.

Ольга ТОКАРЕВА

**Я ТОЛЬКО
ЛИСТ
НА ДРЕВЕ
ЖИЗНИ**

Стихи

СНИМКИ ДЕТСТВА

Дождями и каплями размыты,
В прошедшем веке, может, затерялись
Цветные снимки детства, где ракиты
Мне, маленькой, атлантами казались.
Где два земных нежнейших херувима
(То бабушкины руки) согревали,
В любовь и ласку кутали незримо,
От грусти заслоняли и печали.
Был старый сад и тётино варенье,
С крапивой суп, лучистый майский ливень.
Мир детства грел, нёс радость, упоенье,
Там день казался бесконечно длинен.
Листалась жизнь, как красочная книжка,
Сплеталась из открыток, снов и сказок.
Куда ушёл мой добрый старый мишка?
Куда исчезла фея из раскрасок?
Уж срублен сад, снесён чулан в гостинной —
Предел мечтаний маленькой кокетки,
Где мамыны наряды из поплина
Пылились — жертвы моды-однордневки.
Банты, тесёмки, кружева и гребень,
А утром — в садик с ранней электричкой...
Всё промелькнуло, словно быль и небыль,
Ну где теперь та девочка с косичкой?..

ОСЕННЯЯ ЭЛЕГИЯ ПЕЧАЛИ

Тело мёрзнет, струной натянувшись,
А душа облетела, как сад,

По-осеннему горько вздохнувши
Под дождём из прошедших утрат.
Тюль тумана накинув на плечи,
Я бреду по шафранной листве.
Моё сердце никто не излечит,
Тонет взгляд в ледяной синеве.
И плывут облака, словно волны,
Словно белые птицы тоски.
В чёрных фраках виднеются кроны
И рябины кровавой мазки.

В ДОЖДЛИВУЮ НОЧЬ

Мои бессонницы рисуют сеть морщин,
И гасит блеск в глазах хандра немая.
Быть может, для печали нет причин?
Себя не переделать! Понимаю...
Какая странная, невольная тоска,
Как будто астры завтра отцветают.
Чего я жду? Не ведаю пока...
Чего хочу? Лишь смутно понимаю...
Вновь георгины пламенем горят!
Но мокнут под дождём, продуты ветром...
Не признают осенний листопад...
Наивно верят, что вернётся лето.

СУМЕРКИ ГОДА

Земля в ожидании снега застыла,
Предчувствуя холод, немилость зимы.
Ноябрь бездорожья разводит чернила,
Поёт погребальные лету псалмы.
С небес Скорпион сеет зло саркастично...
И волны зонтов по проспектам бегут.
Туманно и мрачно, дождливо, готично.
В оправе раки стынет мраморный пруд.
Ноябрь — вампир. Пьёт последние соки
И куцую жизнь добивает вокруг..
Мы в сумерках года сильнее одиноки,
И тягостней боль предначертанных мук...

МАКИ

Маки жгут бледность утра.
Хризантемное солнце
Жёлтым всходит соцветьем.

Листья роз в перламутре
Нежно трогает ветер.

Васильковые слёзы
Растеклись по долине.
Душно пахнут мимозы
Терпкой нотой полыни.

ФИОЛЕТОВЫЙ ВЕЧЕР

Фиолетовый вечер густой растекается тушью.
Серебрится луна между пиками сумрачных гор.
Солнце в море ушло, и жара исступленно не душит.
Гиацинтовым шлейфом окутан лиловый простор.

Звёзды падают в воду — миражная россыпь жемчужин
По волнам проплывает, двоится, дрожит и блестит.
Лес на скалах вдали живописно размыт и воздушен.
В изумрудном тумане макушки ветвистых раakit...

Запыляет закат сердоликом пурпурным над морем,
Разметает по небу неровные блики-мазки.
Галька тихо вздохнет под пронзительно тёплым прибоем,
И зажгутся вдали путеводной звездой маяки.

МОРСКАЯ РАКУШКА

Васильковое небо ныряло в лазурное море.
Сверхъестественно волны искрились гирляндами страз.
Облака снеговые сплетались в винтажном узоре.
Раскалённое солнце слепило оранжевый пляж.

В золочёном песке затаилась морская ракушка,
В ней живёт Мирозданье, свернувшись в слезинку дождя.
Там века шелестят и вздыхают ушедшие души,
Тихо шепчутся тайны, загадки и сны бытия.

ВСЕЛЕНСКОЕ ОДИНОЧЕСТВО

На оси параллелей Вселенной
Мы лишь точки из звёздной пыли,
Мы флюиды, крупинки мгновений,
Обреченные на бессилье.
Одиноко. И даль Абсолюта
В ледящих просторах межзвёздных.
Ощущая свою неприютность,
Нам друг друга найти невозможно...
Вновь развеет кармический ветер
Души, словно песчинки в пространстве.
Вечность нас заберёт в свои сети,
Растворит в невесомом царстве.

ЦВЕТОЧНЫЙ НАТЮРМОРТ

А розы сливались с прохладой весеннего утра
И капали краской на старый цветной гобелен.
Тюльпаны атели, лимонная нежилась рута
В карминном рассвете, и грустно вздыхала сирень.
Играли на солнце, дрожали волной полутени,
Лиловые блики в шафранных пестрели тонах.
Медовая охра распалась на море свечений.
А утро тонуло в беспомощно-хрупких цветах...

ЭКЗИСТЕНЦИЯ

Я только лист на древе жизни,
И солнцу рада, и дождю.
Я всё приму без укоризны:
И дружбу с миром, и вражду.

Я только лист. Невольно к свету
Тянусь под куполом небес,
Люблю закаты и рассветы,
И моря шторм, и тихий плеск.

Я только лист на древе жизни,
Смотрю на землю с высоты.
Я опаду в осенней тризне,
Уйду в безгрешность пустоты.

Нина БОГДАШКИНА

**У РОДНОГО
СЕЛА**

Стихи

СТАРЫЙ ХРАМ

Три покосившихся двора,
Досками окна заколочены:
Здесь не гоняет детвора,
Собаки редко будят ноченьки.

Смиренно доживают век
Здесь одинокие старухи,
И старый храм — свидетель вех —
С годами движется к разрухе.

Погост понурый. Где-то там
Сирень буянит по-весеннему,
И вспоминает пору храм
Подъёма, войн, колхозов, Ленина...

Он будет крепостью стоять,
Ненастьями непобедимый,
И каждый день напоминать
О верности земле родимой.

ДОМОЙ

Домой летели журавли.
Они нелёгкий путь свой мерили

* Редакция журнала «Сура» поздравляет Нину Богдашкину с юбилеем, желает здоровья и творческих успехов.

От берегов родных вдали,
Весне грядущей свято верили.

Там, на другом конце земли,
Душа гонцов рвалась на части.
Домой летели журавли,
Несли на крыльях отблеск счастья.

Благословляя тёплый май,
Парили в синеве венчальной...
И мы спешим в родимый край,
Но ближе к осени печальной.

У РОДНОГО СЕЛА

У родного села голос мамы моей,
Родом он из далёкого детства.
Я его получила в наследство,
Он во мне до сегодняшних дней.

У реки за селом цвета маминых глаз
Голубые прибрежные волны,
А заря, что раскрасила утренний час,
Красотой материнской нас полнит.

У пшеничных колосьев цвет маминых кос,
Невозможно на них наглядеться!
У зелёных лугов в звёздной россыпи рос,
Как у мамы, огромное сердце.

От того-то слова «край родимый» и «мать»
Сквозь года на дорогах нам светят.
Их нельзя позабыть и в пути растерять,
Нам всю жизнь их любить и всегда повторять,
Как святую молитву о детях.

ОЖИВШАЯ СКАЗКА

Вы слышали? Весть по округе пошла,
В Абашево сказка... да, да, ожила!
На полках умельцев героев не счесть,
И в доме у каждого жителя есть.
Красавицы с птицами, что под рукой,
Плывут, как лебёдушки, а над рекой

Несутся с добычей быстрее стрелы,
Крылами взмахнув, в поднебесье орлы.
Выходят олени — золотые рога,
Трёхглавые кони пасутся в лугах.
И дивное диво: прикрывшись травой,
С рогами барана сам... городской!
Не верите мне? Поезжайте, и сами
Увидите чудо своими глазами.
Народным умельцам вовеки хвала
За то, что их сказка для нас ожила.

ЗИМА С ПОЛУНОЧИ ИГРАЛА

Зима с полуночи играла
На старенькой шарманке.
Метель разгульная плясала,
Как девка на гулянке.
То в окна колкий снег бросала,
То завывала гордо,
То в подворотни заползала
Лисою рыжемордой.
Под утро, выбившись из сил,
Уселась на крылечко.

Отец дрова домой носил,
А мы бросали в печку.

ЛЕПЁШКИ

Маме

Пододвину я стул к окошку —
Так вся улица мне видна.
Вынет мама из печки лепёшки:
Помнит дочкину слабость она.
Не забыла про детское счастье.
Когда наполнился смехом дом,
Мы ломали лепёшки на части,
Запивая парным молоком.
Отдыхает метель на дорожках,
Зимний вечер задумчив и тих.
Мама с вечера «ставит» лепёшки,
В гости ждёт взрослых дочек своих.

ЕВГЕНИЮ РОДИОНОВУ

*Солдату, погибшему в чеченском плену
за веру в Господа Бога.*

Мама, мамочка, помолись
За мою непокорную душу.
Снова голуби взмыли ввысь,
А мои крылья мне непослушны.

Помнишь, как мы впервые с тобой
В белокаменный храм входили?
Над лепниной его святой
Тоже голуби стайкой парили.

Я бы с радостью в небо взмыл,
Прилетел бы к родному порогу...
В храм святой несмышлёным входил,
Вышел с верой всесильной в Бога.

И несу её, как огонь,
Сквозь тернистый путь и преграды.
И врагу говорю: «Не тронь!
Эта Вера — моя награда».

Зря они твердят: «Отрекись
От Христа и его сиянья...»
Мама, мамочка, помолись,
Чтобы выдержал я все страданья.

С неба звёзды сквозь слёзы глядят
На предгорье, где снова стреляют...
Умирает за веру солдат.
Вера в Бога не умирает.

УЧИТЕЛЬНИЦА

Худые крыши, старые дома,
У серого плетня лопух с крапивой.
С портфелем в школу шествует она
Уверенной походкою красивой.

Старушки с умилением вслед глядят,
Седые старцы кланяются низко.
Она пришла, чтобы учить ребят,
Она учитель, значит, к Богу близко.

Александр КНЯЗЕВ

**КРАТКИЙ ОБЗОР
ЛИТЕРАТУРЫ
К 200-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
М.Ю. ЛЕРМОНТОВА**

*Почвы для исследования Лермонтова
нет — биография нищенская.
Остаётся «провидеть» Лермонтова. <...>
Хочется бесконечного беспристрастия, —
пусть умных и тонких, но бесплотных догадок,
чтобы не «потревожить милый прах».*
Александр Блок

Любят у нас юбилеи. Под любым предлогом жаждущие «засветиться» стараются успеть написать и опубликовать свои работы, ибо под «круглые» даты всегда находятся спонсоры. Бесспорно, многие и многие, не имеющие в своём творческом багаже даже намёка на *сопричастность Лермонтову*, чувствуя наживку, хватаются за тему, им несвойственную, — отсюда появляется несметное количество «мыла», на которое библиографам приходится тратить своё драгоценное время. На юбилеи, по укоренившейся традиции, всегда слетается стая газетных уток, разбор полётов которых требует отдельного расследования. Автор обзора не ставит перед собой цель подробного описания здесь каждого издания — изучение только упомянутой литературы потребует много времени, — в обзоре имеют место лишь некоторые критические замечания.

Среди книг, вышедших к юбилею, заслуженно привлекают внимание неоднократно и благожелательно отрецензированная и вышедшая вторым изданием в серии ЖЗЛ книга Валерия Михайлова «Лермонтов: Один меж небом и землёй» (одна из последних по времени рецензий опубликована в журнале «Волга-XXI век», выходящем в Саратове. Её автор — Виталий Серков) и основательная книга Владимира Захарова «Дуэль и смерть поручика Лермонтова: Последний год поэта» (спасибо издательству VITA NOVA). В августе 2015 года в

московском издательстве «Центрполиграф» вышла ещё одна книга В.А. Захарова, посвящённая выяснению вопроса, бывал ли Лермонтов в Шуши, — «Карабах в жизни М.Ю. Лермонтова и его окружения». Как и во всех своих работах, автор ведёт расследование, опираясь на фактические данные.

Благодаря поддержке РГНФ вышло в свет несколько фундаментальных изданий. Русская христианская гуманитарная академия (Санкт-Петербург) выпустила два тома (более тысячи страниц каждый) антологии Pro et Contra, включившие в себя (насколько позволил объём) наиболее значимые на взгляд составителей лермонтоведческие работы за минувшие два столетия, а также, в виде спутника антологии, сборник статей «Творчество М.Ю. Лермонтова в контексте современной культуры» с приложением компакт-диска, на котором можно послушать музыкальные сочинения на стихи поэта, написанные и записанные в нынешнем веке. В издательстве РХГА вышла и небольшая книжница, состоящая из 14 стихотворений М.Ю. Лермонтова, переведённых на английский язык Дмитрием Смирновым-Садовским (с параллельными текстами).

Историко-филологический институт Московского государственного областного университета выпустил объёмный, почти в тысячу страниц, Энциклопедический словарь (составитель и главный редактор И.А. Киселёва), несмотря на неточности и лакуны, вызванные условиями подготовки издания, ставший во многом дополнением к Лермонтовской энциклопедии.

В Институте русской литературы РАН подготовили и выпустили не менее добротный, напечатанный на мелованной бумаге, пятисотстраничный том Сводного каталога материалов из собрания Пушкинского Дома.

В книге «М.Ю. Лермонтов. Творческое наследие и современная театральная культура. 1941 — 2014» (издательство «Минувшее») опубликована подборка архивных документов об осуществлённых и неосуществлённых московских театральных постановках о жизни поэта и по его произведениям, а также редкие фотографии за указанный период.

По результатам лермонтовских юбилейных конференций вышли два внушительных тома: один — на основе международной научной конференции «М.Ю. Лермонтов в мировой культуре», прошедшей в Пушкинском Доме 9—11 октября 2014 года, который в свои девятьсот семьдесят шесть страниц включил в себя статьи более семидесяти авторов; другой вышел в Нальчике, на его шестистах сорока восьми страницах опубликованы материалы Международной научной Лермонтовской конференции, прошедшей 28 — 30 мая 2014 года в Грозном. Ни в коем разе не умаляя значения первого, стоит обратить особое внимание на второй сборник, ибо во многих статьях здесь затрагиваются малоизученные вопросы пребывания Лермонтова на Кавказе. В частности, в биографическом разделе сборника напечатаны две статьи, обращённые к животрепещущей ныне теме о происхождении поэта. В первой любопытную *дискуссионную* версию излагает Марьям Вахидова, а вторая статья принадлежит перу Хамзата Яндарбиева. Живость научному сборнику придадут и «живые» по-

лемические споры, и поэтические строки. Лишними в контексте сборника показались хвалебные заметки-впечатления участников конференции. Несмотря на искренность и правдивость этих заметок, по сути, они есть материал для издания, к примеру, освещающего историю конференций.

Пятигорский государственный лингвистический университет к 200-летию поэта и к своему 75-летию выпустил объёмную антологию статей, опубликованных в научном журнале «Русский язык и межкультурная коммуникация» за 2001 — 2014 годы: «М.Ю. Лермонтов в XXI веке». Почти 400 страниц формата А4 включили в себя работы пятидесяти четырёх авторов.

На основании конкурса, проведённого Российским обществом «Знание», и при государственной поддержке в соответствии с распоряжением Президента РФ, Ставропольским отделением писательской организации «Литературный фонд России» выпущен сборник «Как сладкую песню отчизны моей люблю я Кавказ». В него вошли проза, поэзия, очерки, статьи, связанные с именем поэта. Несомненно, привлекут внимание исследователей опубликованные в сборнике архивные документы из фондов Государственного архива Ставропольского края. Кроме научных и научно-популярных материалов, привлекают внимание небанальные стихи современных поэтов о Лермонтове — здесь нужно отдать должное вкусу составителя сборника, Екатерины Полумисковой.

В Первопрестольной выпущены три книги (общим тиражом 5500 экз.), посвящённые московскому периоду жизни поэта. Их авторы — Георгий Блюмин, Светлана Бойко и Александр Васькин. Книги Бойко (изд-во «Планета») и Васькина (изд-во «Спутник +») богато иллюстрированы и — что стало редко случаться в наше время — снабжены необходимыми научными ссылками и списками использованной литературы. Внутренность книги Блюмина несколько бледнее (изд-во «Центрполиграф») и без необходимых ссылок, но содержанием своим она варьирует предыдущие. Все три книги воссоздают эпоху лермонтовской Москвы — такой далёкой от нас по времени и такой близкой, и благодаря авторам и самому творчеству Лермонтова, читая их, мы можем окупиться в жизнь города первой половины XIX века. Выход в свет этих трёх книг — прекрасная возможность для их подробного *сравнительного анализа*.

В задачу данного обзора не входит исследовать, без сомнения, интересную четырёхста девяносто пятистраничную книгу Виктора Сиротина «Лермонтов и христианство». Но не могу не высказать здесь пару сентенций. При всей серьёзности намерений автора, по прочтении вызывает отторжение тон, с которым он во второй части книги позволяет себе не по-христиански высказываться об уважаемом Борисе Михайловиче Эйхенбауме, внесшем в XX веке неоценимый вклад в лермонтоведение. И, вместо того чтобы эпитетствовать в адрес составителя «Летописи жизни и творчества М.Ю. Лермонтова» В. А. Захарова, уместнее было бы Виктору Ивановичу означить в своей книге **аргументированные** поправки к указанным двадцати неточностям в фундаментальной «Летописи...» — это было бы по делу.

Выпущенное в Кисловодске второе издание справочника «Лермонтов в музыке» вызвало горечь разочарования, ибо в нём не учтены многие музыкальные сочинения, написанные за последние годы. А ведь аудиовизуальная и печатная информация о новинках имеется в достаточном количестве. О многих из них неоднократно писал автор этих строк. Причём в этом издании имеется ссылка на первую публикацию работы «Жизнь поэзии Лермонтова в музыке...», с развёрнутым описанием новых музыкальных сочинений.

Из отдельных публикаций в сборниках и альманахах *особого внимания* заслуживает статья, опубликованная в сборнике *Caucasica*: «Лермонтов ли Лермонтов? К истокам тарханской легенды о происхождении М.Ю. Лермонтова». Её автор — один из патриархов лермонтоведения, Пётр Андреевич Фролов. Развёрнутая статья, занимающая сорок страниц книги увеличенного формата, расставляет многие точки над ё, разбросанные в пылу беспрецедентных споров о происхождении поэта, зачастую переходящих на личности и тем самым уводящих от сути вопроса. Этот же труд П.А. Фролова под названием «Тарханская легенда о происхождении М.Ю. Лермонтова» вышел в 2014 году отдельной книжкой (тиражом всего 100 экз.!) и, в силу всё возрастающего интереса к этому материалу, опубликован в третьем номере журнала «Сура» за 2015 год.

Среди журнальных публикаций следует отметить статьи в журнале «Русская литература», среди которых живой интерес вызывают комментарии и параллели Юрия Михайловича Прозорова «Юнкерские поэмы М.Ю. Лермонтова» (тема, с которой исследователи творчества поэта соприкасаются с осторожностью) и статья Н.С. Беляева о Борисе Михайловиче Эйхенбауме. К слову сказать, вызывает недоумение факт сокрытия Беляевым своей фамилии под псевдонимом Джуринский в следующем за статьёй обзоре литературы о Лермонтове: что же здесь постыдного или нескромного? Закономерно привлекают внимание лермонтоведов и читателей научные сборники «Тарханский вестник», выходящие с завидной регулярностью — с 1993 года вышло уже 26 выпусков. К юбилею поэта Государственный Лермонтовский музей-заповедник «Тарханы» сделал читателям роскошный подарок, выпустив долгожданную «Тарханскую энциклопедию». Под руководством директора музея, Тамары Михайловны Мельниковой, увидели свет ещё две книги, которые, возможно, станут украшением книжных собраний: «Лермонтов. Жизнь и творчество» и «Лермонтов-художник» (совместно с ИРЛИ).

В сборнике материалов международной научной конференции «Проблемы современного образования в политкультурной среде Северного Кавказа», выпуск которого (как и сама конференция, состоявшаяся 30 — 31 октября 2014 года на базе Карачаево-Черкесского государственного университета им. У.Д. Алиева) посвящён 200-летию со дня рождения М.Ю. Лермонтова, больше половины объёма занимают статьи, связанные с текстами поэта.

И всё-таки многие опубликованные работы существуют как бы параллельно с Лермонтовым, — это есть попытки домыслить, переосмыслить, высказать

свои — несколько отстранённые — литературоведческие и (или) философские позиции на творчество поэта, а также различные версии развития сюжетов биографии. На этом фоне ум читателя радуется вот уже двадцать лет выходящий в Москве «Журнал ПОэтов», который *сделал шаг к диалогу с Лермонтовым*. Бульшая часть нескольких номеров за 2014 год и один номер целиком представляют собой палитру восприятий моментов бытия Лермонтова и его творений нашими современниками — художниками, поэтами, философами. Перечисление имён всех авторов, чьи работы опубликованы в «Журнале ПОэтов», заняло бы в этом кратком обзоре не одну страницу. Со страниц журнала звучит голос и самого Михаила Лермонтова. Невозможно не назвать имена создателей журнала и одновременно авторов публикаций в разных творческих ипостасях: это Елена Кацюба и Константин Кедров. Они так трепетно подошли к концепции и художественному оформлению лермонтовских номеров, что сам Лермонтов, если бы увидел содеянное, без сомнения, остался бы доволен.

Необходимо обратить внимание также и на издания сочинений самого Михаила Лермонтова. Многие издательства, в расчёте на юбилейный читательский бум, штампуют сборники и тематические подборки стихов поэта без учёта новых литературоведческих разысканий. И вот, наконец (!), в Петербурге вышел в свет академический четырёхтомник, подготовленный творческим коллективом Института русской литературы (Пушкинский Дом). Всё это богатство предстоит изучить, но уже видно, что работа проведена огромная. Конечно, имеются упущения, вызванные сжатыми сроками и жёсткими рамками отчётности перед РГНФ (здесь, видимо, необходимо откорректировать условия при выдаче грантов на издания, приуроченные к юбилеям). Сильно огорчает однотипность оформления книг, выпущенных при поддержке РГНФ. При всей разности содержания книги похожи друг на друга как яйца в инкубаторе. А ведь в России **книга всегда имела своё лицо и являлась произведением искусства!** И, что вполне естественно, особое беспокойство вызывают нищенские тиражи выпускаемых изданий, неспособные удовлетворить даже спрос библиотек...

В пику сказанному выше об однотипности оформления, на фоне всероссийской издательской бесшабашности выгодно смотрятся три роскошных тома: «Княгиня Лиговская / Герой нашего времени», «Лирика» и «Маскарад», подготовленные и выпущенные петербургским издательством «Vita Nova / Новая жизнь» в серии «Фамильная библиотека. Парадный зал». В традициях издательства книги богато иллюстрированы: первая — шестьюдесятью семью рисунками Михая Зичи, вторая — ста пятьюдесятью тремя художественными работами Энгеля Насибулина (которые можно назвать иллюстрациями с оговоркою — об их соответствии лермонтовской эпохе и о присутствии в них духа лермонтовской поэзии можно поспорить), и третья, в которой в качестве иллюстраций использована сценография Александра Головина к постановке «Маскарада» Всеволодом Мейерхольдом в 1917 году. Несомненный интерес

представляют комментарии к каждому тому и сопутствующие теме подборки статей — всё это даёт богатую пищу для размышлений и будущего сравнительного анализа, к примеру, комментариев В.М. Файбисовича и Н.А. Казаковой к «Герою нашего времени» с ранее опубликованными «каноническими» комментариями В.А. Мануйлова и О.В. Миллер. В рамках исследований романа «Герой нашего времени» как читателям, так и литературоведам будет интересна книга В.И. Влащенко с интригующим названием «Современное прочтение романа Лермонтова «Герой нашего времени», выпущенная Санкт-Петербургским издательством «Нестор-История». В аннотации к этой книге написано, что автор подходит к материалу «с позиции исследователя-интерпретатора, а не историка литературы». Позволю себе не согласиться с таким утверждением, ибо исследовательский подход, построенный на сравнительном анализе разных комментариев к роману, как раз свойственен хорошему литературоведу.

Вызывает уважение и постоянный интерес к творчеству поэта московского Центра книги Рудомино: одна из последних новинок — «Демон» по-русски и в переводах на четырнадцать (!) языков. Жаль, что в оглавлении не указаны имена переводчиков в русской транскрипции, даты переводов и источники публикаций — это серьёзное упущение для столь солидного издания. К версиям поэзии Лермонтова по-французски, по-немецки и по-английски, вышедшим ранее, издательство добавило том Лермонтова в переводах на итальянский язык.

В ереванском издательстве «Армав» вышел сборник переводов пятидесяти девяти стихотворений М.Ю. Лермонтова на армянский язык. Большая часть из них переведена впервые. Автор переводов — известный армянский поэт и переводчик Гагик Давтян. В качестве предисловия читателю предложена небольшая статья Ованеса Туманяна [7 (19).02.1869, село Дсех, Армения — 23.03.1923, Москва] «Великий приёмный сын Кавказа». Статья была написана к 100-летию со дня рождения Лермонтова и впервые по-русски печаталась в 1939 году в журнале «Дружба народов». В описываемой книге опубликован новый перевод С. Саркисян и С. Хитаровой.

Этот обзор литературы, выпущенной (и, в силу объективных обстоятельств, выпускаемой) к 200-летию со дня рождения М.Ю. Лермонтова, само собой, не может представить вашему вниманию информацию в полном объёме. Ибо она, эта информация, поступает нерегулярно и неравномерно. В большинстве случаев её приходится напряжённо выискивать, а затем всеми правдами и неправдами добывать издания. Для удобства читателей и библиофилов ниже следует указатель, который поможет облегчить поиск книг. Во второй его части даны библиографические сведения о книгах, которые ещё не дошли до вас, читатель, обозревателя или, в силу их мизерного тиража, уже вряд ли дойдут. Кстати сказать, несмотря на труднодоступность большинства упомянутых в обзоре изданий и публикаций, многие из них в скором времени можно будет изучить в Фундаментальной электронной библиотеке «Русская литература и фольклор» (<http://feb-web.ru/>).

Возвращаясь к началу обзора и в подтверждение сказанного, нужно с горечью заметить, что множество публикаций имеет лишь косвенное отношение к М.Ю. Лермонтову. В последние годы появилось большое количество псевдолермонтоведов, строящих публикации на основе работ времени расцвета лермонтоведения, вытаскивая свои «труды» на свет божий без каких-либо ссылок. Также, в отсутствие новых научных открытий в сфере изучения жизни и творчества М.Ю. Лермонтова, появляются всё новые и новые лингвистические исследования, по большому счёту, мало касающиеся творчества поэта, и пышным цветом цветут «дуэльные» баталии с различными домыслами и фантазиями о событиях на Кавказе конца июля позапрошлого века. В заключение хочется высказать ещё одну наболевшую сентенцию — о стиле некоторых публикаций. Авторы, вместо чёткого аргументирования в полемике с другими им подобными, сорят нелестными эпитетами в адрес неугодных им оппонентов, что, согласитесь, сильно роняет их честь и достоинство в глазах вдумчивых читателей.

КРАТКИЙ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

От составителя: к сожалению, публикация не может вместить в себя библиографическое описание каждой статьи из объёмных сборников. Посему автор-составитель приносит свои извинения читателям.

Книги и журналы, упомянутые в статье

Издания сочинений М.Ю. Лермонтова

М.Ю. Лермонтов. Собрание сочинений: в 4 тт. Том 1: Стихотворения / Отв. ред. тома Н.Г. Охотин. — СПб.: Издательство Пушкинского Дома, 2014. — 776 с.

М.Ю. Лермонтов. Собрание сочинений: в 4 тт. Том 2: Поэмы / Отв. ред. тома Ю.М. Прозоров. — СПб.: Издательство Пушкинского Дома, 2014. — 704 с.

М.Ю. Лермонтов. Собрание сочинений: в 4 тт. Том 3: Драмы / Отв. ред. тома О.В. Миллер. — СПб.: Издательство Пушкинского Дома, 2014. — 600 с.

М.Ю. Лермонтов. Собрание сочинений: в 4 тт. Том 4: Проза. Письма / Отв. ред. тома Н.Г. Охотин. — СПб.: Издательство Пушкинского Дома, 2014. — 672 с.

М.Ю. Лермонтов. Княгиня Лиговская. Герой нашего времени: Романы / Примеч. В.М. Файбисовича и Н.А. Казаковой. Статья В.М. Файбисовича и Н.А. Казаковой, М.О. Дединкина. Ил. М. Зичи — СПб.: Вита Нова, 2014. — 424 с., 134 л. ил. — (*Фамильная библиотека. Парадный зал*).

М.Ю. Лермонтов. Лирика / Иллюстрации Э.Х. Насибулина. Статья И.Л. Андроникова. Примечания. Хронологическая канва жизни и творчества М.Ю. Лермонтова. — СПб.: Вита Нова, 2014. — 448 с., 153 ил. — (*Фамильная библиотека. Парадный зал*).

М.Ю. Лермонтов. Маскарад: Драма / Статьи С.Н. Дурылина, Б.М. Эйхенбаума, К.Н. Ломунова, М.М. Ситковецкой и О.М. Фельдмана, К. Рудницкого, А.А. Чепурова. Комментарии И.С. Чистовой. Иллюстрации А.Я. Головина — СПб.: Вита Нова, 2014. — 384 с., 101 ил. — (*Фамильная библиотека. Парадный зал*).

Михаил Лермонтов. Стихи в английских переводах Дмитрия Смирнова-Садовского. — Издательство Русской христианской гуманитарной академии: Санкт-Петербург, 2014. — 44 с. / **Mikhail Lermontov. Poems in English translations by Dmitri Smirnov-Sadovsky.** — Publishing House of Russian Christian Humanitarian Academy: Saint-Petersburg, 2014. — 44 pages.

Михаил Лермонтов. «Прощай, немытая Россия...». Стихотворения. Перевод Гагика Давтяна / Ред. Армен Аванесян — Ереван: Армав, 2014. — 160 с.

Лермонтов М.Ю. / Lermontov, Michail. «Не верь, не верь себе, мечтатель молодой...» / Non credere a te stesso, giovane sognatore...: Избранная поэзия / Opere poetiche scelte // Составители Сефано Гардзонио и Алесандра Карбоне. Вступ. ст. Стефано Гардзонио. — М.: Центр книги Рудомино, 2015. — 512 с.

М.Ю. Лермонтов. Маскарад: драма в четырёх действиях, в стихах / Статьи С.Н. Дурылина, Б.М. Эйхенбаума, К.Н. Ломунова, М.М. Ситковецкой и О.М. Фельдмана, К. Рудницкого, А.А. Чепурова. Комментарии И.С. Чистовой. Иллюстрации А.Я. Головина — СПб.: Вита Нова, 2014. — 384 с., 101 ил.

О М.Ю. Лермонтове

М.Ю. Лермонтов. Энциклопедический словарь / Главный редактор и составитель И.А. Киселёва. — М.: Индрик, 2014. — 940 с., илл.

Сводный каталог лермонтовских материалов в собраниях ИРЛИ РАН / Отв. редактор Л.Г. Агамаян. — СПб.: Издательство Пушкинского Дома, 2014. — 496 с., илл.

М.Ю. Лермонтов: pro et contra, антология. Т. 1 / Сост.: В.М. Маркович, Г.Е. Потапова, Н.Ю. Данилова; вступ. статья В.М. Марковича. — СПб.: РХГА, 2013. — 1090 с. — (Русский путь).

М.Ю. Лермонтов: pro et contra, антология. Т. 2 / Сост. и коммент.: С.В. Савинков, К.Г. Исупов; вступ. статья С.В. Савинкова. — СПб.: РХГА, 2014. — 1000 с. — (Русский путь).

Блюмин Г.З. Лермонтов и Москва. Над Москвой великой, златоглавою. — М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2014. — 320 с., илл.

Бойко С.А. Лермонтов. Московские страницы жизни и творчества. — М.: Планета, 2014. — 176 с., илл.

Васькин А.А. В поисках лермонтовской Москвы. — М.: Издательство «Спутник +», 2014. — 320 с., илл.

Влащенко В.И. Современное прочтение романа Лермонтова «Герой нашего времени». — СПб.: Нестор-История, 2014. — 260 с.

Захаров В.А. Дуэль и смерть поручика Лермонтова: Последний год поэта. — СПб.: Вита Нова, 2014. — 560 с., 149 ил. + цв. вклейка XXXII с. — («Жизнеописание»).

Захаров В.А. Карабах в жизни М.Ю. Лермонтова и его окружения. — М.: Центриздат, 2015. — 209 с.

Михайлов В.Ф. Лермонтов: Один меж небом и землёй. — 2-е изд. — М.: Молодая гвардия, 2013. — 618 [6] с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.: вып. 1434).

Сахаров А.А. Путь к Лермонтову. Исследования, версии, находки. / Предисловие С.А. Бойко. — Моск. обл., Коломна: Издательство «Инлайт», 2014. — 140 с., илл.

Сиротин В.И. Лермонтов и христианство. — М.: Издательский дом «Сказочная дорога», 2014. — 496 с.

Фролов П.А. Тарханская легенда о происхождении М.Ю. Лермонтова. — Пенза: Пензенский гос. ун-т, ГУМНИЦ, 2014. — 84 с.

Как сладкую песню отчизны моей, люблю я Кавказ: сборник произведений, посвящённых творчеству М.Ю. Лермонтова. / Предисл. Е.П. Полумисковой. — Ставрополь: Графа, 2014. — 274 с., илл. // Авторы статей, эссе и очерков: Герман Беликов, Сергей Белоконов, Николай Блохин, Владимир Бутенко, Вячеслав Головкин, Светлана Головкин, Андрей Губин, Владимир Захаров, Александра Коваленко, Джамбулат Кошубаев, Виктор Кравченко, Николай Маркелов, Александр Очман, Михаил Петросян, Екатерина Полумискова, Владимир Соколов-Лермонтов, Вера Сытник, Олег Федотов, Галина Шевченко. Авторы поэтических произведений: Иван Аксёнов, Фазу Алиева, Раиса Ахматова, Ян Бернард, Виктор Боков, Валентина Дмитриченко, Елена Иванова, Олег Игнатъев, Алим Кешоков, Татьяна Корниенко, Кайсын Кулиев, Тамара Лангуева, Алла Мельник, Александр Мосинцев, Станислав Подольский, Екатерина Полумискова, Сергей Рыбалко, Валентина Сляднева, Сергей Сутулов-Катеринич, Геннадий Фатеев, Константин Ходунков, Георгий Яропольский.

Мир Лермонтова. Коллективная монография. / Под ред. М.Н. Виротайнен и М.А. Карпова. — СПб.: Скрипториум, 2015. — 976 с. // ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, СПбГУ.

М.Ю. Лермонтов в XXI веке. Антология: Публикации в научном журнале «Русский язык и межкультурная коммуникация». 2001—2014. — Пятигорск, 2014. — 374 с. // Пятигорский государственный лингвистический университет.

Творчество М.Ю. Лермонтова в контексте современной культуры. Сборник статей к 200-летию со дня рождения. — СПб.: РХГА. 2014. — 312 с. // Авторы: Л.В. Богатырёва, Л.И. Вольперт, Н.Ю. Данилова, В.А. Доманский, Е.А. Евдокимова, О.Е. Иванов, К.Г. Исупов, О.Б. Кафанова, А.Н. Князев, И.В. Кондаков, Т.А. Кошемчук, С.В. Кудряшов, М.А. Мирзоян, А. Молнар, Г.Е. Потапова, П.А. Сапронов, Н.М. Сапронова, А.С. Сурикова, Н.Г. Федосеев, Ф.В. Фуртай.

Лермонтов, Россия, Кавказ: движение во времени: Материалы Международной научной Лермонтовской конференции. 28 — 30 мая 2014 г. Грозный. — Нальчик: ООО «Тетраграф», 2014 г. — 648 с.

М.Ю. Лермонтов: Творческое наследие и современная театральная культура. 1941 — 2014: сборник архивных документов и изобразительных материалов / Сост. Е.В. Бронникова, Т.Л. Латыпова, Е.Ю. Филькина. Вступ. ст. Б.Н. Любимова. — М.: Минувшее, 2014 г. — 336 с., илл.

Лермонтовские чтения — 2013. Лермонтов: музыка и кинематография: Сборник статей / Комитет по культуре Санкт-Петербурга. СПбГБУК «МЦБС им. М.Ю. Лермонтова» // Автор вст. статьи С.С. Серейчик. — СПб.: Лики России, 2014. — 216 с., 8 л. илл. // Авторы: А.Э. Бауэр, Н.С. Беляев, Н.П. Видмарович, П.В. Дмитриев, П.С. Затуливетер, В.А. Захаров, Алессандра Карбоне (Италия), Л.В. Когтева, М.А. Коржув, Ю.Н. Кружнов, Т.И. Крылова, В.А. Ласица, М.П. Леонова, О.В. Миллер, Е.Н. Монахова, Г.В. Москвин, Д.Ю. Мурашов, Т.А. Пилецкая, С.М. Слонимский, Е.Л. Соснина, В.В. Темяков, В.В. Харитонов, Л.А. Ходанен, Б.М. Эйхенбаум, И.С. Юхнова.

CAUCASICA. Труды института политических и социальных исследований Черноморско-Каспийского региона. Том. 3 / Под ред. В.А. Захарова. — М.: Русская панорама, 2014. — 352 с.: **Захаров В.А.** Лермонтов и восток; **Захаров В.А.** Лермонтов в Шуши в 1837 году, или Кавказский итинерарий поэта; **Фролов П. А.** Лермонтов ли Лермонтов? К истокам тарханской легенды о происхождении М.Ю. Лермонтова; **Соснина Е.Л.** Кавказская одиссея французов: лермонтовский взгляд: (Ж.Ф. Гамба — О.Т.-М. Бланшар — А. Оммер де Гель — Т. де Мариньи — А. Дюма); **Мурашов Д.** Святослав Раевский. Известные страницы биографии; **Мурашов Д.** Лермонтов. Рудкевич. Ландышев. К истории одной загадки; **Хубиев М.А.** Из истории аула Джамагат, воспетого в поэме Лермонтова «Хаджи Абрек»; **Хубиева Ф.М. , Джашкуева А.Д.** Творчество М.Ю. Лермонтова в исследованиях М.А. Хубиева.

«Волга-XXI век», 2014, № 9 — 10: Герман Кириллов. Лермонтов и время; **Адриано дель'АСТА.** Религиозность в творчестве М.Ю. Лермонтова; **Николай Серафимов.** Поединок М.Ю. Лермонтова у Перкальской скалы; **Виталий Серков.** «По небу полуночи ангел летел».

«Русская литература», 2014, № 3: А.А. Костин. «Весёлый час». К вопросу о переводах ранней поэзии Лермонтова; **Ю.М. Прозоров** «Юнкерские поэмы» М.Ю. Лермонтова. Комментарии и параллели; **В.А. Котельников.** Сюжет с княжной Мери и традиция литературного либертинизма; **А.С. Бодрова.**

К истории посмертных изданий Лермонтова; **Н.С. Беляев.** Суд над лермонтоведом: трагические страницы в творческой биографии Б.М. Эйхенбаума; **Г.В. Бахарева, Н.С. Джурицкий.** Основные проблемы отечественного лермонтоведения: библиографический обзор.

Журнал ПОэтов / Учредители: ООО «Эхо планеты», Константин Кедров, Елена Кацюба. Идея журнала и творческая концепция — группа ДООС (Добровольное общество охраны стрекоз), при участии Русского ПЕН-клуба. Главный редактор — доктор философских наук Константин Кедров. Журнал выходит с 1995 г. Авторы № 3 — 4 (58) «**Поручик Лермонтов**» и 5 — 6 (59) «**Цветогамма**» за 2014 г.: Маргарита Аль, Константин Бальмонт, Сергей Белозёров, Сергей Бирюков (Германия), Лоренс Блинов, Александр Бубнов, Равиль Бухараев, Расул Гамзатов, Лидия Гошинская (Австрия), Лидия Григорьева, Алексей Давыдов, Николай Ерёмин, Кристина Зейтунян-Белоус (Франция), Татьяна Зоммер, Нина Исаева, Александр Карпенко, Елена Кацюба, Константин Кедров, Ия Кива, Ингрид Кирштайн, Татьяна Квашенко (Украина), Виктор Клыков (Австрия), Кирилл Ковальджи, Андрей Козырев, Денис Колчин, Александр Корамыслов, Анатолий Кудрявицкий (Дублин), Максим Липянчик, Александр Люсый, Галина Мальцева, Вили Мельников, Владимир Монахов, Валерия Нарбикова, Юлия Немировская (США), Лариса Носова, Василина Орлова, Ян Пробштейн (США), Александр Раткевич (Беларусь), Ольга Реймова, Александра Сашнева, Елена Свечникова (Беларусь), Галина Свинцова, Илья Сельвинский, Леонид Семёнов, Татьяна Скрудзь, Ирина Соколова, Евгений Степанов, Сергей Сутулов-Катеринич, Людмила Суфэль, Ольга Трофимова, Сергей Уткин, Иосиф Уткин, Александр Федулов, Олег Фёдоров, Вячеслав Фрекин (Украина), Ася Хафизова, Дмитрий Цесельчук, Наталья Шахназарова, Алексей Валериевич Юдин (Бельгия).

Лингвистика. Семиотика. Метапоэтика: Научный сборник. / Под ред. доктора филологич. наук В.П. Ходуса. — Ставрополь: Изд-во Северо-Кавказского федерального университета; «Дизайн-студия Б», 2014. Вып. 1 (14) — 568 с. // В разделах «Геопоэтика», «Архив» и «Наши публикации» — статьи В. И. Шириной, М. А. Хубиева, Л.Ю. Гочияевой, Ф.М. Хубиевой, А.Д. Джашакуевой, В.П. Чуйкова.

Проблемы современного образования в политкультурной среде Северного Кавказа / Материалы научной конференции. — Карачаевск: КЧГУ, 2014. — 384 с.

Другие издания, на которые обозревателем получены только выходные данные или ссылки на публикации:

Лермонтов в исторической судьбе народов Кавказа: сборник научных статей по итогам научной конференции с международным участием. / Отв. ред. В.К. Чумаченко; редколл. И.И. Горлова и др. — Краснодар: ООО «Экоинвест», 2014. **Часть I** — 300 с.; **Часть II** — 252 с.

Лермонтов. Жизнь и творчество / Рук. проекта Т.М. Мельникова, авторы статей Е.Б. Родина, О.С. Пугачёв, В.П. Ульянова. — Пермь: ООО «ПК «АСТЕР», 2013. — 252 с., илл.

Лермонтов и история: Сборник научных статей / Отв. редактор В.А. Кошелев — Великий Новгород — Тверь: Издательство Марины Батасовой, 2014. — 460 с.: илл. (доклады и сообщения участников международной научной конференции, прошедшей в Великом Новгороде 14 — 16 октября 2013 года).

Лермонтов-художник / Рук. проекта Т.М. Мельникова, автор вступ. статьи А.В. Корнилова. — С.-Петербург: ООО «ЛД-ПРИНТ», 2014. — 248 с., илл.

М.Ю. Лермонтов: Историческая мифология. Исследования и материалы. — Великий Новгород — Тверь: Издательство Марины Батасовой, 2014. — 664 с.: илл. (монография В.А. Кошелева и Т.В. Игошевой).

Лермонтоведческий сборник. Вып. I / Составитель, автор вступительной статьи и примечаний Н.С. Беляев. — СПб.: БАН, 2014.

Алексеев Д.А. Лермонтов. Потаённые материалы. — М.: Древлехранилище, 2015. — 182 с.

Ровенский Г.В. Юность и любовь поэта. Лермонтов в Богородском уезде. Усадьбы Никольское-Тимонино и Петрищево. — Московская обл., Лосино-Петровский — Фрязино, 2014. — 125 с., илл.

Тарханская энциклопедия / Ред. Т.М. Мельникова. — Пермь: ООО «ПК «АСТЕР», 2013. — 340 с., илл.

Фадичева Е.Н. Императорская фамилия о творчестве М.Ю. Лермонтова. — М., 2014. — 100 с.

Фотопортрет А.Н. Князева выполнен Алексеем Кривцовым

Екатерина КОЗЫРЕВА

**«ЧУЮ
РАДУНИЦУ
БОЖЬЮ»**

С.А. Есенин через 120 лет

*Стихи мои,
Спокойно расскажите
Про жизнь мою.*

*Я буду воспевать
Всем существом в поэте
Шестую часть земли
С названьем кратким «Русь».*

Новенький пятитомник Сергея Есенина мягко сиял голубым цветом. Рядом стояли толстые ярко-красные с золотым тиснением тома Владимира Маяковского. На этажерке нашей, сделанной отцом, тяжёлой, выкрашенной тёмно-коричневой, почти чёрной краской, книги эти были необыкновенно красивы. Привёз их брат Юрий из Москвы.

Маяковского я читала, когда оставалась одна в доме, громко, раскачиваясь в такт слову «агитатора, горлана, главаря». В комнате брата висел графический портрет поэта.

Есенина открыла не скоро. Но каково же было моё удивление, когда после религиозных и непонятных мне стихов я стала листать наугад и встретила знакомую песню, которую пели у нас в застолье: «Отговорила роща золотая».

В школьных программах Есенина не было.

Зато у всех девочек были тетрадки с названием «Альбом». Туда мы записывали песни, стихи, высказывания, загибали уголки-секретики с пожеланиями друзей. Одна такая тетрадка сохранилась, но стихов Есенина в ней тоже не было. А вот вырезка из газеты, вклеенная рядом с альбомным стихом, много говорит о нашем детстве: «Книга — огромная сила». В.И. Ленин; Ваше любимое занятие?

«Рыться в книгах». Карл Маркс; «Книга, быть может, сложное и великое чудо из всех чудес, сотворённых человечеством на пути его к счастью и могуществу будущего». М. Горький (разрядка дана в газете, видимо в «Известиях», которую выписывал отец).

Детство Есенина ещё было овеяно веком девятнадцатым.

И родное село Константиново, и Спас-Клепики, где учился Серёжа с 9 лет в церковно-учительской школе, с их природными и духовными богатствами, определили его путь. Бесценный благотворный запас дала Есенину дружба с Гришей Панфиловым, который был на год старше его. А также благодаря просвещённому учителю словесности, Есенин полюбил мировую литературу и Пушкина. Недаром сверстники дали ему такое же прозвище, как Пушкину: «Серёга-Монах». Именно тогда начал Серёжа писать стихи и читать их друзьям.

В первом классе написал он «Маковые побаски» и рассказ про Миколу.

Есенин ворвался в поэзию, как Гагарин в космическое пространство. Похожи они улыбкой и задором, смелостью и уверенностью первооткрывателей. Славой и любовью к планете Земля. Гагарин слышал музыку космоса, чувствовал и переживал мощное притяжение земли. Есенин всё это выразил в Слове. Поэзия его вся — порыв и движение к своему божественному назначению, к Руси-России.

«У меня нет периодов — через всё моё творчество проходит одна и та же тема: любовь к Родине».

В 1910 — 1914 годы он писал много. Первая публикация появилась в январе 1914 года в Москве. «В это время, — сообщает поэт в автобиографии, — у меня была написана книга стихов «Радуница». Я послал из них в петербургские журналы и, не получая ответа, поехал туда сам». Поэт утверждал, что стихотворения, включенные в «Радуницу», были написаны им до отъезда в Петербург.

В книге много церковной лексики и образов, но в них же предстают живые картины деревенского быта. Бабка Есенина привечала всех нищих, увечных и бродячих, которые пели по русским сёлам духовные стихи от «Лазаря» до «Миколы».

Так рос он в семье, пропитанной народной словесностью.

Я помню, так людно было в нашем новом доме, в селе Агаповка, недалеко от Магнитогорска, на Южном Урале. И к нам приходили странники, обездоленные, бесприютные люди. Мама стирала и чинила их одежду, кормила их, а они рассказывали, поминали и пели за гостеприимным столом. Вот одну из таких песен я услышала от Анны Васильевны Пересунько на поминках моей мамы: «Что вы, братцы, собралися, А к вам сёстры все пришли? Мы затем и собралися, Чтоб усопших помянуть. Когда были они живы И прожили с нами век, А теперь мы их не видим И не слышим голос их. Соберёмся же все вместе И помяем хлебом-солью, Каплю слёз о них прольём».

В «Радуницу» входят циклы стихов «Русь» и «Маковые побаски». По Руси ходит любимый русским народом святой Микола. Он естественно и живо вписывается в природу: «В лапоточках, словно тень, Ходит милостник Микола Мимо сёл и дере-

вень». Он говорит с народом: «Собирайте милость Божью Спелой рожью в закрома» — и слышит их просьбу: «Миколае-Чудотворче, Помолись Ему за нас».

Николай Клюев, с которым Есенин был дружен всю жизнь, был ревниво удивлён, когда впервые читал «Радуницу», изданную в 1916 году: «У него Бог живой!»

«Пахнет яблоком и мёдом По церквам твой кроткий Спас», — обращается к Руси поэт и заканчивает это стихотворение знаменитыми, зацитированными строками: «Если крикнет рать святая: «Кинь ты Русь, живи в раю!», Я скажу: «Не надо рая, дайте родину мою». Другое стихотворение 1914 года «Шёл Господь пытаться людей в любви» стало сразу классикой. В этом же году написано «Край любимый! Сердцу снятся...», которое поэт заканчивает очень тревожно: «Я пришёл на эту землю, чтоб скорей её покинуть». Можно сказать, что Есенин задолго чувствовал трагедию войны и революции и переживал своим чутким сердцем всё, о чём думал.

В том же 1914 году написал он стихотворение «Чую радуницу Божью»:

Чую Радуницу Божью —
Не напрасно я живу,
Поклоняюсь придорожью,
Припадаю на траву.
Между сосен, между ёлок,
Меж берёз кудрявых бус,
Под венком, в кольце иголок,
Мне мерещится Иисус.
Он зовёт меня в дубровы,
Как во Царствие небес,

И горит в парче лиловой
Облаками крытый лес.
Голубиный дух от Бога,
Словно огненный язык,
Завладел моей дорогой,
Заглушил мой слабый крик.
Льётся пламя в бездну зренья,
В сердце радость детских снов,
Я поверил от рожденья
В Богородицын Покров.

Радуница, или Радоница, праздник обновления, пробуждения природы весной, был известен ещё в дохристианский период. С воскресением природы от зимней спячки зарождалась в народе мысль о пробуждении мёртвых. Радуница, или Красная Горка, — весенние поминки, а осенние бывают в родительскую, или Димитровскую, субботу, 7 ноября. Сразу после Куликовской битвы

Димитрий Донской отправился к преподобному Сергию. В Троицком монастыре по погибшим воинам служились многочисленные панихиды. Так был учреждён день ежегодного поминовения воинов. Таким образом, праздник этот приобретает не только религиозную, но и историческую основу. Димитрий Донской, победивший Мамаева нашествие, р о д н а ч а л ь н и к побед России в войнах с захватчиками, становится р о д н ы м всему русскому народу!

Эту родственную, родовую, связь уловил и почувствовал Сергей Есенин.

Может, и не зря пенял ему Клюев: «Твоими «рыхлыми драчёнами» все обьелись...»

Но поэт выплёскивает всё своё, деревенское, осознанно и доверчиво, смело привнося в столичную публику родное, исконно русское слово: и «потом пропахшую выть», и «в свяслах копны хлеба», и «дулейки, коливо, веретье...», и много иных, непривычных городскому уху слов.

В разговоре с И.Н. Розановым о «Радунице» Есенин признавался: «В первом издании у меня много местных, рязанских слов. Надо писать так, чтобы тебя понимали...»

И, готовя второе издание «Радуницы», исключил «непонятные» слова и четырнадцать стихотворений!

Цикл «Маковые побаски» он ставит в «Радунице» после «Руси», хотя в нём много стихов, написанных в 1910 — 1912-е годы. Здесь и рождение, и судьба: «Родился я с песнями, в травном одеяле... Как снежинка белая, в просини я таю, да к судьбе-разлучнице след свой заметаю». Девушке у него «звонко ветры панихидную поют.. ткёт ей саван нежно-пенная волна...». В праздничное Троицыно утро он говорит птахам: «Похороним вместе молодость мою».

В стихотворении 1912 года рождаются песенные мотивы: «Заиграй, играй, тальяночка, малиновы меха, Пусть послушает красавица прибаски жениха». Но следом за ним в книге стоит стих 1910 года «Подражание песне», где поэт возвращается к панихидным настроениям: «В пряже солнечных дней время выткало нить... Мимо окон тебя понесли хоронить». И ямщик поёт: «Я умру на тюремной постели, Похоронят меня кое-как». Даже в любовных стихотворениях у него «есть тоска весёлая». Такое переплетение жизни и смерти, радости и горя часто появляется у Есенина не только в раннем творчестве.

В 1914 году начинается Гражданская война, «рекрута играли в ливенку про остальные деньки», а поэт взывает к родному краю: «Край ты мой заброшенный, Край ты мой, пустырь, Сенокос некошенный, Лес да монастырь», «Я пастух, мои палаты...», « Я молюсь на алы зори, причащаюсь у ручья».

С 1915 года Есенин уже постоянно прибегает к приёму контраста. В самом радостном стихе у него «Плачет смехом бубенец».

«Сторона ль моя, сторонка, Горевая полоса...». Но в этом стихотворении впервые зримо проступает образ Спасы: «Лица пыльны, загорелы, Веки выглодала даль, И впилась в худое тело Спасы кроткого печаль».

Ю.П. Кузнецов считал, что Есенин один только раз увидел точно образ Христа: «И целует на рябиновом кусту Язвы красные незримо Христу». Вряд ли с этим можно согласиться. Вот ещё один видимый образ:

Между сосен, между ёлок,
Меж берёз кудрявых бус,
Под венком, в кольце иголок,
Мне мерещится Исус...

Благотворное радуничное начало сопровождает всё творчество Есенина, от начала жизни и до самого его конца. Стихия поэзии охватывает его и не отпускает. Как Пушкин и Лермонтов, он проживает долго свою недолгую жизнь. Прозревает рано как поэт: «Словно я весенней гулкой ранью Проскакал на розовом коне». Недолго был розовым его Пегас, заноса поэта то в Москву (отпускал его бродить «по московским изогнутым улицам»), то в Петербург, где является к «богу» русской поэзии, Блоку, с чисто крестьянским своим ощущением трудного своего вхождения с «рязанских полей» в кабинет Учителя. Труд души его, понимание вступления на новую стезю в поэтическом творчестве доводит Сергея до такого физического изнеможения, что «выступает пот на лбу». То перелетал он за океан, то возвращался в деревню. Вся жизнь Есенина — искание Бога — и вера, и безверие; и язычество, и православие, впитанное с молоком матери; и ...богохульство, навеянное ветрами революции. Это и борьба с самим собой — хулиганом и кабацким кутилой. Это и осознание нарастающей скорости своей поэтической мощи, которой нужно было научиться управлять.

Знарок мировой и русской поэзии В.В. Кожин в статье «Без религиозной основы поэзия невозможна» приводит высказывание своего учителя Михаила Михайловича Бахтина, что «истинно религиозный человек всегда находится на грани веры и безверия».

В письмах Грише Панфилову из Москвы Сергей писал: «Все погрузились в себя, и если бы снова явился Христос, то Он и снова погиб бы, не разбудив эти заснувшие души».

Сергею Есенину всё было дано от Бога. Но он сам написал о своём мировоззрении: «Розу белую с чёрной жабою я хотел на земле повенчать». Поэт принимал всю жизнь России «как она есть», следуя пушкинскому завету.

В 2005 году в серии ЖЗЛ издательства «Молодая Гвардия» вышло третье издание книги «Сергей Есенин», исправленное и дополненное. Написали её известные литераторы, отец и сын С.Ю. и С.С. Куняевы. В ней жизнь и творчество поэта показаны в наибольшей полноте. Так же полно принимают его и читатели всех уровней и в России, и за рубежом.

Здесь же мне хотелось понять, как зарождалось и развивалось в поэте чувство родины, Руси православной.

В своё время стихи Есенина из цикла «Москва кабацкая» вызвали как восхищение, так и возмущение и неприятие. Но когда находишь в них же откровение поэта: «И за все за грехи мои тяжкие, За неверие в Благодать, Положите меня в белой рубашке Под иконами умирать», то понимаешь, что Бог всегда жил в нём.

Первая книга «Радуница» изменялась Есениным и переиздавалась ещё три раза. Поэт написал художественное произведение о той самой Руси, которую не хотели знать и видеть в салонных кружках представители разных «измов».

В «Радунице» свободная стихия есенинского слова соседствует с реалистическим и мистическим. С благодатью природных стихов и лучшими сторонами деревенской жизни.

В вышеназванной статье Вадим Кожин говорит, что «если в стихотворении поэзия обнимает весь мир, если в нём есть чувство вечности, оно без сомнения религиозно.

А вечность можно уловить только в мгновении».

Конечно, речь идёт о художественном воплощении религиозности в стихах.

В августе 1915 года Есенин опубликовал поэму «Русь» полностью в журнале «Северные записки» и, как говорится, сразу проснулся известным. Отделка стихов, как отмечают его современники, была совершенна!

Уже тогда поэт противостоял «упаднической» литературе. Мысль о вечном звучит во всех стихах «Радуницы». Поэт верит в возможность спасения Родины через вечные заповеди, по которым и жила Россия.

Чувство родины у Есенина есть чувство пути. Он часто задумывался на этом пути над пушкинским «Жизнь, зачем ты мне дана?», задавая себе вопросы: «Зачем жить? Зачем жизнь?» Гриша Панфилов написал ему: «А всё-таки я думаю, что после смерти есть жизнь другая». (Есенин приводит эту строку в письме к Панфилову 1913 года из Москвы.)

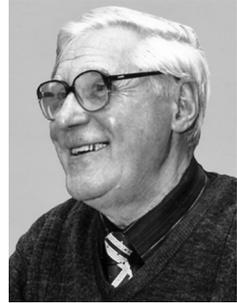
Остался отрывок начатого им стихотворения, а может быть, и поэмы «Смерть».

Кто скажет и откроет мне,
Какую тайну в тишине
Хранят растения немые
И где следы творенья рук.
Ужели все дела святые,
Ужели всемогущий звук
Живого слова сотворил.
Из «Смерть», начатой мною. Сергей Есенин.

Поэт сам ответил на свой вопрос: зачем жить? Чтобы оставалась тайна творчества, где «все дела святые... всемогущий звук живого слова сотворил».

Николай КУЛЕНКО

**МОЙ
КОЛЯ
РУБЦОВ**

К юбилею поэта

Много, удивительно много зажглось, отгорело и погасло утренних зорь и зорь вечерних с той неповторимой поры, когда мы были молоды, самоуверенны и мечтали о поэтической славе пушкинских высот. Увы! Увы... Однако же кто-то вкус славы изведаль. Я говорю о великом русском поэте современности Николае Михайловиче Рубцове (1936 — 1971), об одном из одноклассников, чьи мечты осуществились.

Не единожды знакомые литераторы, особенно молодые, просили меня поделиться с ними воспоминаниями о моих встречах с Николаем Рубцовым. Я рассказывал, как всё было, а на просьбы написать воспоминания отвечал обещаниями. Ведь взятие автографов у знаменитостей, фотографирование с ними в обнимку, написание о них воспоминаний — суета. За долгую жизнь мне довелось встречаться со многими выдающимися, легендарными личностями. Михаил Аркадьевич Светлов, Александр Трифонович Твардовский, Сергей Владимирович Михалков, Юрий Васильевич Бондарев, Егор Александрович Исаев, Александр Исаевич Солженицын, Владимир Высоцкий, Роберт Рождественский, Андрей Вознесенский, Леонид Харитонов, многие другие. Но я не писал об этих встречах. Я помнил истинное: «Помянут тебя — и меня помянут». И не писалось. А потом подумал, глядя на молодых: тот же Рубцов сегодня для них — легенда, и услышать, прочитать о нём — прикосновение к легенде. И решил. Тем более, что воспоминания мои — отнюдь не елейное славословие. Пишу как было, в отличие от некоторых «мемуаристов», которые якобы застольничали с поэтом, учили его писать стихи, совершенствовать поэтическое мастерство и которые... в глаза не видели Николая Михайловича.

Познакомился я с Николаем Рубцовым в середине шестидесятых годов в Москве, в общежитии Литературного института имени

А.М. Горького, что на улице Добролюбова. Кажется, Лидия Ивановна, исполняющая обязанности коменданта, выдала мне постельные принадлежности, указала номер комнаты на третьем этаже, и я пошёл обживаться. Открыл дверь, увидел круглый стол, несколько стульев, койки. Я занял свободную койку в глубине комнаты, заправил её и прилёг отдохнуть, устав за день от столичной сутолоки. Вздremнул.

Внезапно с шумом отворилась входная дверь, и на пороге возник невысокий парень, похожий на подростка, хотя и с залысинами. Он впился в меня недовольным взглядом глубоких тёмных глаз, шагнул от порога в глубь комнаты. Показалось, что вошедший слегка... Голосом с хрипотцой достаточно твёрдо произнёс:

— Я Рубцов! — и пару мгновений спустя добавил: — Николай Рубцов.

Я сел на койке, ухмыльнулся и снисходительно проговорил:

— Да? А я думал: классик, который дверь в помещение открывал ножкой.

Рубцов промолчал, потом спросил:

— Ты кто?

— Студент, как и ты, твой тёзка, — ответил я непринуждённо.

Рубцов окинул меня, как показалось, смягчившимся взглядом и спросил:

— Меня знаешь?

— Наслышан о твоих чудачествах, — отвечал я сухо, — и с портретным застольем с классиками, и с ружьём, оказавшимся заряженным, и с выяснениями отношений в ЦДЛе...

Я только что демобилизовался из армии, где занимал офицерскую должность (был командиром взвода, и взвод считался примерным в дивизии). Естественно, нарушителей дисциплины я не привечал, провинившихся наказывал. И здесь во мне всколыхнулось внезапно армейское.

— Стихи твои читал, понравились, — добавил я, как бы оправдываясь.

— Ладно! Потом поговорим. Я спешу, старик, меня ждут.

И, порывшись в тумбочке, Рубцов скрылся за дверью, а я уснул, сваленный гоночной жизнью столицы.

Проснулся я от грохота, шума, от голосов. Вспыхнул свет в комнате, и я увидел Рубцова. Коля был с компанией, человек пять-шесть окружали его. Кто был с ним, я не знал. Это могли быть Михаил Шаповалов, Александр Черевченко, Анатолий Передреев, Игорь Шкляревский. Может быть, Станислав Куняев, Вадим Кожин, а скорее всего — начинающие поэты, видевшие в Рубцове будущую поэтическую звезду и жаждавшие погреться в её лучах. Компания усеялась за стол, и началось застолье с чтением стихов. Декламировались стихи, в том числе и Рубцовым в ответ на просьбы застольников. Читал он вяло, без души. Очевидно, он не хотел читать — или эти стихи, или этим слушателям. Сигаретный дым был удушающим. Я в то время решил во что бы то ни стало бросить курить. С великим трудом я удерживался от соблазна попросить у гостей сигаретку. Но пересилил себя и взмолился: «Старики! Не курите, ради Бога! Я бросил курить, а вы меня мордуете, соблазняйте куравом...» За столом при-

Н. М. Рубцов

тихли, потом послышался голос: «А ты вот на, закури, и вся недолга»... Потом послышался совет: «Ты, старик, намочи полотенце и накрой себе морду. Через мокрую ткань дым не проходит». Я встал, пошёл в умывальник, намочил полотенце и, вернувшись в комнату, накрыл «морду». Когда встал, узнал одного из поэтов. Кажется, за столом сидел Анатолий Передрев. Кажется. Через мокрое полотенце дым действительно не проходил, и я наконец-то уснул.

Проснувшись утром, я увидел на койке возле двери Рубцова. Он спал, лёжа на спине, но спал, видимо, чутко. Я был злой из-за полубессонной ночи.

— А что это за незнакомые стихи Есенина ты вчера читал? Я знаю каждую его строчку, а этих не слышал, — спросил я Рубцова.

Он, не шелохнувшись, открыл глаза, помедлил и сказал:

— Это мои стихи... Похожи?

Я ответил:

— Слегка, но ты не думай, это я со злости за «табачную» ночь. Вставай, пойдём в столовку, посмотрим, как лауреат премии президента Ганы Джон Окай уплетает из кастрюли месиво из щей, котлеты, винегрет, компот...

Рубцов продолжал лежать. Я оделся и пошёл в столовую. Когда вернулся, Коли в комнате не было. И я поехал в институт на лекции.

Вечером Рубцов явился ближе к полуночи, и опять с компанией. Не мешкая, я пошёл в умывальник, чтобы намочить полотенце... Повторилась ночь предыдущая.

Так продолжалось некоторое время. И однажды я отправился к Лидии Ивановне и взмолился:

— Ради Бога! Переселите меня в другую комнату. В этой курят, а я некурящий.

— А в какой ты комнате, кто там с тобой? — настороженно спросила озабоченная Лидия Ивановна.

— Рубцов, — сказал я подавленно.

— Рубцов?! — изумилась она. — Ну ты мученик, истинный... Вот тебе ключ, иди на четвёртый этаж, где девчонки. Не бойся, они не курят... — Лидия Ивановна улыбнулась.

С лёгким сердцем я поехал в институт. Там увидел Рубцова. Подошёл к нему.

— Всё, Коля! Я ушёл в другую комнату, на четвёртый этаж... Надоело дышать дымом...

Рубцов окинул меня благодушным взглядом и скороговоркой ответил:

— Скатертью дорога...

Мы здоровались при встречах в институте и в общежитии, на занятиях творческого семинара Егора Исаева, куда Рубцов приходил, попросив у Егора Александровича разрешения. Кстати, Рубцов хотел перейти в семинар Егора Исаева, но что-то не получилось. Когда заканчивалось занятие, Егор Александрович вёл нас в ресторан «Минск», что на улице Горького, перекусить, — знал, что голодные. За столом продолжалось занятие семинара, читались стихи, обсуждались. Тогда же мы услышали от Егора Александровича: «Рубцов хороший поэт, а будет ещё лучше, если не пропадёт. Я планирую издать у себя его книгу стихов»... (В то время Егор Исаев был заведующим отделом поэзии в издательстве «Советский писатель».) Мы, его семинаристы, конечно же, безоговорочно верили каждому слову наставника и с того дня посчитали, что Николай Рубцов будет поэтом «с Ивана Великого». Так оно и вышло. Большое видится на расстоянии...

Но в институте Рубцов как поэт не выделялся. Кумиром был Боря Примеров, поэт Божьей милостью из Ростова-на-Дону. Вечерами на Добролюбова, перед общежитием, по требованию многочисленной толпы из студентов Литинститута, Второго медицинского института, студентов МИИТа (Московского института инженеров транспорта) мы водружали Бориса на массивную парковую скамью на чугунных лапах, и поэт, сжав кулаки перед собой, вдохновенно читал.

Крыльями взмахнут баяны
И ударят в небеса,
И повиснут, как туманы,
Над садами голоса...

— взвивалось над вечерней столицей. После каждого прочитанного Борей стихотворения воздух сотрясал одобрительный рёв восторженных любителей поэзии. И было радостно, искренне думалось, что без стихов нет жизни. Коля Рубцов был в числе слушателей.

Вспоминается вечер интернациональной поэзии в актовом зале Литинститута. Читали свои стихи на родном языке, затем подстрочники прочитанных стихов — на русском Лайма Якушко (Прибалтика), Ага Алиев Лачынлы (Азербайджан), Кацик Геворкян (Армения), Кельдихан Кумратова (Северный Кавказ), Роберт Винонен — переводы с финского, поэты из других республик Советского Союза. А перед этим выступили с трибуны руководители института — ректор В.Ф. Пименов, А. Михайлов, В.П. Друзин. Вышел на трибуну и поэт старшего поколения Д. К-ёв. Он истово хвалил стихи Рубцова, определяя их как гениальные, а Коля

Памятник на могиле Н.М. Рубцова

— Он обязан меня хвалить!..

Конечно же, вспоминается наш выпускной. В актовом зале института в президиуме сидели ректор, заместители ректора, старейший преподаватель Валерий Петрович Друзин, пензяк. Вручал дипломы легендарный писатель, который первый написал о Зое Космодемьянской в очерке «Таня», — Владимир Германович Лидин (1894 — 1979). Дипломы вручали, наверное, по алфавиту. Пригласили меня. Я подошёл к Владимиру Германовичу. Он пожал мне руку, вручил диплом со словами: «Поздравляю от души...» Волнующий момент запечатлел институтский фотограф Иван Кириллович Чирков. Потом пригласили Рубцова. Он шёл к столу в президиуме неторопливо, уверенно, без особой торжественности в лице, нарядный, при галстукe, кажется, зелёного цвета. Владимир Германович вручил ему заветный диплом об окончании Литературного института имени А.М. Горького. Президиум и весь зал дружно аплодировали, Лидин что-то говорил, Рубцов что-то отвечал, Чирков фотографировал, запечатлевал торжественные мгновения. Это было 23 мая 1969 года.

Когда церемония вручения дипломов закончилась, мы вышли во двор института. Я подошёл к Рубцову и сказал: «Николай Михайлович! Если что не так, не обессудь...» Мы простились. Навсегда.

Трагедия в Вологде, конечно же, потрясла всех, знавших Николая Рубцова, его стихи. Будучи в Москве, я зашёл в Центральный дом литераторов. В буфете за столиком увидел ростовчанина Бориса Примерова и новосибирца Александра Плитченко, однокашников по литинституту. Ребята пили пиво «Останкинс-

во весь голос крикнул ему: «А сам-то ты пишешь стихи хреновые!» Оратор стушевался, втянул голову в плечи и молча сел в президиуме. Рубцов сидел впереди меня. Я прошипел ему в ухо: «Коля! Если бы это было не в актовом зале, я бы...»

— Что — «ты бы»? — полуобернувшись, спросил Рубцов настороженно.

— Он же тебя хвалил!..

На что Рубцов ответил:

кое». Они пригласили меня к столу. Подсел. Пили пиво, закусывали копчёным жерехом из вод тихого Дона, говорили о житье-бытье. Естественно, коснулись недавней трагедии в Вологде, гибели Николая Рубцова: ладно, мол, Дантес понятия не имел, на кого он наводил дуло пистолета, Мартынов — тоже. Но Дербина-то знала, кто перед ней... Рубцов! Уму непостижимо!..

Через тридцать лет я повторил слова, сказанные Николаю Рубцову в Москве в литинституте на выпускном. Меня пригласили принять участие в работе Духовного форума, проходившего в Вологде. По дороге я простудился. Утром проснулся в гостинице. Ощущаю сильнейшее недомогание. Температура. Я всё-таки пошёл на заседание. Но, выйдя за порог гостиницы, я неожиданно спросил прохожего:

— А где у вас здесь городское кладбище?

Прохожий остановился:

— Вы к Рубцову, к Николаю Михайловичу? — и подробно объяснил, как доехать.

В метровой толще снега прочищены дорожки. Служитель кладбища показал мне рукой на группу школьников невдалеке от ворот, и я пошёл, сначала прямо, затем повернул направо, потом ещё раз направо. Странное чувство овладело мной. Я шёл к могиле человека, который будет жить долго-долго. Могила поэта была запружена цветами. Гора роз, гвоздик, тюльпанов... Увидел знакомый профиль на барельефе. «Ну...», и дыхание забил ком в горле...

Долго стоял я возле могилы, запоздало жалел, что пришёл без цветов, слушал щебет ребятишек. А когда уходил, само собой сказалось: «Николай Михайлович, если что не так... не обессудь, Коля...»

Великий русский поэт, достояние Отечества, Николай Михайлович Рубцов навсегда останется в моём сердце как «Коля Рубцов», как воспоминание о нашей студенческой молодости, о трудных её путях.

Николай ЧЕТВЕРТКОВ

**ЛУЧШИЙ
ХУДОЖНИК-ИЛЛЮСТРАТОР
РОССИИ**

**К 125-летию со дня рождения
Н.В. Кузьмина**

Среди художников-иллюстраторов России XX века Николай Васильевич Кузьмин занимает достойное место. В «Большой российской энциклопедии» отмечается, что родился он 19 декабря 1890 года в городе Сердобске Саратовской губернии. Оформлял книги для издательств «Academia», «Художественная литература», «Искусство»... В 1967 году Н.В. Кузьмин был избран членом-корреспондентом Академии художеств СССР, а в 1972 году ему присвоено звание народного художника РСФСР. (1. С. 269)

Чем же заслужил такое общественное признание сердобчанин Н.В. Кузьмин?

УВЛЕЧЕНИЕ

Сын портного, Николай Кузьмин с пяти лет учился складывать буквы в словах по затрепанному томику стихов М.Ю. Лермонтова, творчество которого любил его отец, Василий Васильевич, и многие его стихи он знал наизусть. «Бывало, сидит, — вспоминал художник, — шьет молча, вздохнет и скажет, будто про себя:

И над вершинами Кавказа
Изгнанник рая пролетал.
Под ним Казбек, как грань алмаза,
Снегами вечными сиял». (2. С. 28)

С детских лет Николай был «жаден до книжек и картинок», увлекался рисованием. Отец выписывал журналы «Нива», «Родина», «Север». Из «Нивы» мальчик копировал лошадок Каразина, пейзажи Пахомова. Композиции Доре к «Библии» и к произведениям Лафонтена, рисунки к «Божественной комедии» Данте, к поэме Мильтона «Потерянный и возвращенный рай», публиковавшиеся в «Родине», пробудили в нем настоящую страсть к искусству. (3. С. 8)

Учась в четырехклассном городском училище, а потом и в реальном училище, открытом в Сердобске в 1906 году, Николай Кузьмин с 14 лет зарабатывал перепиской бумаг у страхового агента, а также репетиторством детей состоятельных горожан. И не только пополнял скромный доход семьи, но и выписывал из Москвы монографии Бенуа «История живописи XIX века», Мутера «История живописи». Знакомился с революционной сатирой 1905 года в журналах «Жупел», «Зритель», «Адская почта». Был очарован стихами Бальмонта, Брюсова, Блока. (4. С. 14 — 15)

СТРЕМЯСЬ К ЗАВЕТНОЙ ЦЕЛИ

Как-то в летние каникулы Николай Кузьмин вместе с отцом посетил в Саратове музей художника А.П. Боголюбова, богатый собранием картин русской школы живописи, мастеров итальянского, голландского и французского Возрождения. Внимание подростка привлекли картины «За приворотным зельем» Нестерова, «Дон Жуан и донна Анна» Репина и пейзажи Переплетчикова. (4. С. 16) Посещение музея еще больше укрепило в нем стремление заниматься живописью.

В 1906 году Николай Кузьмин послал свои рисунки в редакцию журнала «Золотое руно». И они были опубликованы. В качестве гонорара он получил номер журнала, «великолепно напечатанный красками и золотом и посвященный Врубелю». Начинающий художник ликовал! Стал сотрудничать в журналах «Весы», «Аполлон», «Сатирикон». (1. С. 269) Его виньетки, сюжеты публиковали рядом с рисунками известных российских художников Сапунова, Крымова, Якулова, что укрепляло его стремление стать профессиональным живописцем. Поэтому после окончания в 1911 году реального училища перед ним не стоял вопрос: куда пойти учиться? Николай Кузьмин едет в Петроград, «держит экзамен в Художественную академию на архитектурное отделение, но проваливается на рисунке с гипса (Венеры Милосской)». (4. С. 14)

После досадной неудачи он не опустил руки, а поступил учиться в художественную школу Званцевой, где тогда вели занятия известные российские художники Добужинский и Петров-Водкин. Одновременно посещал богатейшую библиотеку Академии художеств, а в Эрмитаже и Русском музее знакомился с шедеврами западной и отечественной живописи.

В следующем году Николай Кузьмин стал студентом политехнического института. Жить приходилось в пригороде Петрограда — в поселке Лесном. Но технические дисциплины не вызывали у него интереса. Он переехал в столицу. Оставил институт. Поступил в школу Общества поощрения художеств, где посещал уроки рисунка, графики и гравюры. С особым интересом он посещал занятия по графике И.Я. Билибина, который «умел развивать в учениках графическое мышление, приучал к осознанию важности технического исполнения, вводил в сокровищницу богатейших материалов по русскому народному искусству. Это был педагог-энтузиаст, поборник национальных форм графической культуры». (5. С. 15)

Одновременно Николай Кузьмин посещал лекции в Институте истории искусств, открытом В.П. Зубовым; публиковал свои виньетки и заставки в журнале «Новый Сатирикон». А в 1913 году стал постоянным сотрудником журнала «Аполлон». Его рисунок к обложке журнала «Лукоморье», сделанный на конкурс в Обществе поощрения художеств, получил первую премию — 40 рублей и большую серебряную медаль. А его форма начертания жирных букв в сочетании с цветочным орнаментом и тонкими гранями создавали своеобразный «образ народного представления о морском заливе со сказочной травой-муравой». (5. С. 16)

Но учебу и художественное творчество прервала Первая мировая война. В 1914 году Николай Кузьмин был призван в армию. После окончания курсов прапорщиков в Казани командовал ротой саперов в боях с немцами на территории Польши, потом Прибалтики.

Демобилизовавшись в 1918 году, Николай Кузьмин вскоре стал работать художником в редакции первой сердобской уездной газеты, которую начали издавать по указанию председателя Совнаркома РСФСР В.И. Ульянова (Ленина). «Работа началась с того, — вспоминал позднее художник, — что я вырезал на линолеуме заголовки газеты — «Голос коммуниста» и портрет к некрологу председателя комитета бедноты села Куракина товарища Шляпина, зверски убитого из-за угла кулаками. Потом мне поручали работу корректора, а вскоре, приглядевшись к газетной технике, я стал дежурить, попеременно с другими членами редакции, ночным выпускающим». А в конце января 1919 года Н.В. Кузьмин вместе с группой комсостава был направлен Сердобским военкоматом в состав Южного фронта, где служил сначала командиром роты саперов, а потом инженером Инзенской дивизии. (6. С. 178 — 180)

ОСВАИВАЯ ОФОРМИТЕЛЬСКИЕ МЕТОДЫ

Демобилизовавшись из армии в 1922 году, Николай Кузьмин поступил учиться на графический факультет Академии художеств. И начал знакомиться с эстетикой рисунка того времени — рисовать без поправок, без ретуши, в быстром темпе, а «чтобы произведения искусства доставляли полное наслаждение, они должны казаться созданными легко, без труда». (3. С. 174, 177, 179)

Участь в Академии художеств, Кузьмин работал как издательский художник. В редакции «Мухомора» резал для журнала на линолеуме клише с чужих рисунков. В оформлении цветной обложки к народной сказке «Катериночка» использовал прием стилизации. А в обложку к «Истории одной работницы» (Аделаиды Попп) включил сюжетный рисунок. Он также увлекался живописью импрессионистов, Ван Гога. У него проявился интерес к акварели, которая с годами захватывала художника. На натуру он часто выезжал в Сердобск. И добился виртуозного владения акварелью, выработал свой язык для выражения собственных взглядов в цвете. (5. С. 21 — 22)

Стремясь к выполнению своих творческих планов, Кузьмин в 1924 году переехал в Москву, где вошел в группу молодых иллюстраторов, «комбинирующих традиции французского импрессионистического рисунка (К. Гис) со стилистическими элементами авторского наброска на полях рукописи». Эта группа обслуживала издательство «Московское товарищество писателей». Обладая широкой эрудицией, высокой культурой, тонким вкусом, молодые оформители не повторяли механически чужие приемы, а стремились «к свободе выбора художника над хаотической полнотой жизненных впечатлений». (3. С. 169)

Эти новые приемы графического оформления книг Кузьмин применял при выполнении заказов Государственного издательства, «Прибоя», «Academia». А в «Рабочей газете» он публиковал много рисунков, иллюстраций, рисованных заголовков, заставок. Здесь ему пригодились навыки, приобретенные во время работы в сердобской уездной газете. (5. С. 22)

Перейдя на работу в редакцию газеты «Гудок», Кузьмин оформлял и многие отпочковавшиеся от этой редакции издания. При этом ежедневно выполнял текущую работу по номеру — ретушировал фотоснимки, рисовал заголовки, иллюстрации. А сделанный Кузьминым логотип заголовка газеты «Гудок» сорок лет не сходил со страниц печатного издания советских железнодорожников. (3. С. 167; 4. С. 32, 33)

Вместе с художниками Дараном и Милашевским Кузьмин организовал выставку рисунков группы «13» в доме печати. Автор предисловия к каталогу этой выставки заявил: «С большим интересом следует отнестись к зарождающимся группировкам молодежи, быстрый и возбужденный язык которой не всегда, быть может, четок и внятен, но служит отражением своего, яркого и горячего, восприятия жизни». (3. С. 168 — 169)

Участвовал художник Кузьмин в юбилейной графической выставке, посвященной 10-летию Октябрьской революции. Свои работы по оформлению книжных обложек для издательств «Молодая гвардия», «Работник просвещения» представлял на многочисленных выставках за границей — в Лондоне, Париже, Праге, Берне и Йоганесбурге. (3. С. 32, 33)

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРИЗНАНИЕ

По признанию художника, мысль проиллюстрировать роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин» у него зародилась осенью 1928 года, когда он «был на курсах переподготовки комсостава в Саратове». (3. С. 59) Он долго размышлял над этой задумкой. А через год появились рисунки: «Пушкин в Москве», «Кишиневские дамы», «Сводня», «Город пышный». Эти и другие рисунки Кузьмина были тепло встречены на «Онегинских чтениях» на квартире В.В. Вересаева, на которых присутствовали писатели, литературоведы-пушкинисты, актеры Художественного театра. (6. С. 59, 60, 73, 74)

Роман «Евгений Онегин» художник воспринял как автобиографическое произведение, почувствовав очарование авторских лирических отступлений,

Н.В. Кузьмин

раскрывавших события реальной жизни поэта. В этом Кузьмин увидел новые темы для иллюстраций. В результате появились такие сюжеты, как «Приди в чертог ко мне златой», «Я музу резвую привел», «Как Чацкий, с корабля на бал», «Пушкин на балу»... А всего в юбилейном издании — оно вышло в 1933 году к 100-летию первого выпуска «Евгения Онегина» — было 150 рисунков Кузьмина. (5. С. 37 — 38)

Иллюстрации оказались так сочны и колоритны, что они целиком были перепечатаны в зарубежных изданиях романа — в Праге, Тель-Авиве, Иерусалиме, Милане, Гааге. А в парижской Сорбонне кузьминский рисунок украшал пригласительный билет на юбилейное заседание ученого совета, посвященного 100-летию со дня

гибели А.С. Пушкина. На международной выставке книг 1937 года в Париже иллюстрациям Н.В. Кузьмина к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин» была присуждена золотая медаль. (1. С. 269)

Позднее Кузьмин нарисовал цветной портрет А.С. Пушкина к сборнику его стихов «Лирика», ажурные лирические иллюстрации «Пушкин на юге» и «Пушкин в изгнании» для романа Ивана Новикова «Пушкин в изгнании». К 100-летию со дня рождения поэта в Рослитиздате вышла поэма «Граф Нулин» с иллюстрациями Кузьмина. За оформление этого издания на Международной выставке искусства книги в 1959 году Н.В. Кузьмину была присуждена бронзовая медаль. (7. С. 27) А известный советский писатель Л.М. Леонов в «Литературной газете» отмечал особенности кузьминских иллюстраций: «В его «Графе Нулине» все проникнуто ароматом пушкинской поэзии — не только рисунок, но, пожалуй, и штрих, манера штриха». (8)

Дважды Н.В. Кузьмин иллюстрировал бессмертного Козьму Пруткова, созданного братьями Жемчужниковыми и поэтом А. Толстым: «в первый раз для издательства «Academia» (1933), во второй раз для издательства «Художник РСФСР» (1962)». (3. С. 122)

Художник признавался: «Сначала мне казалось, что иллюстрировать нечего. В произведении нет фабулы, нет драматических ситуаций, нет диалогов. Повсюду один Козьма с его мудростью. Задача казалась мне невыполнимой. Потом мне удалось придумать несколько забавных графических комментариев к ряду афоризмов». (3. С. 122) Только к «Плодам раздумья» Кузьмин создал более 50

рисунков — в основном портретные образы бюрократов. И перед читателями предстали: разбивающий стену лбом бюрократ-генерал («Усердие все превозмогает»), начинающий бюрократ, изогнувшийся вопросительным знаком перед начальством... Чинодралы запечатлены художником с подкупающей типической силой. (5. С. 42)

Иллюстрацию произведений Н.С. Лескова, временно служившего в Городище Пензенской губернии заготовителем леса, Кузьмин начал рисунками к повести «Очарованный странник», в которой автором описан базар в Ахунах (под Пензой), где татары и цыгане торговали лошадьми. Потом были повести «Железная воля», сказ «Левша». Кузьминские рисунки обогатили произведения

Н.В. Кузьмин. «А.С. Пушкин». 1937 г.

Лескова, привлекли к ним внимание читателей. По поводу иллюстрации «Левши» К.И. Чуковский писал художнику: «Вы обнажили ее (книги) главную тему: насилие, совершаемое мерзавцами, тупицами и хамами, над талантом, над интеллектом, над Гением. Как топчут великих людей сапожищами...» (3. С. 81 — 82)

В годы Великой Отечественной войны Кузьмин работал над плакатами и листовками серии «Герои Отечественной войны» для издательства «Искусство». Выполнил рисунки для специального альбома «Кутузов». Иллюстрировал историческую повесть С. Голубова «Багратион», книгу Н. Кальмана «Девница-кавалерист». (4. С. 92)

Еще до войны Кузьмин занялся иллюстрацией произведений М.Ю. Лермонтова. Сначала он сделал рисунки к роману «Вадим», повествующему о пугачевщине в Сурском крае. В военные годы — к стихотворению «Бородино» — своеобразному гимну патриотизма российского солдата, а также к поэме «Израил», к повести «Последний сын вольности». В рисунках к драме «Маскарад» он показал ее как романтико-психологическую пьесу с большим социальным содержанием, сумел передать психологическую напряженность действий в драме, позволяющую вскрыть «трагедию чувств» в светском обществе. А образ Нины художник создал в светлых тонах, подчеркивая ее искренность, возвышенную чистую любовь и скорбную обреченность. (4. С. 96 — 97)

Запоминающиеся художественные образы создал Кузьмин к «Сказкам» М.Е. Салтыкова-Щедрина, к повести «Белые ночи» Ф.М. Достоевского. Суц-

ность чеховских бытовых сюжетов художник верно отразил в иллюстрациях к рассказам «Попрыгунья», «Учитель словесности», «Анна на шее».

Вызывают интерес читателей рисунки Кузьмина к комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума», к «Повести о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» и к «Петербуржским повестям» Н.В. Гоголя. А его пять рисунков к «Запискам сумасшедшего» И.Е. Репин назвал «лучшими в области иллюстрационного искусства». (9. С. 36, 40)

Иллюстрировал Кузьмин и художественные произведения зарубежных писателей. В частности, четкий графический язык его представлен в серии рисунков к «Необычайному приключению французского сочинителя Оноре Бальзака в столичном городе Санкт-Петербурге и его окрестностях» М. Блеймана и И. Зильберштейна. Его эффектные иллюстрации украшают книги О. Бальзака «Неведомый шедевр», Э. Золя — «Чрево Парижа» и «Карьера Ругонов», В. Гюго — «Труженики моря», В. Шекспира — «Гамлет», И. Гете — «Фауст», а также сборник рассказов американских писателей «Золотой жук» и др. (4. С. 89, 90)

Свыше 50 лет Н.В. Кузьмин занимался художественно-графическим оформлением книг. Несколько сотен иллюстраций выполнил он для художественных произведений классиков русской и зарубежной литературы. А сколько сделано им книжных и журнальных обложек, заставок и концовок, виньеток и шмунцитульных листов, рисованных заголовков, украшающих полиграфические издания! Чтобы правильно отразить содержание художественного произведения, художник должен глубоко вникнуть в авторскую трактовку жизненно важных проблем и на этой основе найти свой способ выражения их в рисунке.

Вот почему член-корреспондент Академии наук СССР, заслуженный деятель искусств РСФСР А. Сидоров в каталоге «Выставка работ к 80-летию со дня рождения Николая Васильевича Кузьмина» с полным основанием писал: «В искусстве Н.В. Кузьмина поражают наряду с остротой — скромность, рядом с искренностью — простота. И всегда не только умение, но и ум». (7. С. 19)

МАСТЕР ИЗЯЩНОГО СЛОВА

Культурная общественность России знает Н.В. Кузьмина не только как художника-иллюстратора книг, но и как талантливого писателя. На восьмом десятке лет жизни он издал книгу «Круг царя Соломона», показав в ней образы и характеры характерных сердобских мещан, мелкопоместного дворянства и купечества, их детей — бывших сверстников автора, учителей и местных чиновников.

Читателей в книге «Круг царя Соломона» привлекает свободный и легкий слог Кузьмина. Он умеет ярко высветить человека изнутри. Его новеллы обладают легким юмором, лукавинкой, добродушием, даже мудрой, все понимающей усмешкой, обнаруживающими глубокую связь художника с традициями народной культуры. (11. С. 5)

Известно, что первые новеллы из этой книги автор начал публиковать на страницах журнала «Огонек». На них откликнулся К.И. Чуковский: «Дорогой Ни-

колай Васильевич, от души благодарю Вас за драгоценный подарок... за «Круг царя Соломона», «Аллею Антуанетты», «Счастье» и за новеллу о Пьере, которые поразили меня до безъязычья. Я всегда знал, что Вы литературнейший из советских художников, что Вы тоньше и глубже их всех понимаете Пушкина, Лескова, Прутков, Гоголя, но мне и в голову не приходило, что Вы такой же мастер меткого изящного слова, как и меткого «кузьминского» штриха... Весь стиль Вашего литературного творчества до такой степени родственно близок стилю Вашей графики (и там и здесь один и тот же почерк), что будущая Ваша книга, украшенная Вашими рисунками, представляется мне недостижимым образцом художественной цельности». (6. С. 196)

И в 1964 году действительно вышла книга «Круг царя Соломона» с заголовками и рисунками к каждой новелле, выполненными рукой автора. О ней в письме к автору председатель Союза писателей СССР К.А. Федин писал: «Дорогой Николай Васильевич, мне очень и очень понравился Ваш превосходный дебют в прозе! Только дебют ли это? Перо Ваше уверенно и тонко, право — оно обещает посостязаться с уже известным пером художника Кузьмина! Лично мне вдвойне было приятно читать, как земляку славного автора.

...О книге скажу — она хороша всем — особенно же словом. Отличное, безошибочное у Вас чувство слова. Не найдешь ни одного неуместного, и — такое обилие неповторимо своих, кузьминских, поднятых памятью Вашей из наших, саратовских родников». (6. С. 188 — 189)

Николай Васильевич Кузьмин вошел в историю российской культуры мастером «свободного, изящного стилизованного рисунка (иногда подсвеченного акварелью), тонкого остроумного истолкователя стиля эпохи и эмоционального строя художественных произведений, поэтичности, изобразительного юмора и острой сатиры» в иллюстрациях российской и зарубежной литературы. (1. С. 269) Он ушел из жизни 1 января 1987 года — в возрасте 96 лет. Сейчас, в год 125-летия со дня его рождения, вспомнить о творческих свершениях этого талантливого человека — наш гражданский долг.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Большая российская энциклопедия. Т. 16. М., 2010.
2. Н.В. Кузьмин. Круг царя Соломона. Страницы былого. М., 1966.
3. Н.В. Кузьмин. Художник и книга. Заметки об искусстве иллюстрации. М., 1985.
4. М.П. Сокольников. Н.В. Кузьмин. М., 1964.
5. М.П. Сокольников. Мастера книжного оформления. Н.В. Кузьмин. М., 1947.
6. Н.В. Кузьмин. Страницы былого. Круг царя Соломона. Наши с Федей ночные полеты. Рассказы о прошлом. М., 1984.
7. Николай Васильевич Кузьмин. Выставка работ к восьмидесятилетию со дня рождения. М., 1972.
8. Леонид Леонов. Умный талант. // Литературная газета; 20 октября 1960 года.
9. К. Кравченко. Жизненное призвание. К 70-летию Н. Кузьмина. (Искусство. 1962, № 2).
10. Т. Мундт. При малом дворе. // Интимная жизнь монархов. Т. 4. Казань. 1993.
11. В. Васильев. Возвращение к истокам. // Отрочество: Повести. Вып. IV. М., 1990.

Вячеслав НЕФЁДОВ

**«ПРАКТИЧЕСКОЕ
СОПРИКОСНОВЕНИЕ
С ЖИЗНЬЮ»**

**К 130-летию со дня смерти
А.И. Пальма**

*Писатель — это создатель бесшумных ценностей.
А.М. Бельмасов.¹*

Авторитетный «Советский энциклопедический словарь» Александру Ивановичу Пальму уделил ровно три строчки,² да и далеко не в каждой, даже крупной, русской библиотеке встретишь ныне его книги. «Пензенская энциклопедия» его отдельно вообще не замечает, ведь он родился на территории нынешней Мордовии, хотя в статье о его родном Краснослободске он всё же упоминается.³

Известный в своё время беллетрист, под псевдонимом П. Альминский, а ещё — драматург и поэт, родился 21 января⁴ 1822 г. в этом славном городке, входившем в то время, при Александре Первом, в состав Пензенской губернии. Пальм был современником М.Ю. Лермонтова и В.Г. Белинского, но, конечно же, с дарованием другого рода. Его жизнь порой бурно, а то и неспешно, протекала в дальнейшем во времена правления Николая Первого и Александра Второго, «Освободителя». Единственный же портрет Пальма (в военном мундире) довелось увидеть только в Мордовской энциклопедии.⁵

Происходил он из семьи провинциального чиновника и крепостной крестьянки⁶ Анисьи Алексеевны Летносторонцевой, получившей «вольную» в связи с рождением сына Александра. Воспитывался в Петербургском дворянском полку, из которого за отменные успехи в учёбе был выпущен в 1842 г. прапорщиком в лейб-гвардии Егерский полк. «Петербург — штаб-квартира армии, а не столица государства»,⁷ — писал француз А. де Кюстин.

В 1843 г. в «Литературной газете» было опубликовано первое стихотворение Пальма — «Опустелый дом». В этом же номере, от 18 апреля, Ф.А. Кони в статье «Журнальная амальгама» приветствовал

появление нового литератора с «весьма замечательным дарованием». Первый успех утвердил молодого офицера в вере в своё литературное призвание.

С литературным трудом были связаны также и надежды Пальма на улучшение материального положения: он рано лишился отца, оставившего ему в наследство лишь честное имя, и должен был помогать оставшимся без средств к существованию матери и братьям.

В течение пяти лет в «Литературной газете», «Библиотеке для чтения», «Репертуаре и пантеоне» и других журналах выходит около тридцати его стихотворений, составивших основное стихотворное наследие Пальма.

Поэзия Пальма, привлекавшая читателей звучностью и правильностью рифмы, простотой и ясностью выражения, по содержанию, однако, была подражательной, над ней витал, как отмечали лермонтоведы, образ «лейб-гусара Лермонтова».

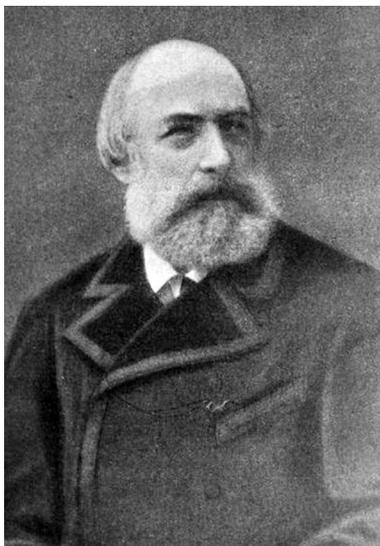
Наиболее значительное стихотворное произведение Пальма — это пьеса «Сказка про царя с царевной да про гусяря с заморским котом», вызвавшая сочувственное сопоставление с «Песней про купца Калашникова» М.Ю. Лермонтова.⁸

В это же время появились и первые прозаические опыты Пальма — это две маленькие повести и роман «Жак Бичовкин».⁹ В этом романе Пальм стремится преодолеть подражательство. Герой романа, чувствующий себя «отчасти Печориным», не вызывает у автора ни малейшей симпатии, автор характеризует его как «представителя выродившейся и весьма обмельчавшей породы Чайльд-Гарольдов». По известным словам «отца русской интеллигенции» В.Г. Белинского, его отличает «противоречие между глубиной натуры и жалкостью действий».

С 1847 г. Пальм начал посещать знаменитые «пятницы» М.В. Петрашевского. А вскоре, будучи ближайшим другом С.Ф. Дурова, стал членом его кружка. Идеи Петрашевского не оказали значительного влияния на мировоззрение Пальма, он участвовал в деятельности кружка скорее из-за дружеских чувств, нежели вследствие убеждений. Так у Пальма началось, по выражению А.И. Герцена, «практическое соприкосновение с жизнью».¹⁰

Это определило в конечном итоге линию поведения Пальма на следствии по делу Петрашевского.¹¹ Раскаившись в собственных «необдуманных поступках», Пальм тщательно избегал давать показания на других участников кружка, проявив себя настоящим «аристократом духа»,¹² что было особо отмечено следствием: «Объяснение хорошо написано, но только в духе собственного оправдания. Оно не открывает, напротив, скрывает преступные замыслы Петрашевского» — такой была надпись на показаниях А.И. Пальма от 29 апреля 1849 года.¹³

После восьмимесячного заключения в Петропавловской крепости Пальм был приговорён к смертной казни, но был помилован и переведён тем же чином из гвардии в армию. Семь лет продолжалась его армейская служба, в основном как у Лермонтова, на Кавказе, и, как у Пушкина, на гражданской службе, в Крыму.

А.И. Пальм

После Крымской войны Пальм вышел в отставку в чине майора. Его финансовые дела были в полном расстройстве. Отчаявшись их поправить, Пальм в 1871 г., будучи управляющим полтавской контрольной палатой, растратил 14 тысяч казённых денег и был приговорён к трём годам ссылки.

Защищал Пальма известный адвокат В.Д. Спасович, который, не снимая с него вины в растрате, подчеркнул в своей речи реально бедственное положение невезучего литератора.¹⁴

После отбытия ссылки в Самарской губернии Пальм полностью отдаётся писательскому труду. Он пишет романы и драмы, во время Русско-турецкой войны 1877 — 78 гг. является военным корреспондентом газеты «Новое время». В 1883 г. стал редактировать еженедельную газету «Театр», более года возглавлял Пуш-

кинский кружок русских литераторов, сменив на этом посту А.Н. Плещеева.

Из достаточно обширного литературного наследия Пальма прежде всего выделяется роман «Алексей Слободин. Семейная история в 5 частях», подписанный псевдонимом П. Альминский.¹⁵ Роман вызвал интерес в критике, что объяснялось не столько его художественными достоинствами, которые ставились под сомнение, сколько обращением Пальма к истории петрашевцев, портретами конкретных участников событий.

В «Алексее Слободине» Пальм поведал о своей дружбе с С.Ф. Дуровым, выведя его в образе Рудковского, а себя — в образе молодого офицера Андруши Морица. В чертах главного героя, Алексея Слободина, современники угадывали некоторые черты Ф.М. Достоевского, образ Дмитрия Сергеевича напоминал Петрашевского.¹⁶

Как отметил учёный-пальмовед С.Л. Кравец, «до сегодняшних дней этот роман остаётся поистине уникальным художественным свидетельством деятельности кружка Петрашевского».¹⁷

Другие прозаические произведения — дилогия «Больные люди»,¹⁸ состоящая из повестей «Конец старого романа» (1874 г.) и «Пропащие годы» (1880), роман «Петербургская саранча»¹⁹ — не вызвали длительного внимания у читателей и вскоре были вполне заслуженно забыты.²⁰

Более благосклонна судьба была к драматическим произведениям Пальма. Несмотря на то что большинство его пьес не вызвали воодушевления

публики, а отзывы театральных критиков бывали до беспощадности резки, в этом жанре у Пальма были и безусловные удачи.²¹

В конце 1879 г. в Петербурге вызвала аншлаг поставленная в Александринском театре пьеса Пальма «Наш друг Неклюжев». В постановке Московского Малого театра главные роли в этой пьесе играли выдающиеся актёры А.П. Ленский и М.Н. Ермолова. Основу сюжета составляет дело о растрате молодым чиновником Андреем Николаевичем Неклюжеем двух миллионов казённых денег. Сам же сюжет был подсказан Пальму реальным «делом Юханцева», нашумевшим в начале 1879 года.

Но, несомненно, собственный печальный опыт Пальма наложил печать на пафос пьесы, обличающей не столько самого растратчика, сколько окружающих его продажных друзей, кутивших вместе с Неклюжеем, но отвернувшихся от него в трудную минуту. Характерен в этом отношении образ журналиста Промтова, восхвалявшего Неклюжева, когда тот был в силе, и первым опубликовавшего статейку о бесчестном растратчике. Словом, Пальм указал здесь нам на «конкретных носителей зла»²² своей эпохи. На мой взгляд, Пальм, как и ранее А.И. Герцен, «воплощает в себе эту эпоху, — как писал М. Горький, — поразительно полно, цельно, со всеми её недостатками и со всем неизбежно хорошим».²³

Пьеса была опубликована в журнале «Слово»²⁴ и долго не сходила со сцен русских театров. С успехом также шла в Александринском театре пальмовская комедия «Старый барин».²⁵ Словом, «книги имеют свою судьбу».²⁶

Немного о семье литератора. Его жена, Ксения Григорьевна Пальм, была известной в провинции драматической актрисой. Старший сын, Сергей Александрович, был известным актёром и антрепренёром. Младший сын, Григорий Александрович, под псевдонимом Арбенин, был известен как актёр и переводчик многих пьес, работал редактором издававшегося в Батуми «Черноморского вестника».

А.И. Пальм скончался при Александре Третьем, «Миротворце», 10 ноября²⁷ 1885 г. в Петербурге и был похоронен на «Литераторских мостках» Волкова кладбища.²⁸

Не хотелось бы давать оценок, но Пальм был похож на «размагниченного интеллигента»,²⁹ проведшего всю жизнь на «базаре житейской суеты»,³⁰ хотя «нелепость — это признак достоинства».³¹ Для неспешного чтения этого автора позапрошлого уже века можно рекомендовать читателям его «Драматические сочинения» (М., 1893) и стихотворения в сборнике «Поэты-петрашевцы» (Л., 1957).

Александровка — Пенза, октябрь 2015 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Родники смысла. Мариуполь, 1998, стр. 147.

² Советский энц. словарь. М., 1987, стр. 961.

³ Пензенская энциклопедия. М., 2001, стр. 263.

- ⁴ По новому стилю 2 февраля.
- ⁵ Мордовия. Энциклопедия. Саранск, 2007, т. 2, стр. 71.
- ⁶ О положении пензенских крепостных крестьян см.: Герцен А. И. Былое и думы. Минск, 1971, стр. 100-101.
- ⁷ Россия в 1839 году. // Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев. Л., 1991, стр. 497.
- ⁸ Литературная газета, 17.10.1843.
- ⁹ Они появились на свет в журнале «Отечественные записки», 1849, № 4 и 5.
- ¹⁰ Герцен А. И. Указ. соч., стр. 12.
- ¹¹ См. подробнее: Документы следствия по делу А. И. Пальма. // Дело петрашевцев. М.; Л., 1951, том 3.
- ¹² Ашукины Н. С. и М. Г. Крылатые слова. М., 1987, стр. 17.
- ¹³ См. подробнее: Сакулин П. Н. Петрашевцы. // Русская литература и социализм. М., 1924, ч. 1, стр. 334-354.
- ¹⁴ См. подробнее: Спасович В. Д. Сочинения. СПб, 1913, т. 5, стр. 248 - 268.
- ¹⁵ Вестник Европы, 1872, № 10, 12; 1873, № 2, 3; 1874, № 10, 11.
- ¹⁶ См. подробнее: Чирова И. С. А. И. Пальм и его роман «Алексей Слободин». // Русская литература, 1969, № 2.
- ¹⁷ Русские писатели. М – Я. М., 1990, стр. 118.
- ¹⁸ Она увидела свет в Петербурге в 1881 г.
- ¹⁹ Вышел в Северной столице в 1884 г.
- ²⁰ См. подробнее: Засодимский П. Бури в стакане воды. «Больные люди» А. И. Пальма, в. 2 тт. СПб., 1881. // Русское богатство, 1881, № 6 – 7.
- ²¹ См. подробнее: Тхоржевский С. Жизнь и раздумья Александра Пальма. // Тхоржевский С. Портреты пером. Л., 1984.
- ²² По выражению Ленина. // Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 91.
- ²³ Горький М. История русской литературы. М., 1939, стр. 200.
- ²⁴ Слово, 1879, № 12.
- ²⁵ Отечественные записки, 1873, № 5.
- ²⁶ Ашукины. Крылатые слова, стр. 168.
- ²⁷ По новому стилю 22 ноября.
- ²⁸ Там же ранее был похоронен В. Г. Белинский.
- ²⁹ По выражению А. М. Горького. // Горький М. Собр. соч., т. 23, стр. 327.
- ³⁰ Под таким заглавием был переведён в 1885 г. на русский язык роман английского писателя У. Теккерея «Ярмарка тщеславия».
- ³¹ По мнению Г. Честертона. // Родники смысла, стр. 128.

Анна БОРОВАЯ

МЕНУЭТ ПО-ХАРЬКОВСКИ

Эссе

Я вернулась с работы домой ближе к вечеру. Сегодня в метро начала патрулировать охрана вместе с милицией и какими-то крепкими ребятами в черной камуфляжной форме без знаков отличия и шевронов. Молчаливая сосредоточенная масса людей перетекала от одного турникета к другому, от платформы одной станции по переходу на другую и мрачно, не улыбаясь, заполняла вагоны. Мужское население заметно уменьшилось в количестве — мобилизация свирепствовала. Люди, усталые и измученные бесконечными сводками с фронтов и одами силе духа украинцев, воюющих за правое дело с подлыми агрессорами, обреченно ехали в вагоне, не разговаривая и не глядя друг на друга. На своей станции я увидела патруль, досматривающий прилично одетую женщину средних лет с ребенком, и тихо прошла мимо, стараясь не смотреть. Не хватало, чтобы меня попросили показать паспорт. Я на минуту представила, как я достаю свой бессрочный вид на жительство, выданный мне 13 лет назад, где указано, что я являюсь гражданкой страны-агрессора... Больше я представлять ничего не стала, но опустила голову ниже и, проклиная себя за невозможность вмешаться в досмотр, быстро прошла дальше. «Позор, трусость», — подумаете вы. Да, правда, но дома меня ждала 14-летняя дочь, по определению бандеровцев, полукровка, родившаяся от смешанного брака и потому не имеющая права быть чистокровкой украинкой, т. е. принадлежать к «титულიй нации», а еще моя пожилая мать — русская. Я сжала кулаки от безысходности и ненависти и прошла мимо. Кто знает, может быть, СБУ еще не выполнили план поимки сепаратистов в этом месяце, и я могла бы стать большой удачей для них.

Я открыла дверь ключом и услышала, что мама разговаривает по телефону с братом, интересуется, как у него дела, что означало примерно следующее: «не было ли облавы у тебя на работе, сынок?

Тебя не забрали в военкомат?» Всё, мы все дома, и можно закрыть дверь и не открывать, если вдруг будут настойчиво звонить чужие. Я успела попить чай и включить скайп для разговора с мужем, которого не видела уже почти месяц, потому что он скрывался от мобилизации на территории страны-агрессора. Спасибо двоюродным братьям за то, что помогли ему устроиться на работу и разрешили жить в старом бабушкином доме. Скоро я должна была поехать к нему хоть на недельку. Я уже начала собирать какие-то вещи и думать о том, как я смогу свободно дышать и жить эту неделю. Мысли бежали, отвлекая меня от непрерывного воя «скорых» за окном, от каких-то националистических криков на улице — судя по всему, рядом с моим балконом. Но даже открыть окно было страшно — первый этаж, а кто кричит, я не знаю. В дверь настойчиво позвонили, и весь дом пришел в движение. Мама с испуганным лицом вышла из комнаты, а дочь закрыла к себе дверь. Я спрятала георгиевскую ленточку, прикрепленную к настольной лампе, вздохнула и пошла открывать.

— Кто там? — спросила я не очень громко и осторожно.

— Откройте, не бойтесь, это я — дежурная, — раздался голос нашей консьержки. Я приоткрыла дверь и, увидев в щель тетю Валю, вышла из нашего коридорчика на две квартиры.

— Ой, здравствуйте, я пришла сказать, что из милиции и военкомата пошли на 10-й этаж к Калининым. Может быть, и к вам заглянут, хоть я сказала, что на первом никого подлежащих мобилизации нет, но, думаю, они не поверили, так что закрывайте двери или прячьте, если кто есть.

— Спасибо вам, тетя Валя. Сережи нет, а брат сейчас не с нами живет и не прописан тут, но вот у Гали, соседки, Вадик может оказаться дома. Я сейчас ей скажу.

Внезапно мы прислушались: лифт начал движение вниз. Поспешно распрощавшись, консьержка побежала на свой пост, а я отчаянно забарабанила в дверь к соседке. Галя открыла и с опаской оглядела коридорчик. Лифт приостановился где-то между вторым и третьим этажом.

— Галя, привет, по квартирам ходят. На десятый поехали, у тебя Вадик дома?

— Ой, господи! — воскликнула Галя. — Нет его, с работы должен прийти, да, наверное, у девушки своей задержался. Сколько раз предупреждала: «сын-ок, сразу домой, сынок, Вадик, не ездь на метро, пусть твоя Марина к нам приедет», — все бестолково!

— Так, особо не переживай, тетя Валя сказала, что у нас никого для мобилизации нет, так что откроешь дверь, если сейчас позвонят, и у тебя правда никого нет. Тихо! Лифт остановился.

Мы с Галей замерли в жутком ожидании, прислушиваясь, как открылись двери, как тяжелые мужские шаги протопали к выходу и грубые голоса затихли где-то там, за входной дверью. Уф! Слава Богу! Мимо! Улыбнувшись друг другу,

мы с соседкой разошлись по квартирам, а через день узнали, что молодого парня с 10-го этажа забрали на фронт.

Вечер пришел как-то сам собой, и дочь, подсознательно чувствуя сложную обстановку, вернулась с прогулки раньше обычного.

— Представь, мам, сегодня у нас чуть не произошла драка в женской раздевалке на физре, — потягивая чай, заявила она.

— Как драка? — в моей душе шевельнулось нехорошее чувство, сколько раз говорила ей, чтобы она сидела тихо и не высывалась.

— А вот так! Ира заявила, что Гитлер, по её мнению, был интересным человеком. Ты только подумай! А потом она добавила, что все люди на Донбассе уроды и нищоброды.

Тут я не выдержала.

— А вы что же молчали? Тихо закрыли рты и вежливо улыбались, да?

— Ты что, мам. У нас же в классе Алиса из Донецка. Вот тут мы и зашвырнули в Иру ботинками.

— Так, ты тоже швыряла? — предчувствуя неприятности, спросила я.

— Конечно, а как она может так говорить, у Алисы дома не осталось, и они чуть успели убежать сюда, потому что здесь бабушкин дом и можно жить. Правда, нас потом поднимали на воспитательном часе, но Аннушка сказала, что директору докладывать не будет. Она вообще нормальная, у нее дед и отец из России, и там куча родственников.

Я тихо села на стул и закрыла голову руками. «Это просто безумие, так жить невозможно, это какая-то петля времени, 1941 год. Ужас!» Мысли бились в моей голове и сдавливали виски, а в соседней комнате мама звонила брату и спрашивала, доехал ли он домой с работы.

На столе лежали разбросанные счета за квартиру, сумма которых превышала все мыслимые и немыслимые числа, но платить нужно, потому что могут прийти и поинтересоваться, кто прописан, кто живет, и окажется, что здесь часть собственности оформлена на меня, гражданку страны-агрессора, тогда актуальный сейчас лозунг «геть москалів з України» может очень быстро претвориться в жизнь в моем случае. Мучительно захотелось, как раньше, пойти в кино или в театр, включить телевизор и посмотреть интересную передачу или любимый фильм, да просто не бояться выйти на улицу, улыбнуться и поболтать о жизни с соседкой, позвонить подруге и обсудить последние события в мире, не опасаясь ареста за бытовой сепаратизм. Захотелось просто почувствовать себя человеком без национальности, цвета кожи, расовых признаков и т. д. и т. п. Захотелось понять, что ты — Человек! А еще очень хотелось верить, что все это — просто дурной сон и вот-вот я проснусь и увижу солнечное утро такое, каким оно бывает только здесь, на Украине. Я проснусь, и этот прекрасный и многогранный мир наконец-то вернется в правильное положение, а значит, предательство будет предательством, а подвиг останется подвигом без каких-либо сомнений.

Александр МАРЫНОВ

ПЕНЗЯКИ О ЛИТЕРАТУРЕ

**Афоризмы, изречения,
размышления**

В одной из своих работ В.Г. Белинский не без сарказма заметил, что в России начали издавать книги, не позаботившись перед этим растолковать, что такое книга и чем она отличается от колоды карт. Чуть позднее, в том же 1841 году, великий критик, как бы продолжая свою мысль, напишет: если двое начнут объяснять друг другу, что каждый из них понимает под словом «поэзия», то выйдет на поверку, что один называет поэзией воду, другой — огонь. А вот если бы все так называемые любители поэзии, предположил автор, заговорили о предмете своей любви, то это была бы настоящая картина вавилонского смешения языков!

Сейчас, спустя чуть ли не два столетия после публикации этих заметок, наш читатель, конечно, без труда отличит книгу от колоды карт, а вот что касается понятий «литература», «поэзия», «язык», «слово», «талант», «творчество», «критика» и т. п., то при их толковании разброс мнений читающей публики будет, пожалуй, и теперь все еще достаточно широким и противоречивым.

В моей картотеке, которую я собираю вот уже добрый десяток лет, более семи тысяч крылатых слов, афоризмов, изречений, мудрых мыслей наших земляков — от Радищева до современных авторов. Как говорится, на все случаи жизни. Достойное место занимают в ней и рубрики, относящиеся к литературе, литературному творчеству, чтению, образованию. Некоторые из них предлагаются вниманию читателей журнала. Хочется верить, что такая сверка наших «литературных часов» с «часами» именитых пензяков на самом финише Года литературы будет далеко не лишней.

КНИГА, ЧТЕНИЕ

(...) дурная книга сообщает превратные понятия и делает невежду еще невежественнее.

В. Белинский (1 — 300)¹

Всякий образованный русский должен иметь у себя всего Пушкина: иначе он и не образованный, и не русский.

В. Белинский (2 — 282)

Что бы ни читать, все лучше, чем играть в карты или сплетничать.

В. Белинский (3 — 37)

Книга есть жизнь нашего времени. В ней все нуждаются — и старые и молодые, и деловые, и ничего не делающие; дети — также.

В. Белинский (3 — 54)

(...) детскость образования: никто не хочет мыслить, а все только хотят читать.

В. Белинский (4 — 297)

(...) видеть прекрасно изданную пустую книгу так же неприятно, как видеть пустого человека, пользующегося всеми материальными благами жизни.

В. Белинский (5 — 456)

(...) книгопечатание есть великое и могущественное средство к публичности, без которой слово «литература» есть звук без смысла, тело без души.

В. Белинский (6 — 498)

(...) и само чтение, и сама идея тогда только важны и действительны, когда входят в жизнь, становятся, так сказать, обычаем или обыкновением.

В. Белинский (7 — 148)

Чем дешевле книги, тем больше их читают, а чем больше в обществе читателей, тем общество образованнее.

В. Белинский (7 — 397)

Есть люди, для которых литература и наука, просвещение и образование действительно только вредны, а не полезны, потому что сбивают их с последнего остатка здравого смысла, скупое уделенное им природою: неужели же для них уничтожить литературу и науку, просвещение и образование?

В. Белинский (8 — 317)

(...) книги для детей можно и должно писать, но хорошо и полезно только то сочинение для детей, которое может занимать взрослых людей и нравиться им не как детское сочинение, а как литературное произведение, писанное для всех.

В. Белинский (8 — 551)

¹ Здесь и далее цит. по: В. Г. Белинский, СС. в 9 т., М., «Худ. литература», 1976 — 1982 гг., с указанием (в скобках) соответствующих тома и страницы.

Холодной буквой трудно объяснить
Боренье дум.

М. Лермонтов (1 – 286)²

Скажите, каково прочесть
Весь этот вздор, все эти книги, —
И все зачем? Чтоб вам сказать,
Что их не надобно читать!..

М. Лермонтов (2 – 115)

Люди напряженно преследуют свои интересы, но книг не читают. Почему?
Книги ли так неинтересны или интересы так не книжны?

В. Ключевский (376)³

(...) великие книги одинаково доступны пониманию и ученого, и неграмотного
крестьянина, лишь бы было понятно изложено. А всякая великая мысль проста.

А. Куприн (6 – 171)⁴

А ведь русский читатель, изо всех читателей в мире, наиболее чуток на
ложь, на вранье или даже на простое преувеличение.

А. Куприн (7 – 194)

(...) читать без направления — это то же, что толочь воду в ступе...

Н. Степной. (3 – 22)⁵

Стремясь к бессмертию, человеческий ум создает книгу — свою надгроб-
ную плиту.

Ф. Гладков. Цемент. М., «Известия», 1965, с. 89

Книга — это огонь воображения, библиотека — пылающий костер.

В. Кураев. Дневник ссыльного большевика (1933 – 1935).

М., 1998, с. 53

— Ты книги брось — бедняцкая затея, — учил мой дед, — не будь ты дура-
ком. От книг и впрямь не стал я богатеем, но по уму не стал и бедняком.

Г. Горланов. Пиитики. М., 2015, с. 174

(...) писатели приходят и уходят, а книги и читатели живут.

Г. Горланов. Пиитики, с. 187

ЛИТЕРАТУРА

(...) блажен писатель, если творением своим мог просветить хотя единого,
блажен, если в едином хотя сердце посеял добродетель.

А. Радищев. Сочинения. М., «Худ. лит.», 1988, с. 61

² Здесь и далее цит. по: М.Ю. Лермонтов. ПСС в 10-ти т., М., «Воскресенье», 1999 — 2002 гг., с указанием (в скобках) соответствующих тома и страницы.

³ Здесь и далее цит. по: В.О. Ключевский. Соч. в 9-ти т., т. 9, М., 1990, с указанием (в скобках) номера страницы.

⁴ Здесь и далее цит. по: А.И. Куприн. ПСС в 10-ти т., М., «Воскресенье», 2006 — 2007 гг., с указанием (в скобках) соответствующих тома и страницы.

⁵ Здесь и далее цит. по: Н.А. Степной. СС. в 10-ти т., М., 1927 — 1929 гг., с указанием (в скобках) соответствующих тома и страницы.

(...) литература непременно должна быть народной, если хочет быть прочною и вечною!

В. Белинский (1 — 86)

Литература, как и общество, имеет своих плебеев, свою чернь, а чернь везде бывает и невежественна, и нагла, и бесстыдна.

В. Белинский (1 — 263 — 264)

Художественность в том и состоит, что одною чертою, одним словом живо и полно представляет то, чего без нее никогда не выразишь и в десяти томах.

В. Белинский (2 — 387)

Где нет внутренних, духовных интересов, внутренней, сокровенной игры и переливов жизни, где все поглощено материальною жизнью, — там нет почвы для литературы, нет соков для питания (...)

В. Белинский (3 — 203)

Очевидно, что только та литература истинно народна, которая в то же время есть литература общечеловеческая; и только та литература — истинно человеческая, которая в то же время и народна. Одно без другого существовать не должно и не может.

В. Белинский (4 — 141)

Под литературою, в точном и определенном значении этого слова, должно разуметь сознание народа, исторически выразившееся в словесных произведениях его ума и фантазии, — а так как сознание есть высшее проявление жизни народа, то литература необходимо должна быть его общим достоянием, чем-то таким, что до всех равно касается, всех равно интересуется, всем равно доступно.

В. Белинский (6 — 499)

(...) литература есть отражение общества, и все ее недостатки, равно как и хорошие стороны, суть недостатки и хорошие стороны самого общества...

В. Белинский (7 — 132)

Деньги поддерживают литературу, но не создают ее: иначе литература была бы слишком пошлым явлением в жизни. Источник литературы — дух, гений, разум, историческое положение общества...

В. Белинский (5 — 340)

(...) благодаря, может быть, заслуге одной только литературы, у нас зло не смело называться добром, а лихоимство и казнокрадство не титуловались благонамеренностью (...)

В. Белинский (7 — 284)

(...) литература — не игра в фанты, не детская забава (...) искание истины есть ее главный предмет.

В. Белинский (8 — 174)

(...) кто говорит от души, тот не гоняется за звонкою фразою или вычурным выражением, но пишет, как говорит.

В. Белинский (9 — 50)

Литература имеет великое значение: это гувернантка общества.

В. Белинский (9 — 316)

Литература наша процветает, ибо явно начинает уклоняться от гибельного влияния лукавого Запада — делается до того православною, что пахнет мощами и отзывается пономарским звоном, до того самодержавною, что состоит из одних доносов, до того народною, что не выражается иначе как по матерну.

В. Белинский (9 — 476)

Тайна искусства писать — уметь быть первым читателем своего сочинения.

В. Ключевский (414)

Залог русской жизни — ее писатели.

А. Куприн (9 — 151)

Но разве литература не есть самый заметный маяк нации, по которому можно судить о ее жизни, жизнеспособности, скажем даже — бессмертии.

А. Куприн (10 — 217)

Ужасно, когда самое изящное из искусства — искусство слова — становится профессией. В этом большая горечь...

А. Куприн (11 доп. — 291)

ВДОХНОВЕНИЕ, ТВОРЧЕСТВО

Поэт есть раб своего предмета, ибо не властен ни в его выборе, ни в его развитии, ибо не может творить ни по приказу, ни по заказу, ни по собственной воле, если не чувствует вдохновения, которое решительно не зависит от него: следовательно, творчество свободно и независимо от лица творящего.

В. Белинский (1 — 165 — 166)

(...) поэт не может и не должен быть рабом истории, так же как он не может и не должен быть рабом действительной жизни, потому что, в том и другом случае, он был бы списчиком, копистом, а не творцом.

В. Белинский (1 — 266)

(...) излишне пылкое воображение всегда было врагом здравого смысла.

В. Белинский (1 — 266)

(...) когда ум творит без участия чувства и фантазии, то всегда делает непости и промахи против здравого смысла.

В. Белинский (1 — 267)

(...) как можно не понимать того, что творчество есть удел немногих избранных, а не всякого, кто только умеет читать и писать.

В. Белинский (1 — 347)

(...) истинный поэт не ищет рифмы, но рифма ищет его...

В. Белинский (1 – 412)

Для того, чтобы быть поэтом, мало ума: нужно чувство и фантазия. Делать поэмы может всякий, творить – один поэт.

В. Белинский (1 – 414)

(...) вдохновение есть внезапное проникновение в истину.

В. Белинский (2 – 56)

Где вдохновение неподдельно, там есть и поэзия, и чьей натуре сродно вдохновение, тот поэт; но и вдохновение имеет свои степени и в каждом поэте отличается особенным характером (...)

В. Белинский (3 – 236)

Кто не одарен творческою фантазиею, способною превращать идеи в образы, мыслить, рассуждать и чувствовать образами, тому не помогут сделаться поэтом ни ум, ни чувство, ни сила убеждений и верований, ни богатство разумно исторического и современного содержания.

В. Белинский (6 – 16)

Меня спасало вдохновенье
От мелочных сует.

М. Лермонтов (1 – 124)

Опять явилось вдохновенье
Душе безжизненной моей
И превращает в песнопенье
Тоску, развалину страстей.

М. Лермонтов (3 – 219)

Тяжелое дело писать легко, но тяжело писать легкое дело.

В. Ключевский (385)

Голод — самая плохая пища для вдохновения.

А. Куприн (2 – 366)

Великих моментов нельзя повторять, как и нельзя передразнивать вдохновение.

А. Куприн (5 – 219)

ЯЗЫК, СЛОВО

Кто б помыслил, что столь малейшее орудие, язык, есть творец всего, что в человеке есть изящно.

А. Радищев. Сочинения, с. 445

Создать язык невозможно, ибо его творит народ; филологи только открывают его законы и приводят их в систему, а писатели только творят на нем сообразно с сими законами.

В. Белинский (1 – 70)

Простота языка не может служить исключительным и необманчивым признаком поэзии; но изысканность выражения всегда может служить верным признаком отсутствия поэзии.

В. Белинский (1 – 198)

Какое бы ни было слово – свое или чужое – лишь бы выражало заключенную в нем мысль, — и если чужое лучше выражает ее, чем свое, — давайте чужое, а свое несите в кладовую старого хлама.

В. Белинский (4 – 70)

(...) между языком и слогом такое же неизмеримое расстояние, как и между мертвою, механическою правильностью рисунка бездарного маляра-академика и живым оригинальным стилем гениального живописца.

В. Белинский (5 – 294)

Страж чистоты языка — не академия, не грамматика, а дух народа...

В. Белинский (7 – 565)

(...) никакой язык ни в какую эпоху не может быть до того удовлетворительным, чтоб от него нечего было больше желать и ожидать.

В. Белинский (8 – 75)

Крепкие слова не могут быть сильными доказательствами.

В. Ключевский (369)

Чем меньше слов, тем больше филологии, потому что любить слово значит не злоупотреблять им.

В. Ключевский (445)

Легче истолковать чувство без слов, чем слова без чувств.

В. Ключевский (445)

Русский язык в умелых руках и в опытных устах — красив, певуч, выразителен, гибок, послушен, ловок и вместителен.

А. Куприн. — В кн. «Энциклопедия афоризмов, XX век». Минск, 1999, с. 384

Язык не поднимает горы, а слизнуть может целую крепость.

Ф. Гладков. Цемент. С. 131

Замечено, что если много раз повторять вслух одно и то же слово, даже очень красивое, звучно красивое, то оно превращается в бессмыслицу, банально опошляется красивое сочетание звуков.

В. Малязев. Слово сердца моего. С. 152

Читая и слушая слово,
Мы жаждой открытий живем.

В. Бражников. Искусство. Гении. Эпохи. Пенза, 2011, с. 152

В слове — сила жизни,
В слове — ужас смерти.

Р. Бекман. — В сб. «Чембарские родники», г. Белинский, с. 108

ПИСАТЕЛЬ, ПОЭТ, КРИТИК

В числе необходимых условий, составляющих истинного поэта, должна непременно быть современность. Поэт больше, нежели кто-нибудь другой, должен быть сыном своего времени.

В. Белинский (1 — 190)

Поэтом может назваться только тот, кто не может не писать, кто не в силах удерживать вечно пламенных порывов своей фантазии.

В. Белинский (1 — 282)

Пишущие люди разделяются на литераторов и литературщиков: первые пишут по призванию, по сознанию своей способности писать, вторые — самозванцы.

В. Белинский (1 — 507)

Поэт есть живописец, а не философ.

В. Белинский (3 — 233)

Задача историка — сказать, что было; задача поэта — показать, как было: историк, зная, что было, не знает, как было; поэту нужно только узнать, что было, и он уже видит сам и может показать другим, как оно было.

В. Белинский (4 — 99)

В том-то и высочайшее искусство поэта, чтоб, не говоря о предмете, говорить о нем.

В. Белинский (4 — 489)

(...) тайне поэзии нельзя выучиться, если натуре человека не присуще откровение этой тайны...

В. Белинский (5 — 490)

(...) чем личность поэта глубже и сильнее, тем он более поэт.

В. Белинский (6 — 255)

Торгаш-литератор, готовый писать и за и против чего ни наймут его, всегда будет торгашом, так же как литератор с убеждением никогда не изменит ему ради денег.

В. Белинский (7 — 256)

Есть тысячи людей, которые, из денег или из чести видеть в печати свой портрет и свое сочинение, готовы пуститься в сочинительство, даже и не зная грамоте...

В. Белинский (7 — 406)

(...) в наше время трудно быть поэтом, — так же трудно, как легко писать стихи!..

В. Белинский (7 — 582)

Не всякий тот критик, кто пишет критики, так же как не всякий тот поэт, кто пишет стихи. Критик — тот, чьи мнения имеют вес и принимаются публикою, кто, следовательно, имеет большее или меньшее влияние на развитие и направление вкуса в обществе.

В. Белинский (8 — 68)

Кто родился поэтом, тот и умрет им. Отнять у него возможность писать — значит отнять у него возможность жить.

В. Белинский (9 — 58)

Писатель — не сочинитель: первый пишет, чтобы изложить свои мысли; второй сочиняет мысли, чтобы что-нибудь написать.

В. Ключевский (403)

Крупные писатели — фонари, которые в мирное время освещают путь толковым прохожим, которые разбивают негодяи и на которых в революции вешают бестолковых, на Вольтере и Руссо перевешали франц<узских> аристократов.

В. Ключевский (410)

Не может быть хорошим беллетристом близорукий и глухой человек, страдающий к тому же хроническим насморком.

А. Куприн (1 — 446)

Писатель должен помнить, что труд его — не забава, не просто приятное проведение времени, а большое, трудное и полезное дело.

П. Замойский. Сс. в 4-х т.

М., 1959, т. 1, с. 8

В каждом деле, труде быть старайся поэтом, Ведь это не жизнь, если ты не поэт.

О. Савин. Все начинается с любви...

Пенза, 2011, с. 28

Поэт без любви, что без паруса челн.

В. Зайцев. Для полного счастья.

Пенза, 2008, с. 32

Я мысль простую к истине сведу:
В рай никогда не просятся поэты,
Хотя живут, как многие, в аду...

В. Агапов. Судьбы мгновенье.

Пенза, 2009, с. 165

Государство уже погублено,
Если жить в нем не может поэт.

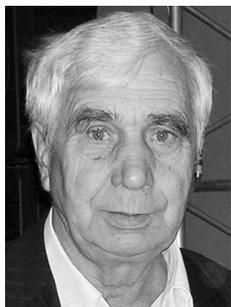
В. Юраков. Капелька.

Пенза, 2007, с. 41

Не гадай — то счастье или драма,
Просто такова Россия-мать:
Можем мы и в кабаках, и в храмах
Бога и поэта поминать.

Б. Шигин. Стихотворения и песни.

Пенза, с. 89

Эдуард АНАШКИН

**«...А СЕРДЦЕ В ЧИТУ,
ВСЁ В ЧИТУ, ВСЁ В ЧИТУ
ВОЗВРАЩАЕТСЯ»**

**К 50-летию совещания
молодых писателей Сибири
и Дальнего Востока**

I

В моём рабочем кабинете стоит один-единственный книжный шкаф, который очень дорог мне. Книг в доме много, они стоят в других комнатах на книжных полках. Но этот — особенный. Даже друзья-приятели, которые приезжают ко мне, прозвали его ласково «забайкальским». В нём стоят книги и журналы участников и руководителей семинара молодых писателей Сибири и Дальнего Востока, который прошёл в Чите с 6 по 16 сентября 1965 года.

Открываю его. Вот книга Геннадия Машкина «От мала до велика», изданная в Иркутске. Автограф автора: «Эдуарду Константиновичу с авторским, тёплым, сибирским приветом. С пожеланием творческого форта на сложных путях творчества и чудотворчества! Г. Машкин».

Геннадий Николаевич прислал эту книгу мне в подарок ко дню рождения. В сборнике есть и повесть «Синее море, белый пароход», уже давно ставшая одной из любимых книг юных читателей не только в России, но и во многих зарубежных странах.

Рядышком с книгами Машкина стоят книги Александра Вампилова. Его «Утиная охота» — бессмертная пьеса. Это классика. Вампилов написал всего пять пьес, но стал одним из лучших драматургов страны.

Вот книги Евгения Куренного: «Белан», «Осенняя сухомель», «Поезд на рассвете». На семинаре я искал молодого прозаика из Читы, хотелось познакомиться с ним. Его рассказ «Белан», опубликованный в читинской областной газете «Забайкальский рабочий», буквально покорила меня — начинающего разводить голубей.

Нашёл я Куренного в группе прозаиков, где руководителями были Семён Шуртаков и Виктор Астафьев.

Рядом стоят несколько книг Вячеслава Шугаева и «Роман-газета», где опубликован он. Я помню, как прошло «на ура!» обсужде-

ние его повести «Бегу и возвращаюсь». Повесть была встречена очень тепло. Председатель правления Союза писателей РСФСР Леонид Сергеевич Соболев назвал Шугаева сложившимся писателем, а центральный образ повести — открытием в современной литературе.

Достаю с книжной полки несколько тонких книг стихов молодых поэтов Забайкалья, которые помещены в одной кассете под названием «Бригада», выпуска 1964 г. Вот книжечка стихов корреспондента областной газеты «Забайкальский рабочий» Ростислава Филиппова. Это была запоминающаяся личность семинара: почти двухметрового роста. И, кроме этого, руководитель первого семинара поэзии Дмитрий Ковалёв сказал о читинском гиганте следующее: «Нас очень порадовал Ростислав Филиппов. Это цельный поэт. Биография у всех на семинаре интересная, но у него не только биография, у него творческая биография». Но и ещё на этом семинаре Ростислав стал своеобразным символом. Таким я его и запомнил на Празднике книги, на центральной площади Читы им. В.И. Ленина.

Задолго до выхода писателей к читателям начался книжный базар. И вот с группой писателей к центру площади прошёл Леонид Сергеевич Соболев. В ту же минуту на площадь въехали две машины: на одной — эмблема семинара — сине-белый транспарант с голубем на острие пера на фоне раскрытой книги с надписью: «Сентябрь-1965». На другой машине — стилизованный Рыцарь Книги (Ростислав Филиппов) с огромным пером вместо копья и с хозяйкой книжного базара — Дульсинеей Читинской (Диной Стейскаль — преподавателем культпросветучилища).

В дальнейшем Ростислав в полной мере оправдал сказанные в его адрес добрые слова-напутствия на семинаре. Был Ростислав Владимирович и председателем Иркутского отделения Союза писателей России — крупнейшей организации Сибири.

Особняком стоят книги моего земляка-прозаика Николая Тихоновича Яценко. Беру в руки диологию «С отцами вместе», состоящую из двух повестей: «Босоногая команда» и «Искры не гаснут». Эта книга о нашем родном с автором небольшом городке — станции Хилок. Дети рабочей окраины железнодорожного посёлка в годы Гражданской войны всеми своими силами борются с мятежными чехами, головорезами атамана Семёнова, японскими интервентами, американцами, своими местными буржуями. Они упорно ищут своё место в борьбе. И находят, когда их наставниками, руководителями становятся отцы, старые рабочие, большевики.

Николай Тихонович сыграл в моей жизни большую роль. Однако по порядку. Жил я в городе Хилке. На литературной карте Забайкалья надо чётко отметить Хилокский район, который дал плеяду замечательных поэтов и прозаиков, имена которых вошли достойно не только в российскую литературу, но и советскую.

На станции Хилок в 1928 году окончил семилетнюю школу Дамдижанов Цырен-Доржи, и после этого начинается его трудовая жизнь, богатая и разнооб-

разная. Работал редактором республиканской газеты, директором книжного издательства, министром культуры Республики Бурятия, начальником управления Совета Министров Республики. Автор семи сборников рассказов и повестей. Был награждён орденом Монголии «Полярная звезда».

Жимбиев Цыден-Жан родился в селе Кусота Хилокского района. Автор со-рока книг поэзии и прозы, изданных на бурятском и русском языках. Он первый выпускник Литературного института из писателей Бурятии. Был президентом Ассоциации Детских творческих работников монгольязычных народов.

Мунгонов Барадий также родился в селе Кусота. Окончил Высшие литературные курсы. Автор многочисленных сборников рассказов и очерков. Наиболее полно проявился талант писателя в многоплановом романе «Хилок наш бурливый», изданном в 1959 году и ставшем заметным явлением в бурятской литературе. Роман неоднократно издавался в Москве, вышел в «Роман-газете», лауреат Государственной премии Бурятии.

А Виктор Брониславович Лавринайтис долгое время жил и работал лесо-объездчиком на станции Магзон Хилокского района. Повесть «Падь золотая» неоднократно издавалась в Москве и была любима тысячами школьников нашей советской страны. С этим удивительным лириком в прозе связана целая эпоха забайкальской литературы.

Николай Тихонович Ященко родился и вырос на станции Хилок, автор многих книг о комсомольцах и пионерах Забайкалья. Первый лауреат премии Читинского обкома ВЛКСМ. Награждён орденом «Знак Почёта».

Николай Александрович Юрконенко родился в Хилке, закончил здесь же среднюю школу, профессиональный лётчик, прозаик. Одно время, с 1998 по 2000 год, возглавлял Читинскую писательскую организацию.

Так вот и жил я в Хилке. Это недалеко от Читы. Работал на железнодорожной станции слесарем по ремонту вагонов да ждал призыва в армию. Ещё со школьной скамьи писал рассказы. Однажды взял домашний адрес известного писателя-земляка Ященко у его племянницы Веры, с которой я учился в одном классе, и послал Николаю Тихоновичу несколько своих рассказов. Он благосклонно отнёсся к моим опусам, доброжелательно разбирал их, рекомендовал мне литературу для чтения, поругивая за хулиганское юношеское поведение — в курсе дела держала его племянница — и, конечно же, советовал учиться.

Перед семинаром я послал Николаю Тихоновичу свою новую небольшую повесть о работе железнодорожников, которую он разгромил, назвав её поверхностной, но вдруг, не успев впасть по этому поводу в уныние, получаю от Ященко приглашение приехать в Читу. При встрече Николай Тихонович сказал:

«Не обижайся, но ты ещё творчески не дотягиваешь до участия в семинаре. Поэтому вот тебе гостевой билет. Настаиваю, чтобы ты поучаствовал в работе секции прозы. Их пять. Выбирай любую. Руководители опытные, извес-

тные прозаики. Будет тебе хорошая литературная школа, потом ещё будешь благодарить меня... Выше нос, Анашкин!..»

Как же он оказался прав, дорогой мой Николай Тихонович, строгий и взыскательный, но при этом — такой доброжелательный наставник.

Ященко на семинаре я видел часто. То вот он в окружном Доме офицеров, то на площади, то в здании медицинского института, где занимались семинаристы, то в гостинице.

Когда мне удастся побывать в Москве, я первым делом направляюсь по Комсомольскому проспекту к правлению Союза писателей России, поднимаюсь на второй этаж и останавливаюсь около бюста первого председателя правления Союза писателей России, Леонида Сергеевича Соболева.

Я благодарю его за всё добро, что он сделал для писателей России.

Однако вернёмся в Читу. От имени организаторов семинара — ЦК ВЛКСМ и правления Союза писателей РСФСР — участников форума приветствовал Леонид Сергеевич Соболев: «Пожалуй, только здесь я понял значение и масштаб встречи, которую мы с вами начинаем сегодня в гостеприимной столице Забайкалья Чите. Она, как радушная хозяйка, встретила нас лазоревым сибирским небом и улыбками горожан...»

После столь лирического начала Леонид Сергеевич определил направление семинара: «Литературное произведение существует в неразрывности понятий мастерства и идейности. Та сложная мозаика, которая предстала перед нами в произведениях участников семинара, выражает окружающую нас современную жизнь великой Сибирской страны, Приморья, Дальнего востока...»

Речь Леонида Сергеевича была выдержана в духе того времени, когда отечественная литература была во многом связана с идеологией строительства великой страны.

Пока писатели общались, читатели тоже времени не теряли — незабываемым событием для Читы стал Праздник книги. Задолго до выхода писателей к читателям начался книжный базар. На стоящих тут же персональных именных столиках продавались авторские книги, а сам автор сидел тут же и, буквально не разгибая спины, давал автографы читателям. Тут же книги штамповались памятными экслибрисами, тут же заводились знакомства писателей с читателями. А читатели в Чите тогда (надеюсь, что и сегодня!) были особенные, с особым чувством художественной красоты и правдивости слова и отзывчивостью на него. Наверное, не случайно уже в самом названии города «Чита» звучит эта тяга к чтению.

Кто-то из великих людей сказал, что воспоминания — это не пожелтевшие листы и реликвии, а живой трепещущий мир...

Помнится, я подошёл к столику председателя правления Читинской писательской организации, детского поэта, купил его книгу «Говорящие каракули», куда автор вписал мне тёплый автограф. Обратив внимание на то, что под мышкой я держу не так уж много книг, Георгий Рудольфович посоветовал

мне присоединиться к группе молодых парней: «Может, они тебе какие-то книги подарят...» Ребята, стоявшие тесным кружком, вели запальчивый спор. На моё приветствие почти не отреагировали, горячо обсуждая какой-то рассказ. Я пригляделся, прислушался к спору и понял, что речь идёт о рассказе вот этого — кареглазого, с юношеским овалом лица и такой, на мой взгляд, неуместной на его лице бородой — парня. Это был Геннадий Машкин. А рядом, горячо жестикулируя в пылу спора, стояли Дмитрий Сергеев, Вячеслав Шугаев, Александр Вампилов и молчаливый — как мне показалось, глядящий исподлобья своими чёрными пытливыми глазами — Валентин Распутин. К нему я и обратился с просьбой подарить книгу. Распутин как-то по-детски улыбнулся: «Пока не могу. Вот выйдет книга — тогда и подарю с радостью...» Так состоялось моё знакомство с будущим классиком отечественной литературы.

«Хорошими воспоминаниями надо дорожить, не так уж они многочисленны», — сказал как-то после семинара один из руководителей группы поэзии Марк Соболев. Дорожа ими и с помощью дневника, который я веду с детских лет, решил записать их спустя много лет...

Вечером по Чите гуляло шутивное выражение директора издательства «Молодая гвардия» Юрия Верченко, что Чита вышла на первое место в стране по количеству писателей на душу населения.

...Через месяц после «Забайкальской осени» меня призвали в ряды советской армии. Служил там же, в Забайкалье, в учебном подразделении Читы, а затем в Борзе, Даурии. Чертовски повезло со службой — в частях была добрая, обширная библиотека, в том числе современной литературы, и я имел возможность много читать и следить за выходящими книгами.

У Валентина Распутина вышли книги в Красноярске и Иркутске, затем появились публикации в журнале «Сибирские огни» и тоненьком ещё тогда журнале, которому предстояло стать одним из ведущих русских журналов, — «Нашем современнике».

Я тем временем отслужил в армии, поработал секретарём комсомольской организации в вагонном депо у себя на родине — в городе Хилке, писал, начал публиковаться. А потом переехал на постоянное место жительства в Поволжье, где живу и по сей день.

Но и расставшись волею судеб с родной Сибирью, продолжал пристально следить за творчеством Валентина Распутина, Вячеслава Шугаева, Александра Вампилова, Геннадия Машкина. По-землячески и по-читательски — как читатель и как читинец — радовался за них.

Но вернусь всё же в ту «Забайкальскую осень-1965», чтобы рассказать про рабочие будни семинара. Проходил он в аудиториях медицинского института, двенадцать творческих групп работало на нём. Пять групп прозаиков, пять — поэтов, и две группы драматургов. Мне посчастливилось принять участие в работе двух прозаических групп, где руководителями были Франц Николаевич Таурин и Борис Александрович Костюковский — первый ответственный секре-

тарь Читинской писательской организации со дня её образования, и уроженец Кемеровской области, прозаик Владимир Алексеевич Чивилихин.

Нас семнадцать человек присутствует в аудитории, где творческими руководителями были Франц Таурин и Борис Костюковский. Около часа слушаем рассказ двадцатилетнего геолога, приехавшего на семинар в Читу прямо с берегов Угрюм-реки, Бодайбинского прииска, — Геннадия Машкина. Рассказ называется «Под парусом». В аудитории — и председатель правления Союза писателей РСФСР Леонид Соболев. Руководители и семинаристы работают больше трёх часов кряду без всяких перекуров. Точно подметил впоследствии Борис Костюковский: «У нас была исключительно дружеская обстановка. В эти несколько дней и ночей, когда приходилось работать весь день, а руководителям семинаров ещё и ночью, читая произведения семинаристов, — мы все очень подружились...»

Интересно было на всех семинарах, но меня почему-то особенно тянуло на первый этаж в 32-ю аудиторию. Там работала группа прозаиков под руководством Владимира Алексеевича Чивилихина. В группе были: П. Неделин (Абакан), Д. Сергеев (Иркутск), Д. Стахорский и В. Битюков из Читы, Ю. Дерфель (Якутск), В. Распутин (Красноярск), Г. Кузнецов (Якутск), а также приглашённым был читинец И. Палкин.

Владимир Алексеевич Чивилихин оценивал своих подопечных по степени значимости и относил к трём группам. К первой он отнёс тех, чей уровень литературной подготовки был невысок и кого пригласили участвовать в семинаре как бы авансом. Однако и на них маститые писатели-руководители времени не жалели. Добрые советы ведь никогда не пропадают даром. Во вторую группу попали семинаристы, пишущие умело, даже профессионально, но, как говорили тогда, «не заставляющие читателя переживать, не допускающие под черепную коробку ежа». А третья группа — это открытые на семинаре таланты. К ним принадлежал прежде всего Распутин, чей рассказ «Ветер ищет тебя» Владимир Алексеевич прямо из Читы продиктовал в Москву по телефону в редакцию «Комсомольской правды». Потом я узнал, что 9 сентября у книжного киоска около окружного Дома офицеров ещё до открытия его выстроилась длинная очередь. «Комсомольская правда» шла нарасхват, многим даже не хватало. А 10 сентября в № 37 «Литературная Россия» дала рассказ Валентина Распутина «Я забыл спросить у Лёшки». К этому приложил руку сам Леонид Соболев. Это были первые публикации Валентина Распутина в Москве. «Ещё очень молодой, весь в поисках, иногда удачных, иногда неудачных... Мы имеем дело с редким дарованием, он привлекает углублённой психологичностью, смелостью, с которой берётся за сложные вещи. В языке у него нет бесцветности, бесполости, фразы иногда сложные, но они сработаны из точного лексического материала. Мы верим, что из него получится хороший писатель...» Да и сам Валентин Григорьевич в дальнейшем так сказал о форуме: «Я был участником читинского семинара, благодаря ему я стал писателем, потому что неизвестно, как сложи-

лась бы моя судьба, не получи я одобрения первым своим рассказам в Чите в 1965 году. Для меня поэтому читинский семинар — одно из самых памятных и этапных событий в жизни».

На заключительном заседании семинара Владимир Чивилихин точно предсказал: «Мне почему-то кажется, что великий художник, которого мы с нетерпением ждём, придёт из Сибири. В Сибири есть всё: язык нетронутый, есть правда особая, бодрящая, которая зовёт не к созерцанию, а к действию. В Сибири сосредоточены политические, экономические, моральные и другие проблемы. В Сибири характеры крепкие, крупные, которые отражают психический склад сибиряка. Наконец, Сибирь живёт на земле, дорогой для всех народов. И в Сибири сложнее, чем где бы то ни было. Мы уверены, что именно Сибирь даст художника, которым будет гордиться человечество...»

Эти слова Владимира Алексеевича Чивилихина оказались поистине пророческими, потому что таким художником, как показало время, оказался участник читинского писательского форума, ставший впоследствии Героем Социалистического Труда, лауреатом государственных и многих других премий, писатель-сибиряк Валентин Григорьевич Распутин.

II

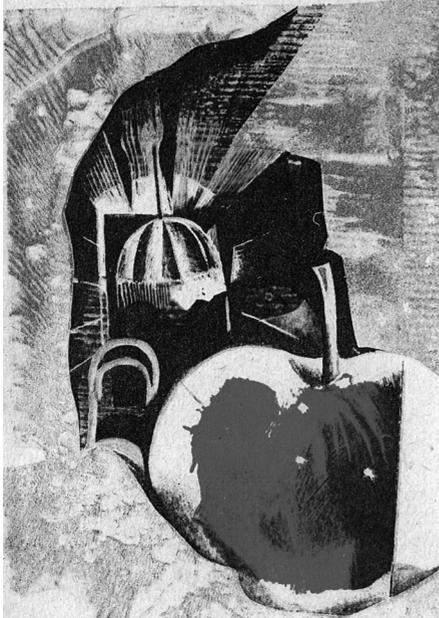
Распутин выполнил своё обещание, данное мне на центральной площади Читы: подарил мне книгу... и не одну. В моём «забайкальском» книжном шкафу очень много книг Валентина Григорьевича с дарственными надписями. Книжки, изданные в Москве и Иркутске, Калининграде и Китае, много журналов с его произведениями. Среди книг Распутина стоит и моя книга рассказов и повестей «Запрягу судьбу я в санки», предисловие под названием «На добро — добром» написал Валентин Григорьевич. Кроме этого сохранились письма Распутина ко мне, телеграммы.

Мы часто встречались с Валентином Григорьевичем в Москве в Союзе писателей на Комсомольском проспекте, в Доме творчества в Переделкино. Эти встречи мне были не только радостны, но и поучительны. Распутин ко мне всегда относился по-братски внимательно и дружески-нежно.

Вот его тоненькая книжка, изданная на простой бумаге без переплёта в Иркутске в 1981 году. Этот рассказ — «Уроки французского» — с такой дарственной надписью: «Эдуарду Анашкину с низким поклоном за своё давнее и былое. В. Распутин». Рассказ посвящён Анастасии Прокопьевне Копыловой, матери друга Распутина Александра Вампилова, талантливому педагогу и замечательному человеку.

Впервые рассказ был напечатан в трёх номерах иркутской областной газеты «Советская молодёжь» в августе 1973 года, а в 1978 году на телеэкраны страны вышел фильм режиссёра Евгения Ташкова «Уроки французского», который на Восьмом Всесоюзном телевизионном фестивале в Баку в 1980 году получил Большой приз фестиваля.

Уроки французского

В 1980 году московская фирма грамзаписи «Мелодия» записала на грампластинку рассказ Распутина «Уроки французского».

Счастливая судьба у этого рассказа: он был издан отдельной книгой в Москве в издательстве «Советская литература», а затем в издательстве «Детская литература».

Валентин Григорьевич так говорит о создании своего рассказа: «Я описал своё детство в рассказе «Уроки французского». Конечно, есть вымысел, учительница не играла со мной на деньги, но учительница на самом деле присылала мне посылки с макаронами. Я ими кормился. И потом, когда стал писать рассказ, одних макарон для сюжета явно не хватало, пришлось выдумывать. И вся деревня так жила, думаю, вся крестьянская Россия так жила...»

В моей папке под названием «Уроки французского» Валентина Распутина собран большой материал об этом рассказе. Здесь высказывания критиков, прозаиков, материалы с диспутов и вечеров по этому рассказу, но мне ближе всего высказывание иркутского критика Валентины Семёновой, написано коротко, ёмко, ярко: «Уроки французского», на самом деле — это уроки русской жизни, принявшей тягостное, неласковое русло. Конец сороковых, послевоенные годы, Сибирь... Одиннадцатилетний отрок получает первый опыт пути против течения. Путь этот удивителен тем, что не стал жёстким ответом на жестокость времени. Противостояние шло по другой линии: выдержка, терпение, преодоление себя. Что заставляло его так держаться? Детская душа — как зерно, из которого прорастают побеги будущего характера. И видно по всему, душа героя рассказа «Уроки французского» была изначально рождена вместе с совестью. Совесть повела от первых уроков к «заданию на жизнь» — именно так было осознано писательское призвание автором «Матёры» и «Моего манифеста».

Заданием стало неколебимое стояние за тысячелетнюю Россию — с её Сибирью, Байкалом, Сергием Радонежским, с её литературой, уронить величие которой нельзя, как нельзя утратить доверие учителей. Уроки горькой правды о дне нынешнем превозмогаются уроками любви, веры в преодоление

отчаяния, веры в то, что наступит подъём духовных сил народа и он не поддастся натиску материалистического мирового порядка...

Главный урок Распутина: зло побеждается не злом, а накоплением и единением сил добра, и победить можно...»

Я очень долго искал прототипы рассказа — «учительницу французского языка» Усть-Удинской средней школы Лидию Михайловну Данилову. И помогла мне её следы найти собственный корреспондент центральной «Российской газеты в Поволжье» Валентина Зотикова. Она, оказывается, уже писала о Лидии Михайловне, встречалась с её младшей дочерью, живущей в Нижнем Новгороде, Татьяной Пономарёвой.

Так у меня появилось много письменного материала и фотографий учительницы. А Валентина Васильевна разрешила даже воспользоваться её материалом о Лидии Михайловне.

Родилась Лидия Михайловна Данилова в 1929 году в Москве, в Орликовом переулке. В 1937 году семье пришлось поменять адрес, когда отец (сотрудник наркомата лёгкой промышленности), чтобы избежать участи сослуживцев, попавших в жернова репрессий, отправился работать в далёкое Забайкалье, в город Сретенск, который расположен на красивой реке Шилке. Здесь же окончила среднюю школу и поступила на факультет французского языка Иркутского государственного педагогического института. А после завершения учёбы получила направление на работу в таёжный райцентр Усть-Уда. Здесь ей предстояло учить ребятшек французскому языку в местной средней школе. И конечно, тогда, вышагивая в туфлях на каблуках по тротуару, сделанному из сосновых досок, молодая учительница с чемоданом в руке вовсе не догадывалась, что этот глухой сибирский посёлок станет особой вехой в её жизни.

Не показывая в классе, что первое время, как писала она впоследствии в письме местному краеведческому музею (и честь ей и слава, что не скрывала этого), «плакала по ночам и проклинала день и час, когда сошла здесь с парохода».

Поначалу ей самой пришлось многому учиться — носить воду из колодца, топить печь, колоть дрова. Но начинался день, и она, легка и молода — как под-

*Л.М. Молокова (Данилова).
Сорбонна, Франция*

линная француженка. И никто не видел ни слёз, ни проклятий, а только любовь и счастливое служение.

Конечно, ей трудно было перебороть собственный страх и неуверенность. И было отчего: новенькую «француженку» назначили классным руководителем самого «хулиганского» в школе восьмого «Б», в котором из двадцати шести учеников шестнадцать были двоечниками. «Я поначалу боялась их как чёрт ладана», — признавалась она спустя годы. К счастью, сами сорванцы-подростки в поношенных ватниках с холщовыми сумками, глядя на свою всегда спокойную и строгую «классную даму», не догадывались об этом.

А вскоре жители Усть-Уды перестали жаловаться директору школы на их выходки — когда ребята после уроков не болтались по улицам. Лидия Михайловна организовала для них драматический кружок. Через год класс было не узнать: за это время ей удалось не только подтянуть успеваемость, но и подружиться со своими учениками — хотя иногда это считалось «непедагогичным». Как об этом здорово сказано в стихотворении «Уроки французского» поэтессы Надежды Мирошниченко из Сыктывкара:

Уроки французского! Тёмный заснеженный вечер.
И русская девушка в дальнем сибирском краю
Голодного мальчика учит изысканной речи,
Французской фонетике вместе со словом «люблю».

Он так одинок, этот мальчик, и так простодушен.
Он очень талантлив, но очень, к тому же, строптив.
И как она хочет согреть его чистую душу,
Её чистоты и доверия не замутив.

«Учителке» страшен далёкий раскат канонады,
Москва затемнённая и в похоронках село.
Но русский язык защищать тогда было не надо:
Все русскими были — и это к победе вело.

А юная девушка, странная, словно из книжки,
С своим «силь ву плэ» и своим простодушным «мерси»
Спустившейся с неба тому представлялась мальчишке,
Таких он не видел ещё до сих пор на Руси.

Уроки французского — памяти сладкая дрёма,
Где мирное небо, и солнце — ковригой большой...
Где три мушкетёра, где радостно и невесомо...
А эта «учителка» — фея с прекрасной душой.

Одним из немногих, кто не доставлял Лидии Михайловне хлопот, был Валя Распутин — тихий скромный мальчик с последней парты. Хотя ему, оторванному от родного дома, в полуголодные послевоенные годы приходилось куда сложнее, чем одноклассникам. И молодая учительница хорошо это знала.

— Мама всегда уверяла, что никакой особой роли в судьбе будущего писателя она не сыграла, — вспоминает младшая дочь Лидии Михайловны, живущая ныне в Нижнем Новгороде Татьяна Пономарёва. — Незадолго до её отъезда был такой случай: ребята решили сделать ей подарок к празднику, но не знали, что выбрать. Тогда они просто собрали деньги. А мама была удивительный человек, когда ей дарили, к примеру, книгу, она тут же старалась подарить что-то взамен. Конечно, отказалась: «Ребята, я не возьму». Те обиделись: «Мы же от чистого сердца! Что же теперь — обратно раздавать?..» Тогда она сказала, что ей будет очень приятно, если они помогут однокласснику Вале Распутину — он лежал в больнице... «Да разве он возьмёт? Вы же знаете — он у нас гордый, хоть и тихоня». Но мама нашла выход: по её совету дети сказали, что деньги — от родительского комитета. «Будешь работать — вернёшь». Уж не знаю, кто рассказал потом ему всю правду. Знаю лишь, что долг тот он школе отдал.

К тому времени в жизни молодой учительницы произошли важные перемены: там же, в Усть-Уде, она познакомилась с парнем — горным инженером Николаем Молоковым, полюбила его и вышла замуж. А вскоре уехала с ним в шахтёрский город Черемхово Иркутской области, куда супруг получил назначение на работу. Семейное счастье Лидии Молоковой было недолгим: в 1961 году в дом пришла беда — погиб муж... В тридцать два года она осталась вдовой с двумя маленькими дочками на руках. Мать её уже перебралась из Забайкалья к родственникам в Мордовию. Лидия Михайловна с детьми отправилась к ней.

В то время в Саранске, в университете, открылась кафедра французского языка, и Лидию Михайловну взяли на работу.

— Первым нашим домом стала комната в преподавательском общежитии, — рассказывает младшая дочь Татьяна Пономарёва. — Размещались мы там с трудом: старшая сестра Ирина спала на диванчике, а я — вместе с мамой. Но я не помню, чтобы мама когда-нибудь унывала и жаловалась. Уже на склоне лет она как-то сказала мне: «Вот, все говорят: «тяжёлое время». А мне никогда не жилось тяжело!..»

Однажды на факультет французского языка университета имени Огарёва пришла разрядка: искали преподавателей для работы в Камбодже, и Лидия Михайловна сразу решила: «Еду! Молокова была хорошим педагогом, потому что в институте кхмеро-советской дружбы уже через год её назначили заведующей кафедрой, хотя там работали преподаватели из лучших вузов СССР. Заслуги Лидии Михайловны отмечены правительством этой страны: она стала командором камбоджийского королевского ордена.

По завершении командировки в Камбоджу Лидию Молокову послали в Алжир. Там она преподавала в школе кадетов революции — заведении полу-

Л.М. Молокова на пенсии

военного типа, где учились дети, чьи родители погибли во время революционных событий. Дочери в это время учились в Подмоскowie, в интернате Министерства иностранных дел — там находились дети, родители которых работали за рубежом. И когда Лидия Михайловна вернулась из Алжира, она получила наконец квартиру на юго-западе Саранска.

В маленькой «двушке» на проспекте 50-летия Октября жили три поколения семьи Молоковых. Лидия Михайловна забрала сюда свою старенькую маму и свекровь, оставшуюся в том самом сибирском посёлке Усть-Уда.

Когда её спрашивали, зачем взваливать на себя такую ношу, она отвечала коротко и ясно: «На меня мои дети смотрят».

А последняя командировка Лидии Молоковой была во Францию, в парижскую Сорбонну, где она начала вести практические занятия на кафедре славистики.

Там ей довелось познакомиться с литературным творчеством своего бывшего ученика. О Распутине она услышала на лекции о современных советских писателях. Тут же всплыл в памяти мальчик из далёкого сибирского райцентра: неужели тот самый?

В Париже Лидия Михайловна часто приходила в магазин русской книги «Глоб», что в латинском квартале города. Один из визитов в магазин запомнился ей на всю жизнь. Она познакомилась здесь с актёром Владимиром Ивашовым, который приехал во Францию представлять знаменитый фильм «Баллада о солдате». Во время беседы с Ивашовым к ней подошла продавщица: «Вы интересовались книгами Распутина? К нам поступил его сборник!» Открыв пахнущий типографской краской томик, она пробежала глазами биографию автора, в оглавлении наткнулась на рассказ «Уроки французского» и, быстро пролистав страницы, стала читать... «Что с вами? — спросил Ивашов, увидев, как лицо собеседницы внезапно покрылось красными пятнами, а в уголках глаз заблестели слёзы. А когда Молокова сбивчиво объяснила, в чём дело, почтительно поцеловал её руку и тоже купил книгу.

Лидия Михайловна написала автору прямо из Парижа, на конверте вывела так: «СССР. Иркутск. Валентину Распутину». А через некоторое время получила ответ: «Я знал, что Вы отзоветесь...».

— Валентин Григорьевич удивительный человек, — вспоминает дочь Татьяна. — Свои письма к маме он подписывал: «Ваш старательный и бестолковый ученик» или просто: «Ваш Валя», и постоянно звал её в гости. Мама воспользовалась его приглашением. Вернувшись, рассказывала, с каким теплом встречали её хозяин и его супруга Светлана Ивановна, милые скромные люди, о настоящем сибирском угощении — пирогах с рыбой — и особом «немещанском» уюте в их доме. Продолжал он писать маме и потом, когда она переехала из Саранска в Нижний Новгород — поближе ко мне, внучке Кате и правнуку Артёму. Затем мама тяжело заболела и уже не могла писать, и Валентин Григорьевич звонил, чтобы справиться о её здоровье.

В семье Лидии Михайловны Молоковой бережно хранят её архив. В толстой стопке писем от писателя последней лежит телеграмма: «С болью в сердце узнал о кончине Лидии Михайловны, моей дорогой учительницы и мудрой наставницы. Не стало её, и тяжесть до конца моих дней легла на сердце и душу. Поклонитесь ей в последние минуты и от меня тоже...»

К этому времени Валентин Григорьевич Распутин — выходец из далёкого иркутского села — стал писателем: русским, советским и мировым...

Каждый год с весны до осени Распутины жили в Иркутске, а зимой — в Москве. В Иркутске они большую часть времени проводили на даче. Скучали без дочери Марии, ждали её. Ждал её и город. Как обычно, приезжая летом домой, давала она концерт в органном зале. Дочь у Распутиных — третий ребёнок у родителей — была их радостью. Первым в семье появился сын Сергей. Второй сын, Роман, принёс в семью Распутиных большое горе — умер от пневмонии в возрасте десяти месяцев. Дочь Мария появилась на свет в 1971 году. Девочка была крепкая, здоровая, но всегда, с самого раннего возраста, хотела быть самостоятельной и обладала сильным характером. Очень ярко отражено это в рассказе её отца «Что передать вороне?». Вот небольшой отрывок из него. «Я забежал на исходе дня в детский сад за дочерью. Дочь очень мне обрадовалась. Она спустилась по лестнице и, увидев меня, вся востепенулась, обмерла, вцепившись ручонкой в поручень, но то была моя дочь: она не рванулась ко мне, не заторопилась, а, быстро овладев собой, с нарочитой сдержанностью и неторопливостью подошла и нехотя дала себя обнять. В ней выказывался характер, но я-то видел сквозь этот врожденный, но не затвердевший ещё характер, каких усилий стоит ей сдерживаться и не кинуться мне на шею...» Будучи подростком, Мария не любила, чтобы на нее обращали внимание, фотографироваться или сниматься на видеокамеру отказывалась категорически, избегала попадать в кадр.

Она многое успела сделать в этой жизни: с отличием окончила теоретическое отделение Иркутского музыкального училища, Московскую консерваторию

Светлана и Мария Распутины

и аспирантуру по двум специальностям — теория музыки и орган, прошла годовую стажировку по органу в Германии, в Любеке, защитила диссертацию, преподавала в Московской консерватории и руководила редакционно-издательским отделом, пела в народном хоре Сретенского монастыря... Она постоянно была в движении, в работе, в творческом поиске. Как хорошо сказал о ней профессор Московской консерватории, заведующий кафедрой теории музыки (на которой работала Мария) Александр Сергеевич Соколов: «За свою недолгую, трагичес-

ки оборвавшуюся жизнь Мария Валентиновна Распутина успела сделать очень многое. Маша была по-настоящему талантлива, и это проявлялась во всём, за что она бралась — будь то исполнительство, наука или педагогика. До сих пор не могу свыкнуться с мыслью, что нет теперь рядом этого *удивительно честного, доброго, чуткого человека*».

«Есть люди, — написала о ней одна из коллег, — которые приходят в этот мир для осуществления определённой миссии. Они словно посланы свыше, чтобы научить нас чему-то очень важному — сделаться добрее, чище, сильнее, мудрее. Исполнив свой долг, они уходят... А мы остаёмся, возвращаясь к своим будничным заботам. Но, бережно храня в памяти светлый образ с горькой печатью разлуки перед Вечностью, мы тоже становимся другими.

Именно таким посланником Божиим была Маруся. Пройдёт немало времени, прежде чем притупится боль, затянется пустота, а милый родной облик Маруси преобразится в прекрасный, совершенный лик Марии».

9 мая 2006 года дочь Валентина Григорьевича и Светланы Ивановны летела самолётом, совершающим рейс по маршруту Москва — Иркутск. Уже по городу были расклеены афиши о её предстоящем концерте... Светлана Ивановна с сыном Серёжей приехали в аэропорт встречать Марию, а Валентин Григорьевич остался на даче. Самолёт А-310 совершил посадку, было объявлено, что он успешно приземлился, но — неожиданно стал набирать скорость, выехал за пределы взлётной полосы и врезался в гаражи, стоящие рядом с аэропортом...

Возник пожар, спастись удалось немногим. 124 человека погибли, и среди них — Мария Распутина. А впереди для родителей было самое ужасное — опознание, опознание того, что осталось от любимой дочери, от Марусеньки: всё обгорело — ни лица, ни одежды... Опознать дочь удалось по кресту, он у неё был необычный. Телеграммы, письма соболезнования шли нескончаемым потоком. Вот одна из телеграмм. «Дорогие Валентин Григорьевич и Светлана Ивановна! С чувством глубокой скорби узнал о трагической гибели вашей дочери Марии Валентиновны! Примите искренние соболезнования! Православная Москва знала Марию как усердную прихожанку, певчую народного хора Сретенского монастыря и сотрудницу его издательства. Москва музыкальная помнит её как талантливого органиста, вдохновенного исследователя, внимательного педагога. Кроткий и светлый облик Марии навсегда останется в памяти всех, кому посчастливилось с ней общаться. Благодарю Бога, что перед своим отъездом, в праздник Владимирской иконы Божией Матери, Мария исповедовалась и причащалась Святых Христовых Таин, а накануне вылета пела на Божественной Литургии. Всё это вселяет в нас твёрдую надежду на милость Божию. Господь, Своим неизреченным Промыслом призвавший Марию в вечные обители, да успокоит её в селениях праведных. Вам — силы пережить горе, постигшее Вашу семью. С уважением, Алексей, Патриарх Московский и Всея Руси».

Вот что писала мне в своём письме её тётя, Евгения Ивановна Молчанова, младшая сестра Распутиной Светланы Ивановны: «...Невозможно поверить, что нет нашей Маруси, нашей Шурки. Она так стремилась приехать в свой родной Иркутск, пожить на даче, где её так ждали родители, хотела погостить у нас, в порту Байкал, в домике, где прошло её детство. Светлана рассказывала, как они любили ходить на пляж, проводили там целый день. Серёжа с воодушевлением разводил костёр, варил с помощью мамы в котелке похлёбку, варили чай, сооружали из веток шалаш, где и укладывалась после обеда спать младшая сестра, и отцу предоставлялась возможность спокойно в тишине работать. Здесь Валентину очень хорошо работалось. Именно здесь, на даче в порту Байкал, написаны его знаменитые произведения: рассказы «Что передать вороне?», «Наташа», «Век живи — век люби», повесть «Прощание с Матёрой». Через несколько лет Распутины купили дачу поближе к городу, на 28-м километре Байкальского тракта. А домик в порту Байкал был подарен нам, чему мы были очень рады и благодарны, и живём в нём уже более тридцати пяти лет. Маруся, приехав на Байкал, сразу предлагала отправляться «в походы»: на маяк, где можно было полюбоваться прекрасным видом, а заодно и пособирать душицу; в лес за грибами, за старыми коричневыми листьями бадана, которыми можно заваривать очень вкусный и ароматный чай; на первый туннель, в который мы забирались и разглядывали диковинную заячью капусту...»

Вместо концерта Марии Распутиной в органном зале Иркутской филармонии состоялся концерт, посвященный её светлой памяти, потому что на 19

августа прихлсь сороковины её трагической гибели. Вот как написал об этом замечательный сибирский поэт Владимир Скиф — человек, который знал Марию многие годы лично:

Сырой Иркутск. Костёл старинный.
Сороковины. Дождь идёт.
Органный зал. Он ждёт Марию.
Он каждый год Марию ждёт.

И как-то странно, очень странно,
Что нет её. Тень из угла
Метнулась, как душа органа,
И задышала, ожила.

А в небо рано, слишком рано
Звезда Мариина взошла.
Болит, скорбит душа органа
О той, что рядом с ним была.

О, как она к нему стремилась!
Живой орган её встречал,
Хмелел, сдавался ей на милость,
И обновлялся, и звучал.

Он помнил каждое мгновенье:
Тех репетиций плавный ход,
Концертов бурное течение
И рук Марииных полёт...

И вот полёт — к органу или
К иным — Господним берегам...
Чтоб мы Марию не забыли,
Звучит как реквием орган.

«Велико горе родителей, потерявших дочь, велико горе брата, потерявшего любимую и единственную сестру, велико горе родственников всех, погибших в Иркутске. Что же делать нам, как жить дальше? Я думаю, я уверена, что наша Маруся ответила бы так: «Живите и помните», — так закончила своё письмо-воспоминание её тётя Евгения Ивановна Молчанова.

После смерти Марии жизнь в семье Распутиных разделилась на «до» и «после». Такое горе вынести было трудно даже такому сильному и волевому человеку, какой была Светлана Ивановна. Да, рядом был муж, был сын, была

внучка Тонечка, появился внук Гриша, внучка Любочка, но Марии-то — не было!

Валентин Григорьевич отказался от многих праздничных мероприятий на следующий год — год своего семидесятилетия. Гибель дочери очень сильно подкосила здоровье Светланы Ивановны.

Но Распутины всё чаще и чаще вспоминали о грядущем в их жизни юбилее — 50-летию совместной жизни. В канун золотой свадьбы Валентин Григорьевич и Светлана Ивановна венчались в церкви святого равноапостольного князя Владимира в городе Иркутске.

Светлана Ивановна Распутина, жена Валентина Григорьевича, была незаурядной, многогранной личностью. После её смерти остались дневники, которые она вела до замужества: две общие тетради, в которых она записывала все свои сокровенные мысли, размышления о жизни, понравившиеся ей стихи, отрывки из прозаических произведений, впечатления о прочитанном. Я очень благодарен сыну Распутиных Сергею, который разрешил кое-что использовать мне в этой статье. Вот слова Светланы Ивановны в дневнике:

«20.12.1959.

То, что пишу здесь, это какая-то очень малая частица моего «я». В жизни столько весёлого и грустного, просто милого, и радостного, и печального, и тревожащего, а я пишу как-то немного однобоко. И иногда становится страшно, что многое растеряю в памяти и, быть может, никогда не вспомню. Но ведь эти маленькие человеческие подробности и являются основой больших человеческих чувств».

«Светлану (или Асланочку, как называли мы её в семье с лёгкой руки моей дочери Даши), — пишет мне в письме её младшая сестра Евгения Ивановна Молчанова, — волнует многое».

«19 января 1958 года.

Кем я буду? Я сама не знаю. Кем я хочу быть? Не знаю.

То есть я чувствую, что я могу быть Человеком.

Я есть, я существую сейчас. Я тонко всё чувствую,

При виде неба, деревьев, снега, солнца, реки, людей,

При звуках музыки внутри всё трепещет и бьётся.

Я люблю жизнь. Я хочу жить, жить светло, чисто,

Бурно и ярко.

Но во что выльется всё то, что я имею?

Претворятся ли мои хрустальные мечты в жизнь?

И кто поможет сделать это?

И есть ли он, человек, которого я люблю?

Жизнь с которым будет счастливой,

Человек, который будет любить меня, поймёт меня?

Я думаю, он живёт, он ищет меня. Он уже любит меня такой,

Какой меня сделает любовь к нему...»

Светлане, написавшей это, — 19 лет. Удивительным образом слова её перекликаются со стихами её папы (известного поэта Сибири, основателя Иркутской писательской организации, Ивана Молчанова-Сибирского), написанными в двадцатилетнем возрасте, в 1923 году:

Я жить хочу... Я страстно жажду жить,
Но чтобы не обыденно и пусто!
Хочу гореть и всей душой любить,
Всей полнотой нетронутого чувства...

Дочь и отец были очень похожи во всём: и по внешности — высокие, статные, с правильными тонкими чертами лица, синеглазые, и по характеру — честные, прямые, справедливые, отзывчивые. Их связывала большая дружба, они могли говорить на любые темы, делиться своими рассуждениями о жизни, обсуждать прочитанные книги.

«Читала Светлана очень много, — пишет её младшая сестра Евгения Ивановна, — у нас была прекрасная библиотека. Когда папа приезжал из Москвы, а ездил он исключительно по делам писательской организации, — всегда привозил новые книги, и мы с нетерпением ждали, когда же он начнёт распаковывать чемоданы и вручать каждому долгожданные издания.

Когда умер папа, всем нам, его детям (а нас было шестеро), очень его не хватало. Светлане же, старшей, особенно. Она лишилась верного друга, собеседника».

Вот строки из дневника:

«10.06.1959.

Я знаю, вернее, знала, только одного красивого мужчину. Он красив всем, красив и внешне, и внутренне. Это папа. Таких больше нет. И его нет. Нет нигде. О боже, как это страшно. Навеки...»

Перелистываю страницы дневника. А вот и жизненное кредо Светланы Ивановны:

«28 августа 1960 года.

Надо жить в полную силу. Дерзать. Творить.
Не бояться повседневности. Подчинять её себе.
Всегда, везде быть сильной, независимой.
И чтобы все это знали.
И никогда не раскисать, по крайней мере,
чтобы никто не видел этого».

Этим принципам она следовала всю свою жизнь. Закончив университет, с маленьким сыном Серёжей (которому не было тогда ещё и годика) и мужем Валентином Распутиным Светлана Ивановна уезжает по распределению в Красноярск, где работает преподавателем высшей математики в технологическом институте.

Жить пришлось в общежитии, что было непросто: общая кухня, туалет, душ... Вот уж, действительно, приходилось «подчинять повседневность». Выручали соседи.

Светлана всегда была сильной, деятельной. Все хозяйственные заботы она брала на себя. Когда им в Иркутске предложили подыскать квартиру большей площади, Светлана Ивановна активно взялась за поиски, перебрала массу вариантов (а предлагали им и квартиру в новостройках), но остановилась на пятикомнатной «сталинке». В квартале от набережной Ангары. Это была «убитая», как нынче говорят, коммуналка, где требовался большой ремонт. Но зато в ней была большая комната необычной формы, пятиугольная, в которой разместился кабинет Валентина Григорьевича. Светлана Ивановна принялась обустраивать квартиру. Все вещи, всю мебель, и шторы, и люстры — всё это она подбирала сама.

Занятия по благоустройству новой квартиры ей приходилось сочетать с работой: после возвращения из Красноярска она преподавала высшую математику в Иркутском институте народного хозяйства.

В доме у Распутиных всегда было людно: приходили писатели — друзья Валентина Григорьевича, обращались за советом начинающие авторы, заходили подруги Светланы Ивановны, одноклассники Серёжи и Маруси. Все, кто попадал в их дом, были накормлены, Светлана Ивановна всё делала ловко и быстро. Она прекрасно готовила, могла запечь в духовке бараний бок или мясо, приготовить вкуснейшие пироги с черёмухой, с брусникой, покрытые сверху толстым слоем сметаны, умела стряпать изысканные торты, такие как «Каприз женщины», «Графские развалины», а в Пасху — духмяные куличи.

Все эти годы, как и всю свою жизнь, Светлана Ивановна много читает. Она знает все новинки литературы, просматривает журналы, всегда в курсе политических событий, культурной жизни.

Через два года после гибели Марии Светлана Ивановна тяжело заболела. Болезнь она переносила стойко. Всё старалась делать сама, ведь она всегда была независимой. Никогда не жаловалась, даже когда боль была непереносимой. Она оберегала мужа, она знала, что он талантлив, она любила его.

Умерла Светлана Ивановна Распутина 1 мая 2012 года и похоронена на Смоленском кладбище города Иркутска, рядом с дочерью Марией.

В последние годы мы с Валентином Григорьевичем чаще созванивались, чем переписывались. Когда в апреле 2013 года мне позвонили из Иркутского отделения Союза писателей России и сказали, что я включён в состав делегации по предложению Валентина Григорьевича Распутина на Всероссийский праздник русской духовности и культуры «Сияние России» в Иркутске, я сначала даже дар речи потерял. Не сразу нашёлся, что ответить. Уже потом вспомнил, что месяц назад Валентин Григорьевич прислал мне подарочное издание своей книги «Прощание с Матёрой» с таким автографом: «Эдуарду Анашкину дружески, с надеждой на скорую встречу в Иркутске. В. Распутин». Вот они,

Э.К. Анашкин и В.Г. Распутин. 2013 г.

наши русские классики! Ничего не обещают, но и сказанных слов на ветер не бросают.

Когда приехал в Иркутск и увидел состав делегации, то ещё раз осознал юбилейную значимость праздника. Сильнейший состав писателей! Здесь собрался свет нашей литературы: поэт, прозаик, главный редактор ведущего литературного журнала «Наш современник» Станислав Куняев; политический и общественный деятель, писатель, главный редактор газеты «Завтра» Александр Проханов; писатель, преподаватель Московской духовной семинарии Владимир Крупин; поэт, прозаик и главный редактор журнала «Москва» Владислав Артёмов; главный редактор журнала «Родная Ладога» (Санкт-Петербург) поэт Андрей Ребров; народный писатель Республики Саха (Якутия) Николай Лугинов; выдающийся фотохудожник и кинооператор, член редколлегии журнала «Роман-газета» Анатолий Заболоцкий и, конечно, сам Валентин Григорьевич, почтивший своим присутствием многие мероприятия праздника! Позже к группе писателей присоединился молодой талантливый поэт Василий Попов. Тон празднику задавали и были «движителями» всего действия замечательные поэты-иркутяне Владимир Скиф, Василий Забелло, Михаил Трофимов.

Мы выступали в школах и учебных заведениях, в библиотеках и на мероприятиях, в литературно-театральном салоне Вампиловского центра. Были мы и у Кругобайкальской железной дороги. Не забуду поездку на малую родину Валентина Распутина в посёлок Усть-Уда, где стоит красавец деревянный Бо-

гоявленский храм, построенный с помощью Валентина Григорьевича. Писатели бывали в этом храме и получили благословение настоятеля, протоиерея о. Владимира.

В Усть-Уде прошло детство Валентина Григорьевича, здесь он окончил среднюю школу. Между прочим, местом одной из многих сталинских сибирских ссылок была Усть-Уда! Сталин не забыл об Усть-Уде, став генсеком. По его указанию многие юные усть-удинцы побывали в Москве...

Дважды в Иркутске у меня состоялась беседа с Распутиным. При последней беседе Валентин Григорьевич меня спросил, прищурив свои чёрные глаза: «Эдуард, за последние годы ты так интересуешься моим творчеством, моей личной жизнью. К чему бы это?» — «Да вот, Валентин Григорьевич, «дело» завёл на Распутина. Хочу книгу о нём написать из серии «Жизнь замечательных людей». Валентин Григорьевич тихо рассмеялся и молча пожал мне руку.

Удалось мне побывать в святой святых для Распутина — на Смоленском кладбище, где похоронены его любимая жена и дочь. И побывал там благодаря Анатолию Заболоцкому. Услышал случайно, как Анатолий Дмитриевич попросил художественного руководителя Иркутского театра русской драмы, заслуженного деятеля искусств России Михаила Корнева, свозить его на кладбище, где похоронены Мария Валентиновна и Светлана Ивановна Распутины, я попросил взять меня с собой, мне давно уже хотелось поклониться могилам этих женщин. Когда мы уже тронулись в путь, выяснилось, что никто не знает, где находятся могилы. И я рискнул позвонить Валентину Григорьевичу. Он помолчал в трубку. Потом спросил: «А где вы сейчас находитесь?» Мы были ещё в пределах Иркутска. Валентин Григорьевич велел подъехать к нему. Вышел с пакетиком в руке. Как назло, у нас не получилось купить цветов: цветочный магазин, на который мы рассчитывали, оказался уже не цветочным!.. Так вот, без цветов, явились мы на кладбище. Когда стояли около могил Марии и Светланы, Валентин Григорьевич вынул из пакета бутылку марочного итальянского вина. И снова накладка: в машине не оказалось ни штопора, ни стаканчиков. Михаил Корнев как-то чудом проткнул пробку в глубь бутылки. И мы, как говорится, прямо «из горла» пригубили по глотку. Я себя в душе ругал, что не подготовился к поездке. Грустно стало, что судьба порой посылает нам возможность, а мы оказываемся не готовы... Я видел, что и у моих спутников как-то погрузнели и помрачнели лица. Только Распутин стоял, как всегда, отрешённо. Да ещё Анатолию Заболоцкому некогда было предаваться мрачным думам, он снимал на камеру для будущего фильма кладбище, лес... И вдруг — с дерева белочка! Прыг к нам. И вертится возле нас! И не боится нас, человек! Смотрю на белочку — и как-то полегчало на душе. А Валентин Григорьевич говорит: «А ведь это добрый знак, это душа усопших даёт нам о себе знать...» Анатолий Заболоцкий уже эту белочку как только не снимал, с каких ракурсов! А она и кинокамеры не боялась.

А вечером, накануне отъезда, Распутин подарил мне красочный фотоальбом выпуска 2012 года «Валентин Распутин. Дорога домой» с тёплой дарственной надписью.

Последний раз мы разговаривали по телефону с Валентином Григорьевичем 5 февраля. Он был в больнице. «Как вы себя чувствуете?» — «Не очень, но обязательно встретимся с тобой. Есть о чём поговорить. Материал, который пишешь о читинском семинаре, пришли, посмотрю...»

Не позвонит. Не посмотрит...

Но я обещаю, что побываю на вашей могиле, дорогой Валентин Григорьевич, и возложу букет цветов!

Похоронили Валентина Григорьевича Распутина на территории Знаменского монастыря города Иркутска.

А по России уже ходит на листочках нигде еще не опубликованное стихотворение русского поэта, редактора журнала «Наш современник» Станислава Куняева, посвященное Валентину Распутину:

На родине, как в космосе, не счесть
Огня и леса, камня и простора.
Все не вместишь, не потому ли есть
У каждого из нас своя Матера.
Своя Ока, где тянет холодок
В предзимний день,
От влаги загустевший,
Где под ногой еще хрустит песок,
Крупнозернистый и заиндевший...
Прощай, Матера!
Быть или не быть
Тебе в грядущей жизни человеческой —
Нам не решить, но нам не разлюбить
Твоей судьбы непостижимо вещей.
Я знаю, что необозрим народ,
Что в нем, как в море, света или мути,
Увы, не счесть... Да, будет ледоход,
Да, будут после нас иные люди!
Прощай, Матера, боль моя, прощай!
Прости, что слов заветных не хватает,
Чтоб вымолвить все то, что через край,
Переливаясь, в синей бездне тает...

Алла НИКОЛАЕВА

СИМПОЗИУМ В КОНСТАНТИНОВО

**К 120-летию со дня рождения
Сергея Есенина**

С 23 по 26 сентября в Москве, в Институте мировой литературы имени А.М. Горького РАН, в Рязанском государственном университете и в музее-заповеднике С.А. Есенина в Константиново прошел Международный научный симпозиум «Сергей Есенин: Личность. Творчество. Эпоха», приуроченный к 120-летию со дня рождения поэта. Масштабный научный форум собрал в этом году более ста учёных из 12 стран мира. Своими исследованиями творчества С.А. Есенина с российскими коллегами поделились представители Болгарии, Финляндии, КНР, Великобритании, Азербайджана, Вьетнама. Одним из тех, кто приехал из далёкого Ханоя в Москву, стал Тоан Хоанг Тху. На своей родине Тоан Хоанг Тху стал популяризатором наследия поэта — при его участии во Вьетнаме были впервые опубликованы стихотворения С.А. Есенина. Он рассказал о том, как впервые познакомился с есенинским творчеством:

«В 1959 году я учился в педагогическом институте им. Ленина, спецкурс нам читал известный есениновед Юрий Прокушев. Тогда я впервые узнал о Есенине и полюбил его стихи. В 1962 году во Вьетнаме мы издавали сборник советской поэзии, и я предложил включить туда стихи С.А. Есенина, сделал построчный перевод.

Моей душе близки стихи С.А. Есенина: я тоже деревенский, вырос в сельской местности. С детства, как Есенин, учился понимать природу, которая у нас, как и у вас, очень красива».

Среди участников пленарного заседания в ИМЛИ РАН был доцент кафедры «Литература и методика преподавания литературы» Пензенского государственного университета В.А. Сухов, который выступил с докладом «Традиции М.Ю. Лермонтова в творческой интерпретации С.А. Есенина».

*В.А. Сухов и Тоан Хоанг Тху
на симпозиуме в Константиново*

Слева: В.А. Сухов у дома С.А. Есенина

Памятная медаль к 120-летию со дня рождения Сергея Александровича Есенина была вручена многим участникам Международного научного симпозиума «Сергей Есенин. Личность, Творчество. Эпоха», которые внесли особый вклад в изучение есенинского творчества. Этой чести был удостоен и наш земляк В.А. Сухов. Кроме научных работ Валерий Сухов пишет стихи. В Константиново у него родились такие строки, посвященные любимому поэту:

*Нет поэта без родины.
Сергей Есенин*

Без родины — поэта нет!
Родного — не понять чужому.
Так в сумерках заветный свет
Вдруг обожжет тоской по дому.
Тогда по-волчьи впору выть
Сухому перекасти-полю,
То вспомнив, что нельзя забыть.
Бродяжью проклиная долю.
Поэта русского судьба —
Врасти корнями в край родимый,
Где материнская изба
Хранит в окне огонь рябины,
Где ветер колокольный звон
Разносит, как напев былинный,
А под окошком старый клен
Клин провожает журавлиный.
А за Окой такой простор,
Что сердце не захочет рая!
И, вспыхнув здесь, души костер
Горит, как Русь, не угасая!

Эти стихи перевел на вьетнамский язык поэт Тоан Хоанг Тху, который познакомился с Валерием Суховым во время Международного симпозиума. Так на есенинской земле родилось творческое содружество, вдохновленное искренней любовью к великому русскому поэту.

ПЕСНИ СЕРГЕЯ КОРОБОВА

*Маме и дядюшке, дедушке и бабушке
Чернышовым. Вечно в сердце моём...*

БЕЛАЯ СКАТЕРТЬ

Em Am
1. Всё, что под старость осталось:
H7 Em
Память о прожитых днях
Em Am
Да в сердце любви ещё малость —
D7 G
Не растерял второпях.

Припев:

E7 Am
Гордыня сбежала на паперть,
D7 G
Рассеялась прихоть, как дым.
Em Am
На стол легла белая скатерть
H7 Em
В помин моим самым родным.

2. Мой дядюшка спит на чужбине,
А мамка в родной стороне,
Но бабушка рядышком с ними...
Жаль, дед мой пропал на войне.

Припев

3. Пусть силы осталось немножко,
Чтоб избу поправить в селе.
Я к небу увидел дорожку,
Да поклонился земле.

Припев

*Светлой памяти школьного товарища
Валерия Бычкова*

ОГОНЬКОМ ОТДАЛЁННЫМ...

Dm Gm6
1. Огоньком отдалённым обозначился пруд,
Gm6 Dm
Детский дом промелькнул и исчез.
Dm Gm6
Две звезды неотступно за вагоном бегут,
Gm6 Dm
Да вздыхает задумчиво лес.
D7 Gm
И мелькают деревни, грохочут мосты,
Gm Dm
Сосны машут задумчиво вслед.
Dm Gm6
Юность моя, узнаю, это ты —
Gm6 Dm
Край далёких мальчишеских лет!

2. А колёса вагонов стучат и стучат,
И слезятся глаза на ветру.
Возвратиться бы мне лет на сорок назад,
В своё детство войти поутру...

И увидеть себя в стародавнем краю,
Где лопочут грибные дожди,
И по-детски поверить в удачу свою,
И понять: всё ещё впереди!..

ПРО СНЕГИРЕЙ

С#m F#m
1. Пришла зима-подружка,
G#7 С#m
Встречаю у дверей.
С#m F#m
Несёт ко мне в избушку
H7 С#m
Замёрзших снегирей.
A F#m
Прижал к груди легонько,
H7 С#m
Ладонями согрел...
С#m F#m
Соседский мальчик Колька
G#7 С#m
Дивился и смотрел.

2. Спросил его я шуткой:
— А хочешь поддержать?
— Хочу, что с красной грудкой,
Как вы, к груди прижать!
И я совсем серьёзно:
— Конечно, поддержи!
Я разрешаю. Можно.
Бери и не тужи!

3. Давай теплом согреем
Да зёрнышек дадим.
В сенях, глядь, леденеет...
Морозно, видно, им.

Спадут мороз и стужа,
Уляжется пурга —
Их выпустим наружу,
На вольные хлеба.

4. Пришла зима-подружка,
Встречаю у дверей.
Несёт ко мне в избушку
Замёрзших снегирей...

ЁЖИК СЕРЁЖЕНЬКА

С E7 Am
1. На иголочках у серого ёжика
F G7 C

Наливное красное яблочко.

С E7 Am
Вот такое же, с тонкою кожицей,
F G7 C
В детстве тоже дарила мне мамочка.

2. Кушай, родненький, да слушай ты бабушку,
Помогай старому дедушке.
Ой, как любят они тебя, лапушку,
Леденцы-петушки дарят, конфетушки.

3. Ты налей молока цельную мисочку,
Угости им серого ёжика.
Пусть попьёт, отдохнёт и бежит к своим детушкам —
Назовём, как тебя, его тоже Серёженькой.

4. Повтор 1-го куплета

ПО КОНДОЛЬСКОЙ СТАРОЙ ДОРОГЕ...

Am Dm
1. По Кондольской старой дороге
E7 Am

В родное вернулся село.

A7 Dm
И не было в сердце тревоги,
G7 C E7
А было на сердце тепло

2. От дедовских валенок в доме,
От бабкиных варежек в пух,
Что пёс меня помнит знакомый
И встретил соседский петух.

3. И Няньга моя озорная
Встречает игривой волной.

Она, словно мамка родная,
Повсюду навеки со мной.

4. Вернуть бы родных и любимых,
Вернуть их любовь и добро,
С поклоном сказать им: «Спасибо!»,
Мне в жизни с женой повезло!

5. По Кондольской старой дороге
К истокам, к родным берегам
Влечёт меня голос далёкий,
Он в сердце моём здесь и там.

6. По Кондольской старой дороге
В родное вернулся село.
И не было в сердце тревоги,
А было на сердце светло!

Роман ДАВЫДОВ

«МОЛЮ ПРОЩЕНИЯ У ЛЮБВИ»

Сравнительно недавно в Пензе произошло слияние двух университетов — государственного и педагогического. У руководства государственного (педагогический, поясню, вошел в его состав как институт при университете) возникло желание иметь гимн объединенного вуза. Музыку было предложено написать доценту института Вячеславу Бахтину, имеющему в своем творческом багаже большое количество песен — в основном, на стихи коллег-преподавателей. Что касается слов гимна, то здесь тоже ни у кого не вызвала возражения кандидатура поэта Ларисы Яшиной, которая без малого два десятилетия занималась в «политехе» педагогической деятельностью. Кстати, оба автора были хорошо знакомы друг с другом и в жизни, и в творчестве. «Девочки-невесты», «Юность, куда ты?», «Мне бы в горы уйти», «Приближаются круглые даты» — так называются их общие работы.

А сегодня предлагаем читателям последнюю совместную песню Л. Яшиной и В. Бахтина — «Молю прощенья у любви». По свидетельству Вячеслава Васильевича, это романс, причем выдержан он в духе позапрошлого века (обращаю внимание на личную скромность композитора). Первой исполнительницей этого сочинения явилась его супруга, преподаватель музыки 11-й средней школы Людмила Гордеева. Аккомпанировал на гитаре сам Бахтин. Случилось это на одном из фестивалей бардовской песни «Часовые любви». Чуть позже аранжировку этого номера по просьбе автора осуществил московский музыкант Игорь Петров. В партитуре сплелись тембры рояля, флейты и виолончели. Вокальную партию записала Елена Богданова, она, как и все участники этой творческой группы, из столицы. «В такой аранжировке музыка очаровала прежде всего саму Ларису Ивановну, — отмечает Вячеслав Бахтин. — И, конечно, наше

произведение волнует многих и многих женщин, переживших подобные жизненные коллизии».

В 2006 году в московском издательстве «Волшебный фонарь» вышел песенный сборник В.В. Бахтина «Колокольной поэзии звон» с шестьюдесятью его мелодиями. А к 350-летию нашего областного центра у нас вышел солидный том «Пенза в песнях». Вячеслав Васильевич значится в нем в качестве автора-составителя. В юбилейном собрании семнадцать собственных песен Бахтина и огромное число мелодий других пензенских композиторов, от Октября Гришина и Виктора Огарева до только набирающих свой вес в искусстве.

Handwritten musical notation for the first line of the song. The melody is written on a single staff with a treble clef and a key signature of one sharp (F#). The lyrics are written below the staff. Chords are indicated above the staff: E_m, H₇, E_mH₇, E_m, and D₇.

Мо. лю про. щен. ья у люб. ви, мо. лю про. щен. ья. Гля. жу, мо. ловь в гла. за тво.

Handwritten musical notation for the second line of the song. The melody continues on a single staff with a treble clef and a key signature of one sharp. The lyrics are written below the staff. Chords are indicated above the staff: G, H₇, C, A_m, H₇, and E₇.

и я с вос. хи. щен. ьем. И так те. бя бла. го. да. рю за всё, что

Handwritten musical notation for the third line of the song. The melody continues on a single staff with a treble clef and a key signature of one sharp. The lyrics are written below the staff. Chords are indicated above the staff: A_m, H₇, C, H₇, and E_m.

бы. ло. И пер. ву. ю тво. го да. рю я не за. бы. ла.

МОЛЮ ПРОЩЕНЬЯ У ЛЮБВИ

Стихи Л. Яшиной
Музыка В. Бахтина

1. Молю прощенья у любви,
Молю прощенья.
Гляжу, любовь, в глаза твои
Я с восхищеньем.
И так тебя благодарю
За все, что было!
И первую твою зарю
Я не забыла.

2. Бывал с бедой неравный бой,
Мели метели,
Но мы с тобой, моя любовь,
Все одолели.
Тебе однажды изменить
Я попыталась.
И некого теперь винить
За все, что случилось...

3. Ты ж солнечным весенним днем
Меня простила
И запылала вновь огнем,
А не коптила.
За слабости, грехи свои
Не жду отмщенья.
Молю прощенья у любви,
Молю прощенья!

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

Валериан Александров. «По-черному». Рассказ	1 — 97
Арсений Алексеев. В кружеве листопада. Стихи	5 — 119
Марина Анашкевич. Росы Вселенной. Стихи	6 — 99
Юрий Арбеков. От Ровно до Житомира.	
Рассказы о службе на Украине	4 — 112
Елена Барина. По дороге в Пензу. Стихи	1 — 3
Иван Белозерцев. Лучшее время моей судьбы	4 — 3
Нина Богдашкина. У родного села. Стихи	6 — 127
Анна Бонарига, Мария Грация Дженовезе.	
Всмотревшись в бездну. Стихи.	
Перевод с итальянского Ф. Самарина	1 — 105
Николай Буянов. Умная Эльза. Кинороман.	
Начало. Продолжение в № 6 за 2015 г.	5 — 9
Николай Буянов. Умная Эльза. Кинороман.	
Окончание. Начало в № 6 за 2015 г.	6 — 10
Ольга Денисова. Невоплощенный замыслам моим (из старых тетрадей). Стихи	3 — 3
Гаспаре Дори. Сто тридцать девять. Рассказ	4 — 84
Вера Дорошина. И сорвутся слова	5 — 93
Геннадий Ёмкин. Ужели поздно песни петь. Стихи	5 — 108
Екатерина Золотова. Потерянная песня. Рассказ	6 — 107
Татьяна Кадникова. На расстоянии вытянутой руки. Стихи	1 — 82
Ольга Коршунова. Карельский феномен. Рассказ	2 — 89
Игорь Курас. Услышь меня. Повесть	2 — 50
Алексей Куприянов. В борах, озерах и дубравах... Стихи	3 — 84
Владимир Лазарев. Дыханьем Родины живем. Стихи	6 — 103
Дана Лобузная. Маленькая моя страна. Рассказ	6 — 91
Николай Махонин. Слово другу	3 — 92
Мила Машнова. Москва — Харьков. Стихи	4 — 62
Джованни (Джанни) Мои. Возвращение мечты. Стихи	4 — 123
Вячеслав Омский. Я видел это. Стихи	2 — 106
Федор Ошевнев. Верующий батюшка. Рассказ	3 — 75
Светлана Попеева. Большего и не надо. Стихи	4 — 7
Поэзия Костромы	4 — 75
Поэзия ДНР. Не трогайте Донбасс! Стихи	5 — 3
Поэзия Сызрани	2 — 69
Константин Рассадин. Березовое небо. Стихи	5 — 88
Владимир Рогожкин. Женские колени. Рассказы	4 — 66
Роман Рябов. Немного о зиме. Стихи	6 — 3
Владимир Силкин. Донецкий дневник. Стихи	3 — 70

Марина Струкова. Здравствуй, бабушка! Рассказы	5 — 98
Вероника Сурняева. Разомкнутый круг. Стихи	1 — 92
Марина Тарасова. Сказки старого дома. Ожерелье сказок.	
Перевод с мордовского-эрзя Александра Бажанова	2 — 76
Виктор Терентьев. Бриллианты над Парижем	1 — 113
Лидия Терехина. Сказы белого филина. Стихи	2 — 146
Иван Тertyчный. Сквозняк. Рассказ	1 — 87
Ольга Токарева. Я только лист на древе жизни. Стихи	6 — 123
Я. Удин. Запах родины. Записки начала века	2 — 7
Михаил Федоров. Пусты ме да гинем... (На погибель).	
Роман. Окончание. Начало в №3 за 2015 г.	4 — 12
Михаил Федоров. Пусты ме да гинем... (На погибель).	
Роман. Начало. Продолжение в № 4	3 — 8
Владимир Федосеев. Я — из Пензы. Стихи	6 — 117
Илья Царев. Находка. Рассказы	1 — 108
Елена Чебалина. Веретено. Стихи	5 — 113
Василий Шварев. «Камешек цветной...». Повесть	1 — 9
Марк Шевелев. Прелести земные. Рассказ	4 — 108
Нина Шеменкова. Рыжие. Рассказы	2 — 66
Владимир Шемшученко. Майдан. Стихи	2 — 3
Евгений Юшин. Птица времени. Стихи	6 — 86

К 70-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Светлана Вьюгина. Вьюнок. Рассказ	2 — 109
Ефим Гаммер. Чемпионат мира по детству. Рассказы	2 — 123
Павел Гусев. Последний герой. Рассказ	1 — 135
Олег Демидов. Жизнь и творчество А. Мариенгофа во время Великой Отечественной войны	4 — 132
Виктор Кладов. Война и хлеб: тайны Селиксенского гарнизона	3 — 97
Пензенские поэты о Великой Отечественной войне	4 — 147
Валерий Сапунов. Мост. Очерк	3 — 104
Валерий Сухов. Пензенские поэты о Великой Отечественной войне	1 — 125
В. Поляков, В. Малязев, Я. Маркович, В. Рогожкин, В. Кельх, А. Давыдов. Стихи о войне	1 — 130
Стихи о войне	2 — 114
Лидия Терехина. Один из многих. Очерк	4 — 128

ПОД ЛЕРМОНТОВСКОЙ ЗВЕЗДОЙ

Дмитрий Голубков. Лермонтов. Повесть в стихах. Отрывки	2 — 143
--	---------

Александр Князев. Краткий обзор литературы. К 200-летию со дня рождения М.Ю. Лермонтова	6 — 131
Екатерина Козырева. И была песня...	
М.Ю. Лермонтов через 200 лет	4 — 152
Татьяна Коляян «Семейство Столыпиных... мне как свое».	
М.М. Сперанский и Столыпины	2 — 147
Марина Кудимова. Три эссе о М.Ю. Лермонтове	1 — 142
Олег Пугачев. За дуэлью — бессмертие творчества	2 — 138
Елена Родина. Уроки Тамары Мельниковой	5 — 123
Александр Тихонов. О главном. Стихи	5 — 132

ДАТЫ

Валерий Сазонов. Я — ровесник Победы	2 — 160
Роман Давыдов. «В жизни раз бывает...»	
К 80-летию Веры Аношиной	2 — 169

ПАМЯТЬ

Ибрагим Гуркин, Павел Фельдман. Муса Акъегет — «отец татарского романа». К 150-летию со дня рождения	1 — 163
Ибрагим Гуркин, Павел Фельдман. Классик татарской литературы.	
К 145-летию со дня рождения Захира Бигеева	5 — 151
Татьяна Кайманова. Куприн о газетной пехоте, или Позволено ли журналисту страдать интеллектуальной трусостью	4 — 158
Екатерина Козырева. «Чую радуницу Божью».	
С.А. Есенин через 120 лет	6 — 143
Николай Куленко. Мой Коля Рубцов. К юбилею поэта	6 — 149
Шамиль Куряев. «Вперед и вверх, а там...»	
Жизненный путь З.К. Куряева	2 — 173
Александр Марынов. Возвращение на родину. К выходу книги Н. Степного «Записки ополченца»	5 — 166
Вячеслав Нефёдов. «Практическое соприкосновение с жизнью».	
К 130-летию со дня смерти А.И. Пальма	6 — 163
Виталий Соколов. Самый жизнелюбивый человек.	
Памяти Николая Никифоровича Шевкуненко	5 — 159
Валерий Сухов. А.И. Куприн и С.А. Есенин.	
Творческие параллели и полемический диалог	4 — 173
Валерий Сухов. «На мотив Сережи я складываю песни».	
К 120-летию со дня рождения С.А. Есенина	5 — 138

Николай Четвертков. Лучший художник-иллюстратор России.
К 125-летию со дня рождения Н.В. Кузьмина 6 — 155

КРИТИКА. РЕЦЕНЗИИ. ОБЗОРЫ

- Эдуард Анашкин. Малая родина как первая любовь.
О творчестве Анатолия Зеленцова 2 — 207
- Эдуард Анашкин. Слова, подаренные ветру.
О новой книге В. Дорошиной 5 — 198
- Эдуард Анашкин. Звезды окликают 4 — 190
- Эдуард Анашкин. «...А сердце в Читу, все в Читу,
все в Читу возвращается». К 50-летию совещания
молодых писателей Сибири и Дальнего Востока 6 — 180
- Вячеслав Бахтин. Ее величество ирония.
По прочтении книги Г. Горланова «Пиитики» 4 — 203
- Валерий Бутов. Мату — шах, или Берегите родной язык 4 — 195
- Николай Буянов. Возврат к себе. О книге рассказов Т. Сычевой 1 — 192
- Вера Дорошина. Поющие форели.
О новой книге стихов пензенских поэтов 1 — 189
- Александр Еременко. Шестой день шестого
лунного месяца в Пензе 5 — 202
- Николай Инюшкин. Подвиг как процесс.
О подвижничестве И. Шишкина 2 — 199
- Татьяна Козина. Возвращаясь к духовным истокам...
О новой книге Г. Горланова 1 — 186
- Петр Лощинин. Знаки прошедшего времени 3 — 194
- Вячеслав Лютый. В центре земли.
Русское бытие в поэзии Юрия Перминова 2 — 191
- Вячеслав Лютый. Золото и медь.
Интонация стихотворений Геннадия Емкина 5 — 187
- Алла Николаева. Симпозиум в Константиново.
К 120-летию со дня рождения С.А. Есенина 6 — 202
- Захар Прилепин. «...Я тоже последний поэт той деревни,
где вырос Есенин». Разговор о Есенине и не только 3 — 174
- Олег Пугачев. «Лермонтов. Московские страницы
жизни и творчества». Рецензия на книгу С.А. Бойко 5 — 195
- Виктор Сидоренко. Святой родник Германа Карпова 3 — 191
- Алексей Сухов. «Мы берем обратно Севастополь».
О новой книге Д. Дарина 3 — 184
- Елена Чебалина. Путь к истине. О новой книге В. Терентьева 3 — 187
- Елена Чебалина. Знакомая незнакомка.
О поэзии Н. Шеменковой 1 — 194

ДЕБЮТ

Анна Боровая. Менуэт по-харьковски. Эссе	6 — 168
Ольга Живаева. Подорожник. Стихи	3 — 198
Людмила Захарова. Выдувальщик. Стихи	1 — 196
Лауреаты литературного конкурса имени А.А. Сазонова	4 — 206
Марина Ставская. Смерть-гора.	
Почти подлинная история, похожая на сказку	5 — 175
Татьяна Сычева. Горела свеча. Рассказы	2 — 181

ЧИТАЕМ ВСЕЙ СЕМЬЕЙ

Мария Белкова. Чудеса с ошибками. Сказочка	5 — 171
Геннадий Горланов. Кто как говорит. Стихи для детей	4 — 185
Олег Корниенко. «Тарзанка». Рассказы для детей младшего школьного возраста	3 — 202
Ангелина Кучерова. Записки юного читателя	4 — 180
Александр Марынов. Пензяки о литературе.	
Афоризмы, изречения, размышления	6 — 171
Владимир Филимонов. Бриллианты мысли.	
Русские писатели о труде	2 — 186
Владимир Юраков. Лекарство от скуки. Стихи для детей	1 — 202

КЛУБ «ПОЮЩИЕ ПОЭТЫ»

Песни Сергея Барехова	2 — 211
Роман Давыдов. Песенная Пенза	4 — 215
Роман Давыдов. Песенная Пенза. Рыцарский романс	5 — 214
Роман Давыдов. Песенная Пенза. «Молю прощенья у любви»	6 — 210
Песни Сергея Коробова	6 — 205
Песни Владимира Мочалина	4 — 211
Песни Анны Скорбогатько	5 — 206
Песни Марины Теплицкой	3 — 219
Песни Елены Чебалиной	1 — 210
Содержание журнала «Сура» за 2015 год	6 — 213

АНАШКЕВИЧ Марина Александровна. Родилась в 1997 г. в Москве. Окончила Литературный институт им. А.М. Горького. Член Союза российских писателей с 1999 г. Известность писательнице принесла повесть «Поражённая Венера», опубликованная в 1999 г. в журнале «Постскриптум». Повесть была выдвинута критиком М. Ремизовой на премию «Антибукер» и вошла в шорт-лист по номинации «Братья Карамазовы». Критик П. Басинский выдвинул «Поражённую Венеру» на премию им. Аполлона Григорьева среди двадцати лучших прозаических произведений за 1999 г. Автор 12 книг, среди которых большой популярностью отмечена книга «Русский крест». В «Суре» публикуется впервые.

АНАШКИН Эдуард Константинович. Родился в 1946 г. в г. Хилок Читинской области. С 1971 г. по 1976 г. учился на историко-филологическом факультете Ульяновского педагогического института им. Н.И. Ульянова. Печатался в центральных журналах: «Роман-журнал XXI век», «Сибирь», «Русское эхо», «Сура», «Наш современник», «Дон», «Гостинный двор». Автор сборника рассказов «Вовкин поцелуй», сборника рассказов и повестей «Запрягу судьбу я в санки», сборника рассказов и повестей «Злая мачеха-судьба», сборников литературоведческих очерков и статей «Лети, мой блистательный снеже...», «Ангел с огненным мечом», «Попавшие в переплет». Прозаик, эссеист, литературовед. Член Союза писателей России. Лауреат всероссийской премии «Имперская культура». Лауреат Самарской литературной премии им. Гарина-Михайловского. Лауреат ежегодной премии журнала «Русское эхо». Живёт в с. Майское Пестравского района Самарской области.

БОГДАШКИНА Нина Фёдоровна. Родилась в с. Абашево Беднодемьяновского района Пензенской области. Окончила Пензенский государственный педагогический институт им. В.Г. Белинского. Печаталась в журналах «Сура», «Бабья радость», газетах «Вадинские вести», «Вестник» Спасского района, «Пензенская правда». Автор пяти поэтических сборников. Дважды лауреат областного поэтического фестиваля имени Д. Д. Злобиной, лауреат Купринского конкурса «Гранатовый браслет». Автор слов песни «Поёт Сура», признанной лучшей в конкурсе «Подари городу песню», посвящённом 350-летию Пензы. Награждена значком «Отличник народного просвещения», медалью «Материнская доблесть». Лауреат IV и V областного поэтического фестиваля им. Д.Д. Злобиной. Член Союза писателей России.

БОРОВАЯ (ГОРНОВА) Анна Юрьевна. Родилась в 1971 г. в Приморском крае в семье военнослужащего. Детство прошло в

Ленинграде. Окончила филологический факультет Харьковского государственного университета. Работала преподавателем русского языка как иностранного в Харьковской государственной академии культуры и в Харьковском университете радиоэлектроники. С сентября 2015 года живет и работает в Пензе. В «Суре» публикуется впервые.

БУЯНОВ Николай Анатольевич. Родился в 1967 г. в Пензе. Окончил ПГПИ. Печатался в Москве, Петербурге, Ставрополе, в журналах «Сура», «Южная звезда», «Странник», «Искатель», «Уральский следопыт». Автор книг «Медиум», «Наблюдатель», «Опрокинутый купол», «Клятва на мече», «Призванный хранить» и других. Лауреат премий «Хрустальный парус» (1997), за лучший дебют от издательства «ЭКМО» (1999) и Губернаторской премии (2004). Член Союза писателей России.

ДАВЫДОВ Роман (Ромэн) Тигранович. Родился в 1947 г. в Баку. Окончил музыкальное училище, Горьковскую консерваторию по классу композиции (профессор А.А. Нестеров). Работал концертмейстером Азербайджанского театра оперетты. С 1975 г. живет в Пензе. Автор органных и хоровых сочинений, романсов, детских фортепианных пьес. Председатель Пензенского отделения Союза композиторов России.

ЗОЛотова Екатерина Сергеевна (творческий псевдоним **ЧЁТКИНА Екатерина**). Родилась в 1985 году в городе Свердловске. Окончила химический факультет Уральского государственного университета им. А.М. Горького. Занимается проблемами лесной экологии. В 2015 г. успешно защитила кандидатскую диссертацию. Является дипломантом Всероссийского конкурса «Facultet», фестиваля фантастики «Аэлита-2014». Печаталась в журналах «Техника молодежи», «Уральский следопыт», «Невский альманах», «XXI век» и др. Некоторые произведения озвучены в проекте «Фантаскоп». По её сказкам снимали мультфильмы для проекта «Уроки тетушки Совы» творческого объединения «Маски». В «Суре» публикуется впервые.

КНЯЗЕВ Александр Николаевич. Родился в 1953 г. в Ленинграде. Поэт, лермонтовед, музыковед, импресарио, редактор Фундаментальной электронной библиотеки «Русская литература и фольклор» РАН. Автор многих статей и эссе по литературе и музыке. Его работы опубликованы в научных сборниках, в журналах «Вопросы

литературы», «Сура», «Журнал ПОэтов» и других московских, петербургских и региональных изданиях, в Интернете. А.Н. Князев — редактор литературоведческих научных сборников «Тарханский вестник» (ГЛМЗ «Тарханы», 1995 г.), «Глубокий и могучий дух» (Москва, 2005). Под издательской маркой JMR (аббревиатура от французского названия «Русской музыкальной газеты») вышли около двадцати CD's, в их числе диски (а также ноты) серии «Поэзия М.Ю. Лермонтова в музыке» и компакт-диски с записями фонографического наследия З.А. Долухановой и П.Г. Лисициана. Инициатор акции «Страсти по Лермонтову» (проект действует с 29 декабря 2003 года). Участник международных фестивалей «Сергей Осколков и друзья» (2008, 2011 — 2013) и «Петербургская музыкальная весна» (2010). В июне 2003 года Александр Князев был удостоен диплома Информационного управления Президента РФ в номинации «Век минувший» конкурса «Петербург. Возрождение мечты». Член Международной Ассоциации «Русская культура». Член Союза писателей России. Член Союза концертных деятелей Санкт-Петербурга. В «Суре» публикуется впервые.

КОЗЫРЕВА Екатерина Николаевна (Костарева). Родилась в пос. Агаповка Челябинской области. Окончила Московский областной педагогический институт, Высшие литературные курсы в семинаре Юрия Поликарповича Кузнецова. Работала учителем русского языка и литературы; в районных и городских газетах, в журнале «Марфа и Мария». Ведущая литературных объединений «Тальянка» и «Царское Село», издатель альманаха «Вечера в Академическом» и «Царское Село». Печаталась в журналах «Литературная учёба», «Наш современник», «Роман-журнал XXI век», «День поэзии», «Москва». Автор поэтических книг: «Дорога в Болдино» (1993), «Свет одиночества» (1995), «Качели над обрывом» (1997), «Неземное кольцо» (1999), «Зимний шиповник» (2003), «Возвращение к себе» (2006), «Берег неба» (2009), книги-эссе «Тайная судьба Пушкина», «Другиня» (2012). Лауреат Всероссийской литературной премии «Традиция». Член редколлегии журнала «Вестник российской литературы», альманаха «Истоки». Член Союза писателей России. Живет в Москве. В «Суре» публикуется впервые.

КОРОБОВ Сергей Александрович. Родился в 1958 году в Пензе. Окончил Саратовский государственный университет по специальности «историк» (заочно) и Российскую академию управления по специальности «экономика и управление» (очно). Был одним из тех, кто готовил материалы для открытия музея В.О. Ключевского в Пен-

зе. Публиковался в периодической печати. Депутат Государственной думы РФ первого созыва. Один из разработчиков ФЗ «О континентальном шельфе», «О государственной границе РФ», «О восстановлении поста № 1 возле Кремлевской стены». Имеет благодарность Президента РФ за становление парламентаризма в России. Участник клубов «Поющие поэты» и «Я сень» при литературном журнале «Сура». Лауреат III фестиваля авторской песни «Часовые любви». В «Суре» публикуется впервые.

КУЛЕНКО Николай Андреевич. Родился в 1936 г. на Днепропетровщине. Окончил ремесленное училище, Литературный институт им. А.М. Горького. Работал литейщиком на заводе. Автор публикаций в альманахах «Земля родная», «Поэзия», журналах «Волга», «Донбасс», «Молодая гвардия». Автор книг «Первосвет» и «Путевые костры». Лауреат литературной премии им. М.Ю. Лермонтова. Член Союза писателей России.

ЛАЗАРЕВ Владимир Николаевич. Родился в 1940 г. в с. Чаадаевка Городищенского района Пензенской области. Окончил Пензенский инженерно-строительный институт. Много лет работал в пензенских проектных организациях, главным инженером в Пензенском художественном училище им. К.А. Савицкого. В настоящее время на пенсии. Член литературного объединения «Поиск». Автор сборников стихов «Гори, свеча», «Память», «Родники», «Дыханье проталин» (2010 г.). Печатался в ряде коллективных сборников. В «Суре» публикуется впервые.

ЛОБУЗНАЯ Дания Ахметзяновна. Родилась в 1940 г. на Вятке. Окончила филологический факультет Казанского университета. Живет в Пензе. Автор книг «Встреча» (2006), «Повесть о детстве» (2007), «Дороги для двоих» (в соавторстве с Л.И. Терёхиной, 2007), «Белое облако» (2008). Лауреат литературной премии «Гранатовый браслет» (2007). Педагог-организатор поэтического клуба «Берега» при литературном журнале «Сура».

МАРЫНОВ Александр Иванович. Родился в 1947 году в Пензенской области. Окончил филфак Саратовского госуниверситета им. Н. Г. Чернышевского. Более тридцати лет работал в районных и областных газетах Саратовской и Пензенской областей. Последние 18 лет — до ухода на пенсию — был главным редактором АНО «Редакция газеты «Наша Пенза»». Публиковался в различных сборниках, журналах. За цикл газетных публикаций «Белорусские встречи»

(2010 г.) удостоен Благодарности от Союзного государства «Россия – Белоруссия». В качестве автора, редактора-составителя издал несколько книг, в том числе сборники афоризмов «Симфония разума нарвчатцев», «Смело верь тому, что вечно», три книги памяти «Живите с улыбкой», «Уроки жизни», «Считаю себя пензяком». Член Союза журналистов с 1982 года.

НЕФЁДОВ Вячеслав Викторович. Родился в 1969 г. в с. Александровка Бековского р-на Пензенской области. Окончил исторический факультет Пензенского государственного педагогического института им. В.Г. Белинского. Кандидат исторических наук, учёный-белинсковед, вице-президент Фонда содействия развитию русской культуры. Автор более 1500 публикаций в СМИ и научных сборниках. Автор эссе о Белинском «Чернорабочий литературы». Лауреат премии журнала «Сура».

НИКОЛАЕВА Алла Александровна. Окончила Рязанский государственный университет им С.А. Есенина. Кандидат филологических наук. В «Суре» публикуется впервые.

РЯБОВ Роман Евгеньевич. Родился в 1975 г. в Пензе. Автор сборников стихов «Эскизы» (2003), «Комнатные растения» (2005), «Дарить» (2006), «Переход на кольцевую» (2007). Лауреат Всероссийской литературной премии им. М.Ю. Лермонтова (номинация «Молодые дарования»). Член Союза писателей РФ.

ТОКАРЕВА Ольга Геннадьевна. Родилась в 1976 г. в Пензе. Окончила режиссерское отделение училища культуры и искусств, ПГПУ им. Белинского. Работала внештатным журналистом газет «Пензенская правда», «Отражение» (г. Казань), «Биржевая газета» и др. Публиковалась в литературном журнале «Сура». Участник литературного объединения прозаиков «Былина» (Заречный).

ФЕДОСЕЕВ Владилен Валентинович. Родился в 1940 году в Пензе. Окончил механико-математический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. Кандидат наук, заведующий кафедрой московского вуза. Член Союза писателей России. Автор многочисленных публикаций и двух поэтических книг, за вторую из которых с названием «Ранняя осень» награжден Почетным дипломом «Золотое перо Московии». Награжден также Золотой Есенинской медалью, литературными медалями им. А.П.Чехова и М.Ю. Лермонтова, Золотым дипломом им. Н.М. Рубцова и другими литературными наградами.

Руководит литературным объединением «Вдохновение» при Люберецком Дворце культуры.

ЧЕТВЕРТКОВ Николай Васильевич. Родился в 1937 году в селе Балыклей Инжавинского района Тамбовской области. Окончил факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, Академию общественных наук при ЦК КПСС. Кандидат исторических наук, доцент. Был на газетной, комсомольской и партийной работе. Публиковался в «Российской газете», «Сельской жизни», в журналах «Вопросы истории КПСС», «Отечественная история», «Российская история». Часть этих публикаций вошла в сборник «Публицистика разных лет». (ПГУ. 2012). 35 лет преподает в пензенских вузах общественные и правовые дисциплины, в том числе 18 лет — журналистское творчество. Издал 7 учебных пособий по журналистике, из них три — с грифом УМО. Учебное пособие «Современная пресс-служба» признано Фондом развития отечественного образования лучшей научной книгой 2008 года. Награжден Почетной грамотой Министерства образования и науки РФ, Почетной грамотой Союза журналистов России. В «Суре» публикуется впервые.

ЮШИН Евгений Юрьевич. Родился в 1955 г. в г. Озёры Московской области. Окончил историко-филологический факультет пединститута в Улан-Уде. Стихи широко публиковались в центральных журналах, альманахах и газетах, транслировались по радио и телевидению, переведены на болгарский, немецкий, французский языки. Автор десяти поэтических книг, лауреат ряда литературных премий, в том числе Всероссийской премии Союза писателей России имени Александра Твардовского (1998 г.), премии имени Александра Невского «России верные сыны» (2002 г.), Международной литературной премии им. Андрея Платонова (2005 г.), Большой литературной премии России (2008 г.). В «Суре» публикуется впервые.

Учредитель и издатель:

ГБУК «Пензенская областная библиотека им. М.Ю. Лермонтова»

Общественный совет журнала: Г.Е. ГОРЛАНОВ, Н.М. ИНЮШКИН, С.В. КАЗАКОВ,
А.И. ЛОМОВЦЕВ, М.Н. ОСИПОВА, Ю.М. ПОЛЯКОВ, Е.А. СТОЛЯРОВА,
А.Б. ТУГАРОВ, А.В. ТЮСТИН, Е.Г. ЧЕБАЛИНА, О.В. ЧУБАРЬ, И.С. ШИШКИН
Редакционная коллегия: С.С. ВАХШТАЙН, Л.И. ДОРОШИНА, В.В. КЕЛЬХ,
Ю.В. КУЗНЕЦОВ, Ф.Ю. САМАРИН, О.В. СИРОТИН, В.А. СУХОВ,
В.В. ТЕРЕНТЬЕВ, В.А. ЮРАКОВ, Л.И. ЯШИНА

Главный редактор Борис ШИГИН

Р е д а к ц и я:

Лидия ДОРОШИНА — редактор отдела поэзии
Федор САМАРИН — редактор отдела прозы
Олег СИРОТИН — редактор отдела истории и краеведения
Сергей А. ПОНОМАРЕВ — художественный редактор
Ольга МАКАРОВА — технический редактор
Елена КОМЗАЛОВА — редактор-организатор

Компьютерная верстка — **Олег СИРОТИН**

Корректор — **Светлана АНДРЕЕВА**

Свидетельство о регистрации средства массовой информации: ПИ № ТУ 58-0009,
выдано Управлением Федеральной службы по надзору в сфере массовых
коммуникаций, связи и охраны культурного наследия по Пензенской области.

16+

Адрес редакции: г. Пенза, ул. Белинского, 10, тел. 63-44-20

Адрес учредителя и издателя: г. Пенза, пр. Строителей, 168-а

Интернет-версию журнала можно прочесть на сайте

областной библиотеки им. М.Ю. Лермонтова (<http://liblermont.ru>)

Адреса электронной почты редакции: borisshigin@yandex.ru (главный редактор),
lidiy2305@mail.ru (редактор отдела поэзии), fedor.samarin2011@yandex.ru (редактор
отдела прозы), ngmi@sura.ru (редактор отдела истории и краеведения)

Тел. гл. редактора — 8 937 402 22 73

Приобрести журнал «Сура» можно в библиотеке им. М.Ю. Лермонтова

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых
приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

За достоверность фактов несут ответственность авторы статей.

Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Редакция убедительно просит авторов присылать свои произведения
в соответствующие отделы редакции. Проза принимается с распечаткой текста.
Иллюстрационный материал соответствует качеству предоставленных оригиналов.

Подписной индекс «Суры» 53242

Сдано в набор 24.10.2015 года. Подписано в печать 24.11.2015 года. Бумага офсетная.
Формат 60x84 1/16. Отпечатано методом офсетной печати. Усл. печ. л. 14. Уч.-изд. л. 14.
Заказ № 1455. Цена договорная. Тираж 1000 экз.
Отпечатано в ОАО «ИПК «Пензенская правда».
Адрес: 440026, г. Пенза, ул. К. Маркса, 16.